

Вадим Леонидович Телицын

Святой Грааль и Третий рейх



От автора

«Что есть Бог?

Мы, приходящие в этот мир,
Молчим.

Мы не знаем его имя.

Мы остаемся безмолвными.

Мы тихо молимся...

Кто захочет сказать,

Кто Он есть,

Должен быть тем,

Кто Он есть!

Аминь»

Ран Отто. Крестовый поход против Грааля.

Чаша Грааля (или Святая Чаша), Копье Кассиуса-Лонгина (или Копье Судьбы), меч Святого Маврикия – все эти Евангельские реликвии ассоциируются в нашем сознании как нечто мифологическое, нереальное... Но так уж устроена людская ментальность, человеческая душа, что наиболее эмоционально неуравновешенные и чересчур впечатлительные представители человеческого сообщества, поверив в присущее этим реликвиям сверхъестественные возможности, стремятся овладеть ими. Как правило, все попытки эти имеет одну подоснову – стремление завоевать (в прямом смысле этого слова) мир, и поэтому поиск «способствующих» мировому господству связан с именами и

деятельностью тиранов и диктаторов, полководцев и государей, оставивших в истории свой кровавый след.

Иисус Христос и Иосиф Аримафейский, Фридрих Ницше (к трудам которого мы постоянно обращались) и Рихард Вагнер (без чьей музыки невозможно понять культуру Германии вообще и Третьего рейха – в частности), катары-альбигойцы и крестоносцы, нацисты и рыцари круглого стола короля Артура, германские археологи и советские шпионы, американские ковбои (вспомним только не менее легендарного, чем сама Чаша Грааля, Индиану Джонса, ищущего реликвию по всему свету) и масоны, антисемиты и сионисты, нищие и святые, политиканы и философы, вожди и обыватели, поэты и журналисты, и просто – сумасшедшие всех мастей, и прочие, и прочие, и прочие, – все они, увлекшись красивыми легендами, пытались докопаться до истины... Кто-то остался в человеческой памяти и истории, другие – сгнули без следа (ниже мы попытаемся восстановить жизненный путь некоторых из них, стремясь отдать должное человеческой настойчивости и любознательности), третьи – судьбой своей повторяли избитую истину о «превращении трагедии в фарс». Так или иначе, но и наше повествование – история о судьбах людей, делавших эту историю. Причем – о двух лицах, оставивших свои имена на скрижалях истории. Остальные «действующие лица» служат нам лишь для «фона».

Но жизнь каждого из втянутых в поиски евангельских реликвий людей – прекрасный материал для написания самых захватывающих приключенческих романов. Стоит только подкрепить порой неправдоподобные сюжеты документальными свидетельствами, и история Чаши и Копья заиграет новыми и оригинальными гранями.

Часть первая

ЧАША

Таинственное самоубийство (Вместо введения)

Вы смотрите вверх, когда вы стремитесь подняться. А я смотрю вниз, ибо я поднялся.
Кто из вас может одновременно смеяться и быть высоко?
Кто поднимается на высочайшие горы, тот смеется над всякой трагедией сцены и жизни.

Заратустра 1939 год, март...

Он очень любил жизнь, он наслаждался каждым ее мгновением, и умирать в тридцать пять не хотелось... Но, как настоящий посвященный и последователь (адепт) идей катаров-альбигойцев, он не мог поступить по-другому. Еще секунда, две и он сделает свой последний шаг – в сторону зияющей пустоты – огромной пропасти, той, что притаилась на восточном склоне горы Кауфштайн (Австрия)...

...Когда нашли тело, то у полицейского инспектора работы оказалось совсем немного, установить личность удалось сразу благодаря удостоверению личности. Согласно документу погибшим был Отто Ран. Старик-полицейский вспомнил его, он заметил этого молодого человека еще неделю назад, в местной гостинице, он выделялся среди приехавших в тот день туристов своей статной фигурой, какой-то внешней ухоженностью и в то же время какой-то отстраненностью, погруженностью в свои мысли, а еще – «довольно высокого роста, голубоглазый, зачесанные назад русые волосы, заметные (а ведь совсем юн!) залысины, прямой, но достаточно крупный нос, большой лоб, „рассеченный“ морщинами вдоль и поперек, тонкие, плотно сжатые губы»...

В гостиничной комнате, которую снял для себя Ран, инспектор обнаружил небольшой саквояж, трость и плед в крупную серую клетку. В саквояже – несколько книг по археологии, тетрадь с записями и курительная трубка. Погибший не оставил никаких предсмертных записок, но у опытного полицейского не вызывал сомнения тот факт, что налицо – самоубийство. Другой вопрос в том, что подтолкнуло молодого человека к такому роковому решению, но... это уже не его, инспектора, дело. Сейчас он быстро заполнит бланк протокола, изымет оставшиеся от погибшего вещи, даст подписать акт изъятия владельцу гостиницы и горничной и отправится домой, завтра уже суббота. А в понедельник сообщит обо всем по начальству, самоубийство – не преступление, куда торопиться...

Лишь через неделю в германских газетах появился некролог, в котором сообщалось о смерти молодого, подающего серьезные надежды археолога Отто Рана, известного своими раскопками во Франции, экспедициями в Исландию и Прибалтику, своими книгами о поисках Святого Грааля и своими знакомствами с представителями «сильных мира сего» – руководителями нацистского государства и нацистской партии – Генрихом Гиммлером и другими...

Если верить строчкам некролога, то имя Рана должно было быть выбито золотыми буквами на исторических скрижалях Третьего рейха, а дела его должны будут продолжены его последователями и учениками. Но уже через год – полтора его забыли, книги не переиздавались, а об идеях разрешалось размышлять только высшим германским чиновникам.

«...Перед Граалем о пощаде
Он громко к господу зывал,
Чтоб тот к себе его призвал
И прекратил его страданья.
Но бог не вынес оправданья
Тому, кто дерзкой суетой
Смел осквернить Грааль святой...»^[1]

Вольфрам фон Эшенбах

Начало

«Есть высшее счастье, познав, утаить».

В. Брюсов 1933 год...

Для Германии этот год стал судьбоносным. У власти стал человек, которого спустя двенадцать лет объявят маньяком и сумасшедшим, кровопийцем и параноиком, – Адольф Гитлер. Но тогда, в 1933-м, Гитлер провозгласил лозунг, который поддержали миллионы немцев – возрождение Германии и германской нации. И то и другое планировалось осуществить, овладев не только процессами экономического развития, но и силами природы и человеческого разума, обращением к истокам древнейшей германской истории, традициям и культурному наследию.

Тогда же, в 1933 году, по инициативе профессора Фридриха Хильшера (Хильшер Фридрих – философ, мистик, историк. Не принимал нацистской идеологии, хотя и не выступал против нее.) и при одобрении политика и оккультиста Рихарда Дарре было создано «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков» (более известное как «Аненербе»). С момента своего создания общество ставило перед собой задачу изучать все, что касается духа, деяний, традиций и наследия нардиической расы. Тематикой изучения «Аненербе» служило руническое письмо, эзотерика, символизм, сакральная география, геополитика, мифология, ариософия, архитектурные стили, песни и танцы, паранормальные явления.

Хильшер выдвинул программную задачу – восстановить утраченные магические отношения человека с природой и космосом. Устанавливалась календарная корреляция обрядовых действий и политических предприятий со священными днями языческого года. Нападение на Польшу было назначено на старославянское празднование нового года – 1 сентября, вторжение в Советский Союз – на праздник летнего солнцеворота. Песни, танцы, шествия, жестикуляция рассматривались в качестве ритуальной практики. Детально воспроизводились обрядовые церемонии крестоносцев и тибетских лам. Нацистское приветствие, приведшее от многочасового ее осуществления к деформации предплечья у Гитлера, считалось в герметической литературе особо «сильной медиумной асаной» (Багдасарян В.Э. Эзотерическая доктрина и историческая наука в Третьем Рейхе // Армагеддон. М., 1999. Кн. 1 (январь-февраль). С. 82.).

Германская историческая наука во времена Третьего Рейха представляла уникальный в развитии мировой историографии проект – придать истории прикладную направленность. «Аненербе» включало пятьдесят департаментов и имело масштабы финансирования, превосходящие затраты по атомному проекту.

Но уже буквально с первых дней существования «Аненербе» превратилось в арену борьбы различных политических группировок и политиков самого высшего полета.

*** * ***

Действующие лица:

Дарре (Darre) Вальтер Рихард Оскар (14.7.1895, Белграно близ Буэнос-Айреса, Аргентина – 5.9.1953, Мюнхен) – государственный деятель Третьего рейха, рейхсляйтер (1933), обергруппенфюрер СС (9.11.1934).

Из семьи немецкого дипломата и очень состоятельного человека. Окончил немецкую школу в Буэнос-Айресе, Гейдельбергское высшее реальное училище и Бад-Годесбергскую евангелистскую школу. В 1909 году вернулся с родителями в Германию.

С 1911–го по 1913 год учился в Уимблдоне (Великобритания), по образованию – экономист. Участник Первой мировой войны, доброволец, дослужился до лейтенанта. А. Гитлер обратил внимание на книгу Дарре «Крестьянство как источник жизни нордической расы» и в конце 1920-х годов предложил ему возглавить подотдел сельского хозяйства политической организации НСДАП, преобразованный в 1933 году в Аграрно-политическое управление НСДАП. Тогда же вступил в СС. С декабря 1931-го по июнь 1935 года он руководитель Главного управления расы и поселений СС, координировавшего проведение в жизнь расовой политики нацистской партии. В ноябре 1932 года избран депутатом рейхстага, член группы по разработке новой, с нацистским уклоном, аграрной программы.

С апреля 1933-го руководил многочисленными общественными крестьянскими организациями Германии. Тогда же был назначен имперским министром продовольствия и сельского хозяйства, одновременно с мая 1933 года он президент Германского сельскохозяйственного сообщества. Выступил инициатором разработки и принятия в сентябре того же года законопроектов, согласно которым вся система производства и сбыта сельскохозяйственной продукции была реорганизована. Усилия Дарре не пропали даром: в годы Второй мировой войны, за исключением 1945 года, германские города не испытывали нехватки продовольствия, а предприятия легкой промышленности – сырья и полуфабрикатов.

В конце 1933 года усилиями Дарре было создано Продовольственное управление рейха, главная цель его заключалась в регламентации всего цикла сельскохозяйственного производства. Он шел на все меры – порой не очень популярные в среде производителей, – дабы не создавать панику или ажиотаж вокруг поставок продовольствия, что с учетом военного времени, безусловно, было чревато последствиями.

В середине 1930-х годов Дарре выступил одним из инициаторов создания «Аненербе». Как оказалось, Дарре давно увлекался идеями мистицизма и проблемами управления человеческим разумом. Благодаря своим способностям, Дарре удалось пробить финансирование ряду исследовательских проектов, выбить несколько помещений, где разместились различные службы «Аненербе».

Он же первым подал мысль, что новому исследовательскому центру необходим высокий покровитель, который имел бы доступ в высшие эшелоны власти.

В мае 1942 года Дарре отправлен в отставку, его сменил Г. Бакке. Отстранение Дарре с поста министра было результатом закулисных махинаций руководящих лидеров нацистской партии и государства. Создавший бесперебойно работающий механизм производства и распределения сельскохозяйственной продукции и сырья, Дарре был раздосадован подобным к себе отношением и больше к активной политической деятельности не возвращался.

В мае 1945 года был арестован сотрудниками американской военной контрразведки, предстал перед военным трибуналом по делу Вильгельмштрассе. Приговорен к пяти годам тюремного заключения.

В 1950– м – освобожден (Энциклопедия Третьего рейха. М., 2003.).

*** * ***

Ближайшие сподвижники нацистского фюрера – в первую очередь Генрих Гиммлер – разобравшись в значимости вновь созданного общества, постарались прибрать его к рукам. Глава могущественного СС (СС – »Schutz-Staffel» («Охранные отряды»). Отборные части в составе СА, члены этой организации носили эмблему «Мертвая голова». До 1933 года главная задача СС состояла в охране видных руководителей НСДАП, после прихода А. Гитлера к власти СС являлась элитной военно-политической организацией. СА «Sturm-Abteilung» («Штурмовые отряды»). Массовая организация Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), созданная в 1921 году на военизированной основе, члены которой носили единую форму одежды. Использовалась главным образом для борьбы против леворадикального движения в период Веймарской республики и охранных отрядов во время крупных собраний нацистов. После 1933 года выполняла, в частности, функции вспомогательной полиции.) подчинил «Аненербе» лично себе, оформив его как отдел к управлению концентрационных лагерей. Но последнее – явный камуфляж. Общество продолжало свои научные изыскания, ход и результаты которых, естественно, тщательно скрывались под грифом «государственная тайна». Гиммлер сохранил все старые кадры (в частности, одним из руководителей ряда важнейших проектов остался Карл-Мария Виллигут, – человек безусловно талантливый, но с явно надломленной психикой).

*** * ***

Действующие лица:

Гиммлер (Himmler) Генрих (7.10.1900, Мюнхен – 26.5.1945, близ Люнебурга) – руководитель спецслужб Третьего рейха, рейхсфюрер СС, рейхсляйтер (1934). Из семьи директора гимназии, потомственного учителя. В январе 1918 года добровольцем вступил в армию, рядовой Баварского пехотного полка, затем направлен в унтер-офицерскую школу, которую окончил в декабре того же года, а в начале 1919 года демобилизовался из рядов армии, так и не приняв участия в боевых действиях.

Служил в Добровольческом корпусе, откуда был отчислен по обвинению в совершении уголовного преступления, и состоял членом ряда националистических объединений и союзов. В августе 1922 года окончил сельскохозяйственный факультет Мюнхенского политехнического института, получил специальность экономиста-аграрника, некоторое время работал на заводе искусственных удобрений, расположенном в одном из пригородов

Мюнхена. В том же году вступил в СА, участвовал в «Пивном путче» 1923 года, после его разгрома некоторое время находился на нелегальном положении. С 1924 года ближайший соратник Г. Штрассера, а именно сотрудник его штаба и личный секретарь, и владелец хутора в Вальдтрудеринге близ Мюнхена, где он занимался опытным сельским хозяйством. Однако разразившийся мировой экономический кризис привел дело Гимmlера в полный упадок. Участвовал в избирательной кампании 1924 года в Нижней Баварии: выборы закончились большим успехом последователей Штрассера: в рейхстаг прошли тридцать два депутата-нациста.

В марте 1925 года друг Гимmlера Х. Вессель, познакомил его с А. Гитлером (которого тот не знал, несмотря на участие в «Пивном путче»). В августе 1925 года Гимmlер вступил в воссозданную НСДАП и вскоре был назначен заместителем гауляйтера Нижней Баварии. С апреля 1927 года член СС и заместитель рейхсфюрера СС Э. Хайдена. С января 1929 года руководитель охранных отрядов в составе СА: всего 280 человек, к июню 1932 года число бойцов достигло 30 тысяч человек, а в январе 1933-го 50 тысяч.

В феврале 1931 года, возглавляя охранные отряды, подавил мятеж В. Штеннеса, за что Гитлер разрешил СС использовать девиз: «Твоя честь – верность». В августе 1932 года создал из наиболее верных сотрудников службу безопасности (СД), осуществлявшую контроль за настроениями внутри германского общества и нацистской партии. Во главе СД был поставлен Р. Гейдрих, которому Гимmlер полностью доверял, считая его одним из самых близких лиц в своем ведомстве. В то же время Гимmlер укреплял позиции СС, считая, что именно она должна стать цементирующей и карающей силой Третьего рейха, стоящей на службе фюрера. Позиция его не устраивала руководителей СА, не желавших уступать ему свои права и полномочия. Противостояние СС и СА усиливалось и в августе 1930 года вылилось в открытые столкновения, обернувшиеся кровопролитными стычками.

В марте 1933 года Гимmlер был назначен начальником полиции Мюнхена; в апреле 1934 года – шефом тайной государственной полиции Пруссии (гестапо), которую превратил в мощный карательный аппарат, – постепенно в его подчинение перешла полиция всех земель Германии. Гимmlер выступил одним из главных организаторов «Ночи длинных ножей» 1934 года, заявив на совещании командиров округов СС, что СА готовилась совершить государственный переворот. Благодаря своей активности ему удалось убедить Гитлера в том, что СС необходимо придать статус самостоятельной организации в системе НСДАП, подчиненной Верховному руководителю СА, которым являлся сам фюрер. Гимmlер получил ранг рейхсляйтера и превратился в одну из самых влиятельных фигур руководства НСДАП.

В 1934 года создал «Кружок друзей рейхсфюрера СС», стремясь следить за финансовой и промышленной ситуацией в Германии и за рубежом. В том же году выступил с идеей создания системы концентрационных лагерей, которыми руководил подчиненный Гимmlеру инспектор СС Т. Эйке. Цель последних заключалась в изоляции и уничтожении врагов Третьего рейха.

С середины 1930-х годов создавал постоянные военизированные отряды СС, которые летом 1940 года были преобразованы в войска СС, и к 1945 году их численность достигла почти 40 дивизий. С июня 1936 года Гимmlер занял пост рейхсфюрера СС и статс-секретаря германской полиции, сумев отодвинуть на второй план министра внутренних дел В. Фрика; в результате он сконцентрировал в своих руках рычаги управления всеми силовыми, за исключением вермахта, ведомствами Германии. Тогда же, после объединения полиции безопасности, находившейся в подчинении Министерства внутренних дел, и СД, находившейся в подчинении руководителей СС, было сформировано Главное управление полиции безопасности, реорганизованное в 1939 году в Главное управление имперской

безопасности (РСХА) и включавшее в себя наряду с СД, еще гестапо, криминальную полицию и службу внешней разведки.

В октябре 1939 года назначен «имперским комиссаром по консолидации германской нации», ему было поручено проведение глобальных мероприятий, направленных на германизацию Восточной Европы (славянских государств), в ходе которых предполагалось осуществить выселение десятков миллионов славян и евреев с целью освобождения территорий, предназначенных для заселения их этническими немцами. В феврале 1942 года сформировал в составе СС Главное административно-хозяйственное управление (ВФХА); в его ведении находилось большое количество промышленных предприятий и все концентрационные лагеря: их узники широко использовались для принудительных работ в промышленности или же передавались в распоряжение крупнейшим немецким фирмам («ИГ Фарбениндастри», «Фридрих Крупп» и другие). Руководил ВФХА один из ближайших помощников Гимmlера – О. Поль.

После гибели Гейдриха Гимmlер в мае 1942 года лично возглавил РСХА, назначив своим заместителем Э. Кальтенбруннера. Даже после занятия последним этого поста в январе 1943 года, сохранил за собой непосредственный контроль за деятельностью всех специальных служб, прежде всего гестапо и его начальника – Г. Мюллера. В августе 1943 года, оставаясь на всех прежних должностях, возглавил имперское министерство внутренних дел.

Начиная со второй половины 1943 года Гимmlер, через посредство ближайших сотрудников, стремился установить контакты с представителями американской разведки, рассчитывая заключить сепаратный мир при сохранении за Гимmlером политической власти в Германии и продолжении военных действий на Восточном фронте. В феврале 1944 года Гитлер подписал указ о подчинении Гимmlеру всех разведывательных структур Германии, в том числе военной разведки и контрразведки вермахта – абвера, а также разведструктур Военно-морского флота и Люфтваффе.

После провала Июльского заговора 1944 года Гимmlер назначен главнокомандующим резервной армией и начальником вооружений сухопутных войск вместо генерала Ф. Фромма, обвиненного в принадлежности к движению Сопротивления. В кратчайшие сроки осуществил «чистку» армейских кругов – в первую очередь высшего офицерского состава, – заменив их преданными офицерами СС. Тогда же в Германии была объявлена всеобщая мобилизация населения и под руководством Гимmlера началось формирование так называемых «народно-гренадерских дивизий» – отрядов народного ополчения. В распоряжение рейхсфюрера СС переданы ранее находившиеся в оперативном подчинении армейского командования части войск СС. В декабре 1944 года назначен командующим группой армий «Верхний Рейн» (с января 1945 года – группа армий «Висла»).

Непосредственно руководил операцией «Северный ветер», главная цель которой – выбить из района Эльзас войска противника и закрепиться на завоеванных позициях.

Бои шли с переменным успехом, германское и англо-американское руководства вводили в действие все новые и новые части: пехоту, танковые части. Частям вермахта даже удалось форсировать Рейн, но удержать плацдарм они так и не смогли: противник сметал немецких солдат ковровыми бомбардировками.

В конце января 1945 года Гимmlер был срочно переброшен на Восточный фронт, где началось наступление советских войск. Группа армий «Висла» потерпела серьезное поражение, попав на Одере в крайне тяжелое положение. В конце марта согласно распоряжению Гитлера Гимmlер сдал командование генерал-полковнику Г. Хейнрици.

Обидевшись на фюрера, он решил вернуться к идее заключения сепаратного мира. В. Шелленберг с согласия Гимmlера через находившегося в Италии обергруппенфюрера СС К. Вольфа активизировал ход переговоров с американской разведкой. Одновременно переговоры о перемирии велись и при посредстве шведского дипломата Ф. Бернадота.

Однако известия о переговорах дошли до одного из противников Гимmlера и претендента на первые позиции в германском руководстве М. Бормана, который предпринял попытку их сорвать, арестовав участников немецкой стороны.

В апреле 1945 года Гимmlер принял решение, используя все имеющиеся в его распоряжении вооруженные части и подразделения СС, совершить государственный переворот и взять всю власть в свои руки, сместив со всех постов Гитлера и его приближенных. Тогда же он – опять же через Вольфа – официально обратился к американскому командованию с предложением о начале переговоров, предоставив им в качестве залога часть попавших в его руки произведений искусств, изъятых в оккупированных странах, но союзное командование отказалось вести переговоры с главой СС.

Борман сообщил о закулисных махинациях Гимmlера Гитлеру – взбешенный фюрер сместил его со всех государственных постов и исключил из нацистской партии. Но опальный рейхсфюрер СС сохранил за собой полный контроль над своими войсками, важнейшие посты в которых занимали преданные ему офицеры.

В начале мая 1945 года Гимmlер предложил свои услуги новому правительству К. Дёница, но получил решительный отказ, так как его имя было связано с преступлениями против человечества. Воспользовавшись поддельными документами на имя унтер-офицера вермахта Г. Хитцингера, Гимmlер попытался скрыться, смешавшись с многочисленными толпами беженцев. Однако 23 мая на мосту Бервеверде, близ Люнебурга он был задержан английской военной контрразведкой и направлен в лагерь для перемещенных лиц. После нескольких дней допросов он, находясь в тяжелой депрессии, признался, что в действительности является рейхсфюрером СС, и потребовал встречи с высшим руководством союзников по антигитлеровской коалиции. Но после отказа последних встретиться покончил жизнь самоубийством, используя ампулу с сильнодействующим ядом. Тело Гимmlера было сожжено, а пепел развеян вблизи Люнебурга (См.: Энциклопедия Третьего Рейха. М., 2003.).

*** * ***

Виллигут (Willigut) Карл-Мария (10.12.1866, Вена – 3.1.1946, Арлзен) – мистик, оккультист, историк, литератор. Из семьи потомственного военного, получил военное образование в имперской кадетской школе в Вене-Эрейтензее. Еще будучи кадетом, Виллигут проявляет большой интерес к различным эзотерическим учениям, состоит членом различных оккультных обществ, публикуя стихи, посвященные природе и мифологическим сюжетам (например, поэма «Руны Зигфрида»). С декабря 1884 года состоял на военной службе, четыре года спустя получил первый офицерский чин. В 1907 году женился на Мальвине Лойтс фон Тойринген, однако брак не был счастливым, поскольку жена не разделяла увлечения мужа (семья распалась в 1932 году).

Участник Первой мировой войны, воевал на Восточном и Итальянском фронтах. С 1916-го – офицер резервного округа Зальцбурга, с августа 1917-го – полковник, с мая 1918 года руководил лагерями для демобилизованных солдат (район Львова). В самом конце 1918-го демобилизован, жил в Зальцбурге, где продолжал свои изыскания в области оккультизма, сотрудничает с известными исследователями этих вопросов – с Т. Шеплем, Й. Л. фон Либенфельсом, Э. Рюдигером, Ф. Тельтшером. В начале 1920-х годов Виллигут формулирует так называемую «ирминистскую доктрину». Согласно взглядам Виллигута, германская история, культура и религия начинали свой отсчет около 228000 года до нашей эры, «когда на небе было три солнца, а земля была населена гигантами, карликами и другими... мифологическими существами». В 1924–1927 годах содержится в клинике душевных болезней Зальцбурга (куда его отправили после настоятельных просьб жены) с диагнозом «шизофрения с мегаломанией и параноическими расстройствами». После выписки из больницы он перебирается в Вену, где продолжает общаться с австрийскими оккультистами –

В. фон Бюловом, В. Тойдтом, занимаясь исследованиями «тайной истории германцев». В 1932 году переезжает в Германию, в Мюнхен, где становится центральной фигурой в ирминистском кружке «Свободные сыны Севера и Балтийского Моря» и «Эддическом обществе» фон Бюлова. Много публикуется в периодической и специализированной печати, вокруг него складывается круг последователей и учеников. В конце 1932 года был познакомлен с Г. Гиммлером, который очень внимательно отнесся к разработкам Виллигута. В сентябре 1933 года – член СС (под псевдонимом «Карл-Мария Вейстхор»), назначен руководителем отделения древней и ранней истории в Главной службе расы и населения в Мюнхене. Главной своей задачей в этот период он считал поиск утраченной немецкой традиции, «уничтоженной католической церковью и другими враждебными силами». Он верил, что существует «тайный ключ к старой культуре, который может быть найден в настоящем». Совместно с архитектором Г. Бартельсом занимался проектированием Вевельсбурга (орденский замок СС), разрабатывал для СС различные обряды (как, например, «Tauf-Rita», то есть церемонии крещения), руководил археологическими изысканиями в Грюнвальде, Шварцвальде, в окрестностях Гоцлара. В 1935 году переведен в центральный аппарат СС, с 1936 года служил в личном штабе Гиммлера, бригаденфюрер СС. С этого же времени на рейхсфюрера^[2] СС обрушивается шквал доносов, в которых Виллигуту приписываются все возможные и невозможные грехи – некомпетентность, слабоумие, пристрастие к наркотикам и спиртному. По приказу Гиммлера ему доставляют и историю болезни Виллигута из клиники Зальцбурга. В 1939 году Виллигута увольняют из СС, официально «по причине возраста и слабого здоровья». С 1940-го по 1945 год Виллигут скитается по Германии и Австрии (Гоцлар, Вердерхоф, Каринция), перебиваясь случайными гонорарами, умер от гриппа (См.: Гудрик-Кларк Н. Окультурные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. Б.м., б.г.).

*** * ***

Но чтобы сотворить новую «немецкую элиты» (выполняя прямое указание своего вождя), Гиммлеру необходимо было создать ее историю. И здесь на помощь Гиммлеру пришла археология, в которую он был просто влюблен. (Сохранился огромный фотоархив, на большей части снимков глава СС позирует на фоне раскопок.) К концу тридцатых годов практически все археологические экспедиции нацистской Германии (в том числе и тайные) финансировались за счет средств «Аненербе» (Вообще начиная с середины 1930-х годов все археологические раскопки в Третьем Рейхе проводились только с ведома «Аненербе». Так, например, под непосредственным контролем этой организации были изучены укрепления викингов IX века, осуществлялась раскопка и описание древних поселений и курганов на оккупированных территориях Украины.). С нацистской «археологией» связано огромное количество просто невероятных историй, каждая из которых может еще «посоревноваться» с любым приключенческим романом.

Вот одна из них.

В 1924 году в Центральной Америке начались широкомасштабные работы по расчистке древнего города майя в тропических джунглях полуострова Юкатан (сейчас – Белиз). Тридцать три гектара леса, скрывавшего старинные строения, было решено просто... выжечь.

Через два дня дым от костров рассеялся и открылось удивительное и неповторимое зрелище: «каменные развалины пирамиды, городских стен и огромный, на тысячи зрителей, амфитеатр Лубаантун».

Раскопки на месте городских кварталов продолжались несколько лет. В 1927 году известный британский археолог и путешественник, полиглот и авантюрист Альберт Митчелл-Хеджес обнаружил здесь, на полуострове Юкатан, так называемые «хрустальные черепа».

Эта находка стала одной из самых таинственных в XX веке. О ней много писали и спорили. Сами черепа были доставлены в один из музеев Бразилии, где они спокойно хранились пятнадцать лет.

Апрель 1943 года принес сенсационную новость: после попытки ограбления этого музея были задержаны агенты... «Аненербе».

Во время следствия они признались, что в Бразилию было нелегально заброшено несколько групп, выполнявших одну задачу – похищение «хрустальных черепов богини смерти».

Почти все нелегалы были задержаны, некоторые, оказавшие вооруженное сопротивление, попросту ликвидированы.

Оказалось, что за этой неудавшейся операцией стоит некто иной как носитель «знаний дьявола» Виллигут. Он считал, что черепа эти есть составной элемент ритуального «саквоая» жрецов Атлантиды.

Гиммлер санкционировал действия Виллигута, рейхсфюрер СС верил, что знания «прародительницы арийской расы» позволят не только создать «сверхчеловека», но и с помощью магии управлять разумом обывателя. И сегодня исследователи – археологи и этнографы – высказывают предположение, что найденные «хрустальные черепа» – то небольшое, что уцелело от Атлантиды, но могущее пролить свет на многочисленные тайны, связанные с ней (С.М.И. Политика, замешенная на крови. И еще немного мистики. Правдивцев В. Хрустальные черепа. Самая таинственная находка XX века // Совершенно секретно. 13 марта 2002; Сегодня. Киев, № 173. 6 августа 2002.).

*** * ***

Гиммлер (как и его непосредственный босс) внимательно следил за всеми новинками, появлявшимися на книжном рынке, которые могли бы представлять интерес для сотрудников «Аненербе». Сотрудники Виллигута и личные адъютанты Гиммлера рыскали по книжным магазинам западноевропейских столиц, скупая все, что имеет хоть какое-то отношение к германской истории.

В 1934 году один из ассистентов Виллигута, Габриэль Винклер, наткнулся на книгу «Крестовый поход против Грааля», вышедшую крошечным тиражом (и потому практически незамеченную читающей публикой) в 1929 году. Ее автор – некто Отто Ран, германский историк и археолог, – очень подробно повествовал об истории еретической секты катаров-альбигойцев, ее разгроме крестоносцами, об альбигойских войнах и кровопролитной осаде замка Монсежур (последнем оплоте катаров), о несметных сокровищах альбигойцев и судьбе легендарной Чаши Грааля.

Книга настолько захватила Гиммлера (и еще больше – заинтриговала), что он тут же отдал приказ найти автора и доставить его в Берлин. Беседы Рана и Гиммлера длились часами, планы молодого археолога были грандиозны, не менее амбициозен был и сам вождь СС.

Неделю спустя после знакомства археолога и нациста на стол Гиммлера легла развернутая докладная записка, в которой Ран изложил свои планы, обосновывая экспедиции и раскопки необходимостью ликвидировать те пробелы, которые «украшали» создаваемую историю нордической расы.

Сам Гиммлер не ограничивал знакомство с Раном только беседами, он отдал приказ подобрать о нем все, что возможно – характеристики, отклики коллег и знакомых, отзывы представителей научных кругов, данные правоохранительных структур – полиции, гестапо и проч. Любимым синим карандашом Гиммлер отчеркивал в документах одно лишь словосочетание (от которого веяло чем-то магическим) – «Чаша Грааля».

В «Аненербе», СС и в кабинетах высшего нацистского руководства к Чаше относились не просто как к неправдоподобному мифу или историческому нонсенсу. И Гиммлер, и Гитлер считали, что Грааль существует, что это чаша, внешние стенки которой покрыты руническими надписями, и расшифровка их позволит овладеть «мудростью прошлого», «древнейшими нордическими традициями», «забытыми познаниями нечеловеческого происхождения». Что, в конечном итоге, даст возможность подчинить человеческий разум...

Все о Граале

О Граале сказано и написано столь много, что только перечисление работ заняло бы добрую сотню страниц. Синтезируя огромный фактический материал, критически подходя к многочисленным легендам и мифам, суммируя «за» и «против» доводы, оценки и выводы огромной армии исследователей, можно постараться ответить на вопрос:

Так что же это – Чаша Грааля?

Откроем энциклопедические словари и справочные издания:

«Грааль – символ бессмертия, духовной чистоты, мистический центр Земли. Трансформированные в рамках христианской культуры кельтские легенды о Граале имели распространение в Испании, Франции, Германии, Англии, Исландии и др. странах. По различным версиям, этимология термина восходит к словам: Sangreal производное от Sang real – „истинная кровь“ (подразумевается кровь Христа), Gradalis – от Cratalem (греч. – большой сосуд для разбавления вина водой), Gradails – от Graduale (церковное песнопение), Graal – от ирландского cruol – „корзина изобилия“ и т. п. Дискуссии идут о том, какой компонент легенд о Граале восходит к ортодоксально-христианской, апокрифической (прежде всего Евангелие об Никодиме, как наиболее подробный источник преданий об Иосифе Аримафейском) или кельтской языческой традиции. В символике Грааля происходило соединение духа рыцарской деонтологии и христианской мистики.

Во время восстания Люцифера архангел Михаил выбил из его короны изумруд, из которого ангелы и изготовили чашу Грааля. По другим, более редким версиям, Грааль – серебряное блюдо, на котором зачастую помещалась отрубленная голова. Как правило, в искусстве он изображался как кубок значительных размеров и небывалой красоты.

Согласно наиболее распространенной версии легенды, Иосиф Аримафейский (Иосиф Аримафейский – богатый человек из Аримафеи (Мф. 27:57), уважаемый член иудейского высшего совета (Мк. 15:43), добрый и правдивый (Лк. 23:50). Он был учеником Иисуса, но тайным – из-за страха перед иудеями (Ин. 19:38). После распятия Иисуса он выпросил у Пилата его тело и положил его в тот гроб, который приказал ранее высечь в скале в Иерусалиме, предназначая его для себя (Мф. 27: 57—60; Мк. 15:42—47; Лк. 23:50—53; Ин. 19:38—42).) принес Чашу на место распятия и собрал в нее кровь из ран умирающего Иисуса. Лунный серп, входящий в символику Креста, часто истолковывался как чаша Грааля. В силу изобразительного сходства Грааль символизировал Луну и женское начало творения. Помещенная в чашу кровь Христа дает бессмертие. Многие исторические персонажи верили в реальное существование Грааля, и желая обрести эликсир жизни, организовывали его поиск. Часто предполагалось, что Чаша первоначально служила при причащении на Тайной вечере. Поэтому она являлась евхаристическим символом, связанным с рассказами о видениях пресуществления хлеба и вина в тело и кровь Христа. Изображение окровавленной головы на серебряном блюде связывался с образом Иоанна Крестителя и с магической ролью черепов в кельтской мифологии.

Тема Грааля входит в цикл легенд о короле Артуре (См.: Loo mis R. S. (ed.) *Arthurian literature in the Middle Ages*. Oxford, 1959. P. 51; См., также: Михайлов А. Д. Артуровские легенды и их эволюция // Мэлори Т. *Смерть Артура*. М., 1974.), как поиск чаши высшей святости. Она помещалась в центре мистического Круглого стола рыцарей Камелот.

Явившись в качестве видения, Грааль становится объектом поиска и стремлений странствующих рыцарей. Только трое из витязей, Галаход, Парсифаль и Борс, олицетворявшие высшие рыцарские добродетели, соответственно верность, целомудрие и святость, удостоились причащения из Чаши. После приобщения к тайне Галаход и Парцифаль трансформируются от физического состояния к высшей реальности бытия.

Вслед за евангелиевскими событиями Иосиф унес чашу Грааля и копье Лонгина в отдаленную страну. Потомки Иосифа, ставшие хранителями священной реликвии, скрыли ее, по одной версии, в аббатстве Гластонбэри в Англии (местонахождение могилы короля Артура), по другой – в построенной атлантами за одну ночь волшебном замке на горе Сальва в Испании. Последний из королей Грааля Парцифаль, скрывавшийся под именем Джона Престопа, унес чашу в Индию, навсегда исчезнувшую из поля зрения западного мира.

Поиск Грааля символизировал вечный поиск истины. Согласно масонской интерпретации, легенда указывала на разыскиваемое Братством Мастеров Утерянное Слово. По версии языческого происхождения мифологемы, Грааль являлся ковчегом, символом тела Великой Матери – Природы, в котором сосредоточена жизнь мира. Зеленый цвет чаши соотносил ее с астрологией планеты Венера и мистерией Возрождения. В христианской мистической традиции Священная чаша есть знак искупления и мирового сердца. Зачастую она изображалась в виде лунного серпа.

Святая реликвия может открываться только людям, достигшим высшего духовного развития. Лишь тот, кто призван самим Граалем способен достичь места его сокрытия. Потеря чаши интерпретировалась как утрата райского состояния, потеря внутренней устойчивости, сакрального центра.

Поиски Грааля имели не только символическое значение, но и являлись подлинными экспедиционными предприятиями» (См.: Дашкевич Н. П. Сказание о Святом Грале // Из истории средневекового романтизма. Киев, 1877; он же. Романтика Круглого Стола в литературе и жизни Запада. Киев, 1890; Веселовский А. Н. Где сложилась легенда о Святом Грале? СПб., 1900; Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1993; Байджент М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка. Иисус Христос. Катары. Священный Грааль. Тамплиеры. Сионская община. Франк-масоны. СПб., 1993.).

*** * ***

Известный русский путешественник, художник, писатель, поэт, а также шпион и мистификатор Николай Константинович Рерих (Николай Константинович Рерих – фигура и странная и очень таинственная. О.Шишкин привел немало свидетельств о том, что этот бесспорно талантливый человек сотрудничал с советской внешней разведкой, выполняя «щекотливые» поручения Лубянки. (См.: Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999.) Но в опубликованных несколько лет назад «Вербовочных беседах» Мюллера находим свидетельства о том, что Рерих не гнушался работать и на германские спецслужбы (см.: Дуглас Г. Шеф гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы. Из секретных досье ЦРУ. М., 2000.). Вне всякого сомнения, Н.К. Рерих искал Грааль, тому свидетельства его путешествия не только в районы, где существовали таинственные входы в Шамбалу, но и в районы, где согласно многочисленным источникам могла храниться Священная Чаша.) в описании чаши Грааля был более поэтичен:

«Символ Чаши с древних времен является утверждением Служения. В Чашу собирают дары Высших Сил. Из Чаши дают. Символ Чаши означает всегда самоотвержение. Несущий Чашу есть Подвиг Несущий. Каждое высокое деяние может обозначаться символом Чаши. Все самое высокое во благо человечества нуждается в этом знаке. Чаша Грааля или Чаша Сердца, отдавшего себя на Великое Служение, есть самый Космический магнит. Сердце Космоса отражается в этом великом символе. Все образы героев духа могут быть изображены

как несущие Чашу. Все Мироздание отражается в Чаше духа огненного. Ведь Чаша имеет в себе все вековые накопления, которые собираются вокруг зерна духа. Как великий символ нужно принять утверждение Чаши в каждодневности. И детей, и молодых нужно приучать мыслить о Чаше. Нужно понять все многообразие образов великого символа Чаши».

* * *

Средневековый пиит (талантливый, но беспутный) Кретьен де Труа, автор подзабытой ныне поэмы «Персеваль, или Повесть о Граале» («Персеваль» или «Перцеваль» (от французского «странник-одиночка» – рыцарь, отправившийся на поиски заветного сокровища).), видел Чашу в ином свете:

Наиценнейший изумруд,
Обделан в виде чаши винной,
Четыре жаркие рубина,
Четыре солнца по краям.

Кретьен де Труа

* * *

Еще один неутомимый средневековый поэт и странник, «баварский князь» (последнее остается под вопросом для исследователей) Вольфрам фон Эшенбах наиболее полно отработал тему евангельской реликвии, посвятив ей 24 810 стихотворных строк. Над своей основной поэмой «Парцифаль» он трудился с 1195-го по 1216 год:

Да. Силой обладал чудесной
Святой Грааль... Лишь чистый, честный,
Кто сердцем кроток и беззлобен,
Граалем обладать способен...

Вольфрам фон Эшенбах

И еще:
...Излучал волшебный свет,
Пламя, в котором, раскинув крыла,
Птица Феникс сгорает дотла,
Чтобы из пепла воспрянуть снова,
Ущерба не претерпев никакого,
А только прекраснее становясь...
Вот она – взаимосвязь между умираньем
И обновленьем.

Вольфрам фон Эшенбах

Не из пальца же Эшенбах высосал эти строчки, он знал то, о чем пишет, чего стоит только его паломничество в Иерусалим. Здесь некий Флегетанис рассказал ему, что «есть такая вещь Грааль, название которой он прочел по звездам. Ангелы оставили его на земле». «Грааль принадлежит не только прошлому, – Флегетанес вознес руки к небесам, – но и будущему: „Ибо ни один человек не достигнет Грааля, пока о нем не узнают на небесах и его не призовут по имени в общество Грааля“. А тот, кто станет эту вещь охранять на земле, всегда будет выделен из остальных.»

Следует заметить, что все эти истории о Граале рассказывали так называемые «непосвященные» (то есть знавшие о Граале от вторых, а то и третьих лиц). «Посвященные» или «совершенные» (о них чуть ниже) молчали, хотя и позволяли распространяться легендам

о Граале, а также хранили и пополняли список хранителей святой реликвии, отвергая христианскую церковь как возможного хранителя реликвии, более того – характеризовали ее, как «небожеское творение, ведущее людей по ложному пути».

Церковь в долгу не оставалась и стремилась любыми средствами доказать свое право на пастыря «рабов божьих» только обладанием святыни. Именно потому церковь и организовала крестовый поход, стремясь уничтожить «посвященных-совершенных» и завладеть реликвией.

*** * ***

И снова Вольфрам фон Эшенбах, для которого Грааль был «камнем особой породы» по имени «Lapis ex coelis», то есть – «камень с небес».

Святого Мунсалвеша стены
Катары и ночью и днем стерегут.
Святой Грааль хранится в нем,
Грааль – это камень особой породы.
На наш язык пока что нет перевода,
Он излучает волшебный свет!
Но как попасть в Граалево братство?
Надпись на камне сумей прочитав!
Она появляется время от времени
С указанием имени, рода, племени,
А также пола того лица,
Что призван Граалю служить до конца.
Чудесная надпись ничем не стирается,
А по прочтении, за словом слово
Гаснет, чтобы появился снова
Дальнейший список в урочный час,
И так же, прочитанный, погас...

Вольфрам фон Эшенбах

И еще:

«В тот же день к Граалю приходит известие, в котором заложена огромнейшая сила. Сегодня Святая Пятница и все ждут, когда с небес спустится голубка. Она приносит маленькую облатку и оставляет ее на камне. Затем, сверкая белизной, голубка вновь взмывает в небеса. Всегда в Святую Пятницу она приносит к Граалю то, от чего Грааль обретает нежное благоухание...»

*** * ***

Все это мы найдем у Вольфрама фон Эшенбаха. Более мелкие свидетельства, догадки и штрихи обнаружим у целого ряда авторов:

Робер де Борон: речь идет о кубке Тайной вечери, в который Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа и привез ее ко двору короля Артура в Камелот (См.: Loo mis R. S. (ed.) *Arthurian literature in the Middle Ages*. Oxford, 1959. P. 112—117.).

Англичанин Н.: чашу доставила в Марсель Магдалина, а уже из Франции она попала на Британские острова.

Французский ученый Геннон: Грааль – священная книга арийцев.

Германские археологи: Граль (а не Грааль) – камень, возможно, изумруд, выпавший из короны Люцифера; или скала, на которой рунами начертаны законы гиперборейцев – подкрепляя свои гипотезы убедительными рассуждениями: «Что такое Грааль, который искал Парцифаль у Вольфрама фон Эшенбах?

Небесный камень, lapsit exilis («Lapis ex coelis»), ключ к раю!

Для кого-то все радости рая заключаются в обладании тем, что в этом мире считается прекрасным и драгоценным. Для других рай возможен только по ту сторону бытия.

Были алхимики, которые искали философский камень, чтобы превращать обыкновенные металлы в золото. Другие же, мудрые и благородные, переносили загадочные формулы в область духа. Низшими металлами были для них человеческие пророки, которые они хотели облагородить. Вместо богатства они искали Бога» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 75.^[3]).

* * *

Итак...

Грааль в западноевропейской традиции и средневековых легендах – таинственный сосуд, ради приближения к которому и обретения его рыцари совершают свои великие подвиги.

Грааль – чаша с кровью Иисуса Христа, которую собрал Иосиф Аримафейский, снявший тело распятого Иисуса.

Грааль служил Христу и апостолам во время Тайной вечери.

По другим, более поздним версиям, Грааль – серебряное блюдо.

И еще несколько пассажей, обнаруженных нами в литературе:

«Грааль – это тайна, невидимая для недостойных, но и достойным он является по-разному. Грааль обладает способностью чудесно насыщать своих избранников чудесными яствами. Это сближает его с мифологическими символами изобилия (рог Амалфеи – греческая мифология, котел – кельты). Путь Грааля из Палестины на запад легенда связывала с путем Иосифа Аримафейского, миссионерская деятельность которого соотносилась с различными географическими районами – от британского монастыря в Гластонбери, где показывали могилу короля Артура, чье имя сплетено с легендами о Граале, до Пиренейского полуострова.

В эпоху казней и нещадных гонений – с раннего Средневековья до Возрождения – все, связанное с традицией Грааля, становилось жертвой гнева епископов и воинствующих монахов. Невинные жертвы обвинялись в колдовстве.

Грааль терпит возле себя только непогрешимых в целомудрии, и всякий недостойный, приблизившийся к святыне, будет наказан раной и недугом, однако он может ожидать избавления все от той же святыни (С.С. Аверинцев).

Стремясь суммировать то, что на наш взгляд является первостепенным, все равно, расплываешься «мыслью по древу»: ведь столько мнений, столько гипотез, столько подходов... Любое из них имеет право претендовать на первостепенное, и любое можно оспорить, уверовать в доводы противоположной стороны.

Лишь одно остается бесспорным – все предания о Граале апокрифические, то есть не признаны официальной церковью.

Может быть, в этой предпосылке скрыт кончик заветной ниточки того клубка, распутав который мы доберемся до истины?

Может быть, может быть... Но для этого нам стоит из трагического и кровавого века двадцатого перепрыгнуть в век тринадцатый, в эпоху крестовых походов, рыцарей, ересей,

инквизиции... Эпоху не менее кровавую, чем та, чью кончину мы наблюдали каких-нибудь пять лет назад...

Тайны Монсегюра

«Крест Христа – не должен служить предметом поклонения, так как никто не станет поклоняться виселице, на которой был повешен его отец, родственник или друг»

Из учения катаров

1244 год, 17 марта.

Утро выдалось холодным, но это лишь раззадорило братьев-крестоносцев и многочисленных кнехтов. Последние активно подтаскивали к центральной площади охапки хвороста и соломы, обкладывая ими 257 столбов, вкопанных в землю накануне: готовилась казнь.

«Явись, источник мужества...» (Veni creator spiritus...), – зазвучал гимн крестоносцев в тишине утра (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 157.). Под звуки нестройного «хора» показались обреченные на смерть, их выводили по двое; облаченные в черные балахоны, они казались сродни редкостным птицам – расправленные плечи, взгляд, полный презрения к своим врагам, плотно сомкнутые губы, четкий, несемеющий шаг.

Конвоиры не понукали осужденных, они сами подходили к месту казни: каждый выбирал для себя столб – свой «крест».

Епископ Альби Дюран – тучный и неопрятный – отдал команду: «Жги!», ее мгновенно продублировали в разных концах площади, тут же полыхнули костры. Минута, другая, третья, и всю площадь заволочло дымом, стало невозможно дышать... Через час все было закончено...

Жертвы не проронили ни слова, казнь для них превратилась в настоящую «enduru» (ритуальное самоубийство). То были еретики-катары, последние защитники крепости Монсегюр (расположенной в Лангедоке, местности на юге Франции), павшей под ударами армии Людовика IX Святого, организовавшего против них настоящий крестовый поход.

*** * ***

В начале XIII века та местность, которая называется Лангедок, не входила во Французское королевство. Лангедокское царство раскинулось от Аквитании до Прованса и от Пиренеев до Керси. Эта земля была независимой, при этом ее язык, культура и политическое устройство тяготели скорее к испанским королевствам Арагону и Кастилии. По своей высокоразвитости культура Лангедока, воспринятая большей частью от Византии, не имела в тогдашнем христианском мире себе подобных (Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они? Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М., 1991. С. 52.).

По всей видимости, это был действительно райский край:

«Яркие краски... неотделимы от полей Прованса и Лангедока, царства солнца и лазурного неба. Синее небо и еще более синее море, прибрежные скалы, желтые мимозы, черные сосны, зеленый лавр и горы, с вершин которых еще не сошел снег...

С наступлением ночи загораются звезды. Невероятно большие, они блестят в темном небе, но кажутся такими близкими, что создается впечатление, будто бы до них можно дотянуться рукой. Южная луна совершенно не похожа на луну Севера. Это – сестра-близнец, но прекраснее и молчаливее...

Южная луна и южное солнце рожают любовь и песни. Когда светит солнце, душа начинает петь. Лютуют песни, прячется туман, и в лазурном небе радостно порхают жаворонки. Но вот над морем появляется луна. Своим восходом она прекращает песни, которые, соревнуясь с соловьями, принимаются ухаживать за прекрасными дамами» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 10.).

Что может быть прекраснее!

Старинные лангедокские города Безье, Перпиньян, Нарбонн, Каркассон, Альби могли похвастать не только богатой на события историей, но и разнообразием общественной мысли, религиозным инакомыслием, настойчивостью и готовностью к самопожертвованию еретиков, отстаивающих свои взгляды.

Именно здесь, в Лангедоке, зародилась «ересь», известная как катарство или альбигойство (последнее – по имени города Альби).

«Чтобы уверенно говорить о философской и религиозной системе романических катаров, мы должны были бы обратиться к их очень богатой литературе». Но вся она уничтожена инквизицией как «грязный источник дьявольской ереси». Ни одной книги катаров не дошло до нас. Остались только записи инквизиции, которые можно дополнять с помощью близких учений: гностицизма, манихейства, присциллианства (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 94.).

Именно эти – второстепенные и косвенные – источники дают возможность представить (правда, порой противоречивую) картину.

Почему именно катары?

Разве мало было ересей до и после крестоносцев?

Немало. Но именно с катарами связаны многочисленные свидетельства о Чаше Грааля. Именно катары считались хранителями Чаши Грааля. Как она к ним попала? Наверно, никто и не вспомнит, да и была ли в этом – вспоминать – уже тогда необходимость? Конечно, нет! Внимание крестоносцев более было сконцентрировано на самой ереси и реальных богатствах общины, чем на мифических – как представлялось – реликвиях.

...Община катаров включала в себя целый ряд различно ориентированных сект, которые, правда, были связаны между собой определенными общими принципами, однако в частностях и деталях разнились одна от другой.

Катары – (от греческого Katharos – чистый) – объединяющее определение, и название одной из сект, идеи которой имели хождение главным образом среди простого люда, тех, кто часами не отрывал рук от мотыг, от гончарного круга или ткацкого станка.

Видимо, физический труд – на износ – настолько опротивел сектантам, что материальный мир они воспринимали не иначе как порождение дьявола. Под эту «сурдинку» и все материальные ценности подлежали уничтожению, а последователей катарского учения призывали жить в полной аскезе, посвящая себя служению Богу и обличению католического духовенства.

Катарам во многом вторили так называемые «вальденсы».

«Вальденсы» (или «лионские бедняки») – по имени лионского купца Пьера Вальдо, который, исповедуя учение, раздал свое имущество, провозгласил аскетизм жизненным идеалом. («Около 1170 года богатый лионский торговец Пьер Вальдо распорядился перевести на свой родной язык Новый Завет, с тем чтобы самостоятельно его читать. Вскоре он пришел к выводу, что апостольская жизнь, которой учил Христос и Его ученики, нигде более не встречается; он стал проповедовать свое понимание Евангелия. Пьер имел многочисленных учеников, которых в качестве миссионеров рассылал по миру, им удалось найти последователей почти исключительно среди низших слоев общества. Лишь изредка дворяне попадали в секту вальденсов. Ее члены проповедовали преимущественно на улицах и площадях. Между вальденсами и катарами часто происходили диспуты, однако на них всегда господствовало взаимопонимание. Рим, который часто смешивал вальденсов Южной Франции с катарами, дал им общее наименование „альбигойцев“. На самом же деле речь шла о двух совершенно разных и друг от друга независимых ересьях, у которых общим было

только то, что Ватикан поклялся искоренить оба учения» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 139—140; См., также: Marx J. La legende arthurienne et le Graal. Paris, 1952. P. 24.).)

Катары, альбигойцы и вальденсы были объединены в Романскую Церковь Любви, которая «состояла из „совершенных“ (perfecti) и „верующих“ (credentes или imperfecti). К „верующим“ не относились строгие правила, по которым жили „совершенные“. Они могли распоряжаться собой как желали – жениться, торговать, воевать, писать любовные песни, словом, жить, как жили тогда все люди. Имя Catharus („чистый“) давалось лишь тем, кто после долгого испытательного срока особым священнодействием, „утешением“ (consolamentum), о котором мы поговорим позже, был посвящен в эзотерические тайны Церкви Любви» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 103.).

Катары жили в лесах и пещерах, проводя почти все время в богослужении. Стол, покрытый белой тканью, служил алтарем. На нем лежал Новый Звет на провансальском наречии, открытый на первой главе Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Служба отличалась такой же простотой. Она начиналась чтением мест из Нового Завета. Потом следовало «благословение». Присутствующие на службе «верующие» складывали руки, опускались на колени, трижды кланялись и говорили «совершенным»:

– Благословите нас.

В третий раз они прибавляли:

– Молите Бога за нас, грешных, чтобы сделал нас добрыми христианами и привел к благой кончине.

«Совершенные» каждый раз протягивали руки для благословения и отвечали:

– *Diaus Vos benesiga* («Да благословит вас Бог! Да сделает вас добрыми христианами и приведет вас к благой кончине»).

«...»Верующие» просили благословения рифмованной прозой:

– Да не умру я никогда, да заслужу от вас, чтобы моя кончина была благой.

«Совершенные» отвечали:

– Да будешь ты добрым человеком» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 103—104; См. также: *Vequin A. La Quete du Saint Graal*. Paris, 1958. P. 49, 56.).

Моральное учение катаров, как бы чисто и строго оно ни было, не совпадало с христианским. Последнее никогда не стремилось к умерщвлению плоти, презрению к земным творениям и освобождению от мирских оков. Катары – силой фантазии и силой воли – хотели достичь на Земле абсолютного совершенства и, боясь впасть в материализм римской церкви, переносили в сферу духа все: и религию, и культуру, и жизнь, как таковую.

Удивительно, с какой силой распространялось это учение, одновременно самое терпимое и нетерпимое из христианских доктрин. Главная причина – в чистой и святой жизни самих катаров, которая слишком явно отличалась от образа жизни католических священнослужителей (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 102.).

Согласно точке зрения исследователя Б. Печникова, «христианские таинства катары отрицали. Они создали свои обряды, которые считали благодатными действиями. Обряд посвящения неопфита, например, начинался с того, что совершитель процедуры с Новым Заветом в руках убеждал вступавшего в ряды катаров не рассматривать католическую церковь единственно истинной. Кроме того, исходя из своего учения, катары вступали в противоречие не только с римской курией, но и с мирскими властями, поскольку их утверждение о господстве в мире зла принципиально отвергало и светский суд, и светскую власть.

«Совершенные», одетые в черные длинные плащи (чтобы показать скорбь своей души о пребывании в земном аду), подпоясанные простым вервием, на голове – остроконечные колпаки, несли свои проповеди и среди них главную – «Не убий!» (Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они? Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М., 1991. С. 54; Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С.112; Дашкевич Н. П. Сказание о Святом Граале // Из истории средневекового романтизма. Киев, 1877. С 17.).

Им нельзя было убивать даже червя и лягушку. Этого требовало учение о переселении душ. Поэтому они не могли участвовать в войнах, а за оружие брались только в случае крайней необходимости.

Подчеркивая свое отличие от «длиннобородых монахов с тонзурой», катары брили бороду и отпускали волосы до плеч (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 112.). Вид – устрашающий, но только на первый взгляд.

«Учение катаров обросло мифологическими украшениями. Что же остается? Остается знаменитая Кантова тетрада.

Первое: сосуществование в человеке доброго и злого.

Второе: борьба доброго и злого за власть над человеком.

Третье: победа доброго над злым, начало Царства Божия.

Четвертое: разделение истины и лжи под влиянием доброго начала» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 103; См.: Marx J. La legende arthurienne et le Graal, Paris, 1952. P. 11.).

Добро и зло, истина и ложь, – вот четыре составных всего учения катаров. Все просто и ясно.

*** * ***

К началу XIII века катары, с их идеологией, отрицающей самые главные постулаты римской католической церкви, превратились для последней в наиглавнейшего врага. И не мудрено, что альбигойские войны (1209—1229 годы) оцениваются как настоящий крестовый поход (несмотря на бесспорный парадокс – христиане шли против христиан).

Но в альбигойских войнах скрыт был еще и сакральный подтекст: католический север Франции поднялся с мечом и огнем на еретический юг. Грааль представлял настоящим еретическим символом. Люди, поклонявшиеся христианскому кресту, подвергли его проклятию, против него был направлен крестовый поход. «Крест» вел священную войну против «Грааля» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 135.).

Поводом для начала альбигойских войн послужило убийство папского легата Пьера де Кастелно одним из придворных Раймунда VI, графа Тулузского, произошедшее в 1208 году. Ровно через год в Лионе собирается невиданное по своим размерам крестоносное воинство.

Из всех областей Западной Европы в Лион стягиваются голодные и обозленные на весь мир новобранцы: из Иль-де-Франса, Бургундии, Лотарингии, Рейнланда, Австрии, Фрисландии, Венгрии и Славонии. Вся Европа, весь христианский мир под знаменем с крестом отправляются с мечом против Прованса и Лангедока, чтобы изничтожить повод для смут, над устранением которого тщетно билась Церковь на протяжении последних трех поколений.

24 июня 1209 года крестоносцы покидают Лион, держа путь в сторону от Роны, к Провансу. Не принимая в расчет духовенство, двадцать тысяч рыцарей и более чем двести тысяч горожан и крестьян состоят в армии. «Но какой хаос царит в Христовой рати!» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 153; См. о том же: Beguin A. La Quete du Saint Graal. Paris, 1958. P. 25—27.).

На юг Франции в сторону Лангедока армия двинулась под руководством «непримиримого и мрачного» аббата крупнейшего католического монастыря Сито Арнольда и безжалостного рыцаря Симона де Монфора (назначен был королем Филиппом II Августом, кстати, отлученным от церкви еще в 1200 году – за расторжение второго брака). Семейный знак славного Симона де Монфора – серебряный крест.

Два человека возглавляют это войско:
Аббат Арнольд – его назначил Рим,
И граф Симон – его в поход призвали
Сто тысяч рыцарей... Теперь он – властелин!
Ужасней пары нет! Один умен, спокоен,
Другой – проворный пес, сорвавшийся с цепи.
И вот они идут, за ними – сотни сотен...
Один сказал – «убить», второй кричит – «руби!»
Неведомо куда несут теперь их кони,
За ними с грохотом идет стальная рать,
Поникли нивы и ливады Лангедока,
Здесь боле Радости и Счастью не бывать.

Н.Ленау «Альбигойцы»

(Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 133—134.).

* * *

Епископ Сито, «подобно апокалиптическому всаднику, в развивающейся рясе, врывается он в страну, которая не желает поклоняться его Богу. Полчище архиепископов, епископов, аббатов и священников наступает вслед за ним с пением „Dies irae“. Подле князей Церкви, сияя сталью, серебром и золотом своего оружия, выступают светские властители. За ними следуют Роберт Онехабе, Ги Тринкейнвассер и многие другие рыцари-разбойники, окруженные свитой из разнузданных всадников. В арьергарде следуют горожане и крестьяне и, наконец, многотысячный европейский сброд: мародеры, развратники и продажные женщины» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 154.).

Свидетельствуют Тито Масий и Абрахам Бен Эзра:

«Дракон, изрыгающий пламя истребления, приближается, уничтожая все на своем пути». Согласно воспоминаниям Гильермо Тудельского, «эти безумные и подлые негодяи резали священников, женщин и детей. Никого не осталось в живых... Думаю, что со времен сарацинов не случилось такой чудовищной бойни».

Один из баронов спросил главного аббата Цистерцианского, каким образом следует распознавать еретиков.

Аббат ответил: «Убивайте всех! Господь сам отличит своих!»

«Колокола плавятся на колокольнях, мертвые тела объаты пламенем, и весь собор подобен вулкану. Струится кровь, горят мертвецы, стонет город, рушатся стены, монахи возносят молитвы, крестоносцы убивают, цыгане грабят!»

* * *

В ходе двадцатилетних альбигойских войн был опустошен весь Лангедок, вытоптаны поля, деревни и города стерты с лица земли, безжалостно перебита большая часть мирного населения. Уничтожение людей – от мала до велика – приняло такие ужасающие размеры, что некоторые европейские ученые называют лангедокскую экспедицию «первым геноцидом в истории континента». Только в горде Безье перед церковью Святого Назария было

растерзано более двадцати тысяч человек, обвиненных в альбигойской ереси (Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они? Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М., 1991. С. 50.).

То же самое творилось в Перпиньяне, Нарбонне и старинном, самом элегантном городе Лангедока Каркассоне (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 38.).

* * *

Лаворский замок... Двор порос травой.
Плющ царствует вокруг. Повсюду запустенье...
Средь зелени ветвей белеют костяки —
Тела погибших преданы забвенью.
Над черными развалинами замка
Витают тени птиц – стервятники при деле.
А выше плачет пасмурное небо —
И слезы капаят. Иного вы хотели?
Свидетельница сказочных времен,
Качаясь, у колодца стоит липа.
Холодный ветер дует за углом.
И листья падают. Вокруг ужасно тихо...
Колодец боле не дает воды,
Кустарником порос и лопухами.
А балюстраду волчцы оплели
и смотрят вниз безумными очами.
К колодцу прислонясь, стоит седой певец.
И песнь его, как плач, летит уныло
Туда, где обрела Геральда свой венец,
Где в мрачной глубине нашла она могилу.

Ленау Н. «Альбигойцы»

* * *

Авиньоне – совершенно крошечная крепость между Виль-франш-де-Лораге и Капельнодари, командование которой Раймон VII, граф Тулузский поручил Раймону д'Альфору, арагонскому дворянину (по матери он приходился Раймону VII племянником, а по жене, Гильеметте, внебрачной дочери Раймона VI, – зятем...) Именно там, в Авиньоне, в 1242 году, произошла история, предопределившая трагический конец Монсегюра и гибель всех его защитников.

Едва Раймон д'Альфар узнает о скором визите отцов-инквизиторов для суда над местными жителями, он тотчас через верного посланца предупреждает Пьера-Роже де Мирпуа, который командовал гарнизоном Монсегюра вместе с Раймоном де Персия, чтобы тот со своим отрядом приехал в Авиньоне.

И на этот раз отцы-инквизиторы пали жертвой собственной беспечности. История сохранила их имена: инквизитор Гийом Арно в сопровождении двух доминиканцев (Гарсиаса де Ора из диоцеза Комменж и Бернар де Рокфор), францисканец Этьен де Сен-Тибери, францисканец Раймон Карбона – заседатель трибунала, где он, вероятно, представлял епископа Тулузского, и, наконец, Раймон Костиран, архидьякон из Леза. Им всем помогали клирик по имени Бернар, и нотариус, составлявший протоколы допросов, двое служащих и,

наконец, некий Пьер Арно, быть может, родственник Гийома Арно, – итого, одиннадцать человек, «сила которых заключалась лишь в вызываемом ими ужасе»...

Инквизиторы со свитой прибыли в Авиньоне накануне Вознесения. Раймон д'Альфар принял их с почестями и поместил в доме графа Тулузского, который был расположен в северо-западном углу крепостных укреплений. У дверей была выставлена стража, дабы никто не мог побеспокоить сон уставших путников.

Житель Авиньоне Раймон Голарен тот же час покидает город и встречается с тремя рыцарями из Монсегюра, которые в сопровождении многочисленных сержантов, вооруженных секирами, стояли у лепрозория за городом. Они предприняли большие предосторожности, чтобы не привлечь внимания обывателей.

Затем рыцари с сержантами подошли к стенам Авиньоне, но в город ушел один Голарен, чтобы узнать, что делают прибывшие с проверкой инквизиторы.

Голарен несколько раз ходил туда и обратно, пока наконец не подтвердилось, что инквизиторы после обильной вечерней трапезы уже сладко спят. Ровно в полночь рыцари и сержанты с секирами и мечами наголо вошли в городские ворота, открытые верными им жителями. Внутри они встретили Раймона д'Альфара и небольшой вооруженный отряд, состоящий из гарнизонных сержантов.

Ударами секир нападавшие вышибли двери дома, где остановились спавшие спутники, и зарубили инквизиторов, «вышедших со своей свитой под пение „Salve Regina“ („Salve Regina“ – гимн Деве Марии.) навстречу убийцам».

Когда рыцари покидали город, чтобы присоединиться к сержантам, стоявшим на страже снаружи крепостных стен, Раймон д'Альфар призвал народ к оружию, подав сигнал к восстанию. Рыцари же возвращались в Монсегюр под приветственные крики жителей близлежащих селений, уже узнавших о ночной операции. В Сен-Феликсе их встретил местный кюре во главе своих прихожан.

Для всех было ясным, что убийства в Авиньоне – не отдельный акт мщения, а заранее подготовленный заговор. Мало того, авиньонская резня должна была стать сигналом к восстанию во всех землях графа Тулузского, а Раймон VII постарался обеспечить активное соучастие людей из Монсегюра для полной уверенности, что с ним заодно и все те, кого они представляют.

Были ли среди нападавших альбигойцы? Ведь вера запрещала им убивать?

Да, были. Но кровь, пролитую ими, катары-альбигойцы объясняли необходимостью превентивной защиты, в противном случае инквизиторы бы устроили еще более жестокую резню. И альбигойцы решили ударить первыми, прекрасно понимая, что ждет их в ответ, прекрасно понимая, что силы, которые им противостоят, в сотни раз большие – и по численности, и по вооружению, и по жестокости и настойчивости в отстаивании своих интересов.

«Тогда все взоры были обращены к Раймону VII, от него зависело, превратится или нет эта трагедия в кровавую зарю освобождения. – Так пишет исследователь. – Раймон VII, граф Тулузский, долго, с 1240-го по 1242 год, вынашивал идею коалиции против французского короля... Наконец, 15 октября 1241 года Раймон VII, кажется, может рассчитывать на содействие или, по крайней мере, сочувствие королей Арагона, Кастилии, английского короля, графа де Ла Марша и даже императора Фридриха II. Решено атаковать капетингские владения одновременно со всех сторон: с юга, востока и запада. Но граф Тулузский внезапно заболел в Пенн д'Ажене, и Гуго Лузиньян, граф де Ла Марш, начал нападение, не дожидаясь его. Людовик Святой дал молниеносный отпор.

В два дня, 20 и 22 июля 1242 года, в Сенте и Тайбуре французский король разбил короля Англии и графа де Ла Марша. Генрих III бежал в Блайю, затем в Бордо, и дело отныне проиграно, несмотря на новое победное движение на Юге, инспирированное избиением в Авиньоне. У Раймона VII не было иного выхода, кроме как заключить с королем Франции 30 октября 1240 года мир в Лорри. На обороте оригинала грамоты, сохранившейся в Национальном архиве, можно прочесть следующие слова, написанные шрифтом XIII века:

«Humiliatio Raimundi, quondam comitis Tholosani, post ultimam guerram» – «Унижение Раймона, некогда графа Тулузского, после окончания войны».

Граф уступал королю крепости Брам и Саверден и добровольно оставлял Лораге. Отныне оставалась лишь крепость Монсегюр, и ей не замедлили отомстить за резню в Авиньоне» (Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции.^[4]).

*** * ***

Но даже после 1229 года (даты окончания широкомасштабных военных действий), и после 1240 года (когда еретики отказались от широкомасштабного сопротивления) очаги катарско-альбигойского сопротивления не были потушены. Борьба и проповеди продолжались. Центром ереси стал Монсегюр, хорошо укрепленный замок в Провансе. Но «крепость Монсегюр становится еще и теллурическим центром, магическим храмом, оплотом духа в материальном мире, часами и календарем, высеченными в камне, вратами с волшебным ключом, позволившим сиянию духа озарить время».

Крепость Монсегюр – это прекрасное фортификационное сооружение, наполненное не только военным, но и «глубоким астрологическим смыслом». Она построена на огромном утесе известковой скалы на высоте 1207 метров и возвышается посреди пейзажа в предгорьях Пиренеев, в «окружении золотистых, сверкающих отложениями пирита (серного колчедана) горных вершин, которые излучают совершенно неземной свет. Во время летнего солнцестояния рассветные лучи попадают в храм через два высоких окна и покидают его через точно такую же пару окон, специально прорубленных для определения этого момента годового цикла». Монсегюр – это храм со встроенными солнечными часами.

Символично: красота и время, вечность и смерть, меч и духовность.

Монсегюр – обиталище «добрых людей», «ткачей» или «утешителей», отказавшихся от материальных благ и посвятивших жизнь развитию духа, знавших и применявших на практике медицину и астрологию. Однако Римская церковь не приветствовала это духовное движение и объявила его ересью.

«В свете Луны, чистые помыслами, исхудавшие и бледные, восходили они гордо и молчаливо сквозь леса Серралунга, где совиный посвист громче ветра, что поет в ущелье Фавора, подобно громадной золотой арфе. Иногда, на лесных полянах, омытые лунным светом, снимали они тиары и доставали бережно хранимые на груди кожаные свитки – Евангелие от любимого Господом ученика, целовали пергамент, и, подставив лицо Луне, коленопреклоненные, молились:

«Небесный хлеб наш даждь нам днесь... и избави нас от лукавого...»

И продолжали путь свой к смерти. Когда же на них бросались псы, роняя пену из пасти, когда палачи, поймав, избивали их, они смотрели вниз, на Монсегюр, а затем поднимали очи к звездам, ибо знали, что там – их братья. И после этого смиренно восходили на костер» (Из предисловия Тито Масия к «Книге суждений о звездах» Абрахама Бен Эзры.).

*** * ***

Жак Мадоль. «Альбигойская драма и судьбы Франции»:

«Сначала попытались использовать для этого самого Раймона VII, которому пришлось в конце 1242 года окружить крепость. Граф Тулузский не только не имел ни малейшего

желания брать Монсегюр, но, наоборот, передал осажденным просьбу продержаться до Рождества, потому что тогда он будет в состоянии их поддержать. В этой ситуации сенешаль Каркассона Гуго дез Арси решил сам начать осаду крепости. В мае 1243 года он подошел к Монсегюру».

*** * ***

1243 год, весна, Франция, Монсегюр:

Французское католическое войско (около десяти тысяч солдат) осаждает замок Монсегюр – последнюю цитадель альбигойцев. Даже спустя четырнадцать лет после окончания альбигойских войн «неоскверненная и свободная, романская священная крепость все еще возвышалась над провансальской равниной...

Вершина Монсегюра во время крестового похода была пристанищем последним свободным рыцарям, дамам, воспетым трубадурам, и немногим избежавшим смерти на костре катаров. Почти сорок лет неприступная пиренейская скала, увенчанная «храмом высочайшей любви», сопротивлялась свирепым французским захватчикам и католическим пилигримам» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 198.).

Эта цитадель, писал уже наш современник, находилась на вершине горы, и ее амбразуры и стены были ориентированы по сторонам света, так что позволяли исчислять дни солнцестояния (Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они? Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М., 1991. С. 58.).

Осада началась теплой, солнечной весной. Лагерь католической армии был разбит на одной из сторон возвышенности, к западу от скал, на которых стоит крепость. Это место и сегодня называют Campis (лагерь). Осаждавшие окружали всю вершину горы. Никто не должен был подниматься в крепость и никто не должен был ее покидать. И все же представляется вполне вероятным, что окруженные могли поддерживать связь со своими друзьями на равнине. Некоторые историки считают, что в пользу этого свидетельствуют протяженные подземные ходы – вероятно, пещеры не естественного происхождения, «сооружения, служившие для поддержания связи между крепостью и сторонниками осажденных в стане противника (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 200; См.: Marx J. La legende arthurienne et le Graal. Paris, 1952.).

*** * ***

Жак Мадоль. «Альбигойская драма и судьбы Франции»:

«Поскольку нечего было и думать о взятии крепости приступом, Гуго дез Арси ограничился окружением замка, чтобы взять его голодом. Но подобная блокада оказалась малоэффективной: осенние дожди позволили осажденным запастись водой на достаточно долгий срок. Не рисковали они и остаться без продовольствия, так как долго копили продукты, всегда опасаясь осады. Хотя на этой затерянной горной вершине сосредоточились многие сотни людей, у них было все необходимое, да и связь с внешним миром никогда не прерывалась. По ночам люди постоянно поднимались в Монсегюр, присоединяясь к защитникам. Какой бы мощной ни была осаждающая армия, она не могла этому помешать хотя бы потому, что действовала во враждебной стране. Сочувствие всего местного населения было на стороне осажденных. Блокады оказалось недостаточно для взятия крепости.

Прямой приступ оставался делом чрезвычайно трудным. Отряд, штурмовавший по самому доступному склону, рисковал быть перебитым стрельбой из крепости. К ней можно было подобраться лишь по крутому восточному хребту, к которому вели горные тропинки, известные только местному населению. Тем не менее именно оттуда пришла гибель Монсегюра. Возможно, один из жителей края предал своих и открыл французам труднейшую

дорогу, которой можно было добраться до непосредственных подступов к крепости. Баскским горцам, набранным для этой цели Гуго дез Арси, удалось взобраться на самую вершину и захватить барбакан, выстроенный с этой стороны для защиты замка. Это произошло где-то около Рождества 1243 г. Однако осажденные продержались еще много недель».

* * *

1244 год, январь, Франция, Монсегюр:

Двое «совершенных» катаров (история не сохранила их имена) выбираются из осажденного замка Монсегюр, унося с собой большую часть (так в источниках) сокровищ альбигойцев, которые они переносят в укрепленный грот в глубине гор, а также в какой-то другой замок.

Больше об этом сокровище никто ничего не слышал.

Эта «операция» удалась потому, что в рядах армии крестоносцев, осаждавших Монсегюр, служило немало лангедокцев, не желавших смерти своим землякам.

* * *

Жак Мадоль. «Альбигойская драма и судьбы Франции»:

«Однако осажденные продержались еще много недель.

Они сумели вывезти знаменитые сокровища Монсегюра по дороге, которая была намного труднее захваченной французами при штурме барбакана. Им помогли в этом сообщники из осаждающего войска, частью состоявшего из местных жителей. Сокровища спрятали в пещерах Сабарте, где позднее укрылись последние катары. С тех пор эти сокровища вызвали любопытство настолько же сильное, насколько и безрезультатное. Их следы так никогда и не нашлись. Возможно, кое-какие сведения о них содержались в тех текстах, которых нам так сильно недостает для изучения доктрины катаров. Речь, вероятно, шла о значительных суммах, собранных катарами в Монсегюре за предшествующие годы. С падением крепости важно было сохранить церковь, для чего деньги и предназначались. В свидетельских показаниях Эмбера де Сала перед инквизицией говорится о *resuniam infinitam*, огромном количестве монет. Отныне дни Монсегюра были сочтены. Епископ Альби Дюран, бывший, сдается, великим инженером, поставил на месте разрушенного барбакана катапульту, сделавшую существование осажденных невыносимым. Не помогло и оружие, построенное Бертраном де ла Баккалариа, инженером катаров. Пьер-Роже де Мирпуа, житель Авиньоне, предпринял все усилия, чтобы изгнать французов из барбакана и сжечь их машину. Но гарнизон с большими потерями отступил, а атаку осаждавших, взобравшихся на площадку перед замком, удалось с большим трудом отбить.

На следующее утро, в последний день февраля 1244 года, на стенах Монсегюра затрубили рога: гарнизон соглашался на переговоры. Все странно в этой кончине Монсегюра. Неудивительно, что люди, героически защищавшиеся в течение девяти месяцев, понесшие большие потери и больше не надеявшиеся вопреки щедрым заверениям Раймона VII на какую-либо помощь, запросили перемирия в сражении. Они так поступили, конечно, с полного согласия Добрых Людей и особенно епископа Бертрана Марти, истинного коменданта крепости. Странно другое – то, что осаждавшие, практически победители, согласились на переговоры и не потребовали полной и безоговорочной капитуляции. Это объясняют истощением самих осаждающих к концу исключительно долгой блокады. Объяснение кажется мне не совсем убедительным. Монсегюр был обречен и, конечно, не смог бы оказать сопротивление новому приступу. Но смешанное войско, действующее во враждебной стране, имея в тылу такого государя, как Раймон VII, бесспорно, не могло позволить себе безжалостного обращения с побежденными. Можно даже предположить, что

Людовик Святой, начиная тактику сближения, которая позднее стала его политикой, дал указания своему каркассонскому сенешалю».

*** * ***

1244 год, 1 марта, Франция, Монсегюр:

В крепости осталось около четырех сотен человек, 180 из них – посвященные, остальные – мирные жители, но сочувствующие альбигонцам. Осада измотала жителей и воинов Монсегюра, ощущалась острая нехватка воды, начались болезни, сказывалась общая усталость. Комендант крепости прекрасно понимал, что гарнизон может еще долго сдерживать натиск крестоносцев (удачное расположение Монсегюра позволяло катарам не дать противнику возможности использовать всю свою мощь в ближнем бою). Но жаль было мирных жителей, особенно женщин, с трудом уже переносивших тяготы. На совете приняли решение – сложить оружие, но – на определенных условиях.

Монсегюр сдается на выгодных для него условиях. Все защитники замка, кроме совершенных катаров, могут свободно покинуть его (причем им разрешалось вывезти и все принадлежавшее им имущество). Совершенные должны отречься от своей веры («катарской ереси»), в противном случае они будут сожжены на костре. Совершенные просят двухнедельного перемирия и получают его.

*** * ***

Жак Мадоль. «Альбигойская драма и судьбы Франции»:

«Условия капитуляции требовали от Добрых Людей отречения от ереси и исповеди перед инквизиторами под угрозой костра. Взамен защитники Монсегюра получали прощение за все свои прошлые ошибки, включая избиение в Авиньоне, и, что еще подозрительнее, за ними признавали право сохранить крепость в течение двух недель со дня капитуляции, лишь бы они выдали заложников. Это неслыханная милость, и примеров, подобных ей, мы не знаем. Можно задаться вопросом, почему ее даровали, но еще интереснее, на каком основании ее испросили. Воображению самых трезвых историков не возбраняется вновь пережить с побежденными эти две недели глубокого умиротворения, последовавшего за громом сражения и предшествующего жертвоприношению Добрых Людей.

Ибо, кто бы они ни были, из условий капитуляции их исключили. Чтобы снискать прощение, им надо было отречься от веры и своего существования. Никто из Добрых Людей и не помышлял об этом. Мало того, в необычайной атмосфере, царившей в Монсегюре в течение двух торжественно провозглашенных недель, многие рыцари и сержанты просят и получают Утешение, то есть сами осуждают себя на костер. Конечно, епископ и его клир пожелали в последний раз отпраздновать вместе с верующими, с которыми их скоро разлучит смерть, Пасху, один из величайших праздников катаров. Добрые Мужья и Жены, приговоренные к костру, благодарят тех, кто так отважно их защищал, делят между ними оставшееся имущество. Когда читаешь в делах инквизиции о простых церемониях и действиях катаров, нельзя не почувствовать сурового величия их религии. Подобные заблуждения влекли за собой мученичество. Но ни к какому мученичеству не готовились так долго, как к тому, которое претерпели катары в Монсегюре 16 марта 1244 года. Следует признать, что влияние этой религии на умы было очень сильным, раз одиннадцать мужчин и шесть женщин предпочли смерть и славу вместе со своими духовными наставниками жизни в обмен на отречение. Еще больше волнует, если только это возможно, другое. Ночью 16 марта, когда вся равнина еще была наполнена едким дымом, поднимавшимся от костра, Пьер-Роже де Мирпуа устроил побег из уже сданной крепости четверем спрятанным Добрыми Людьми, «дабы церковь еретиков не лишилась своих сокровищ, спрятанных в лесах: ведь беглецы знали тайник...» Они названы Гюго, Амьель, Экар и Кламен, и можно верить, что они пошли на это не добровольно. В случае, если бы осаждавшие что-либо заметили, Пьер-Роже рисковал

разрывом договора о капитуляции и жизнями всего гарнизона. Уместно спросить, каковы причины столь странного поведения: ведь сокровища Монсегюра были уже укрыты, и те, кто их унес, естественно, могли их и отыскать.

Может быть, было два сокровища: одно – только материальное, его сразу унесли; второе, полностью духовное, сохранялось до конца в Монсегюре, и его спасли лишь в последнюю минуту. Выдвигались всякие гипотезы, и, разумеется, ни одна из них не подкреплена никакими доказательствами. Доходили до утверждения, что Монсегюр – это Монсальват из легенды о Граале, а духовное сокровище, спасенное под покровом ночи – не что иное, как сама чаша Грааля».

*** * ***

1244 год, 15 марта, Франция, Монсегюр:

Перемирие заканчивается. Более двухсот совершенных, ни один из которых не согласился отречься, сожжены на кострах у подножия горы, на которой стоит замок Монсегюр.

Сожжено было 257 катаров: к 180 «совершенным» добавились еще семьдесят один воин и шесть женщин, давших обет «consolamentum» и ставших «parfaits». Но даже те, кто отрекся от ереси, испили до дна горечь поражения: почти все были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Два последних вышли на свободу только в 1296 году. Они провели в камере вдвоем 52 года. Их дальнейшая судьба неизвестна.

...Четверо совершенных скрылись в подземельях замка, чтобы в ночь на 16 марта тайно покинуть его («одетые в теплые шерстяные накидки, спустились они по канату с вершины Пог в ущелье Лассе»). Им было поручено вынести из замка какую-то реликвию (Святой Грааль?), а также карту, указывающую, где скрыто сокровище альбигойцев. («...Чтобы передать сокровища сыну Белиссены Пон-Арнаул из Кастеллум Вердунум в Сабарте...»)

Крестоносцы, узнали о счастливом спасении четырех посвященных, епископ Альби Дюран приказал «вырвать» у коменданта Монсегюра Арно-Роже де Мирпуа сведения о том, что унесли с собой беглецы.

Де Мирпуа назвал лишь имена бежавших совершенных – Хуго, Экар, Кламен и Эмвель, ни слова не проронив о том, что вынесли с собой эти четверо – и тут же испустил дух, не выдержало сердце. (Отто Ран называл – Амиэля, Айкара, Гуго и Пуатевина). Эти четверо «были потомками кельт-иберских мудрецов... они были катарами, которые предпочли бы сгореть на костре вместе со своими братьями на Camp des cremats, чтобы начать оттуда свое путешествие к звездам».

*** * ***

Жак Мадоль. «Альбигойская драма и судьбы Франции»:

«Вероятно, главная тайна Монсегюра никогда не будет раскрыта, хотя систематические поиски в горах и пещерах, может быть, прольют некоторый свет. Не лучше осведомлены мы и о том, каким образом 16 марта отделили тех, кому было суждено умереть на костре, от всех прочих. Возможно, Добрые Мужья и Жены содержались отдельно от других и сами сознавались инквизиторам, братьям Феррьеру и Дюранти, тщетно предлагавшим обращение в католическую веру. Там происходили самые печальные сцены разрыва семейных связей. Среди осужденных была Корба, жена Раймона де Персия, одного из комендантов крепости. Она оставила своего мужа, двух замужних дочерей, сына и внуков и дожидалась смерти, только в последний момент, 14 марта, приняв consolamentum. Корба собиралась умереть вместе со своей матерью, Маркезией, и больной дочерью, также „облаченной“. Эта героическая женщина отказалась от мира живых, избрав общество осужденных.

А потом Добрых Мужей и Жен, числом более двух сот, французские сержанты грубо приволокли на крутой склон, отделявший замок Монсегюр от поля, которое с тех пор называли Полем Сожженных. Раньше, по крайней мере в Лаворе, холокост бывал еще страшнее. Однако народная традиция и история согласны в том, что «костер Монсегюра» превосходит по значению все прочие, ибо никогда жертвы не поднимались на него с такой готовностью. Его не сооружали, как в Лаворе, Минерве или Ле-Кассе, в грубом опьянении победой. Две предшествующие недели перемирия превратили его в символ как для гонителей, так и для гонимых. Таким символом стал и замок Монсегюр, столь странный по архитектуре, что скорее казался святилищем, чем крепостью. В течение многих лет он возвышался над Югом подобно библейскому ковчегу, где в тиши горных вершин катарская церковь продолжала свое поклонение духу и истине. Теперь, когда достопочтенного епископа Бертрана Марти и все его духовенство, мужчин и женщин, предали огню, показалось, что, хотя духовное и вещественное сокровище церкви спасено, суровое сияние, озарявшее сопротивление Юга, угасло с последними углями этого гигантского костра.

На этот раз я согласен с Пьером Бельперроном, который, рассказав о падении Монсегюра, пишет: «Взятие Монсегюра было не более чем полицейской операцией крупного масштаба. Она имела лишь местный отзвук, да и то преимущественно в среде еретиков, главным прибежищем и штаб-квартирой которых был Монсегюр. В этой крепости они были хозяевами, могли безопасно собираться, советоваться, хранить свои архивы и сокровища. Легенда по праву сделала из Монсегюра символ катарского сопротивления. Однако она оказалась неправа, делая из него также и символ лангедокского сопротивления. Если ересь часто и переплеталась с борьбой против французов, то символом последней может быть только Тулуза».

* * *

В ночь накануне капитуляции на заснеженной вершине Бидорты вспыхнул яркий огонь. Но это был не костер инквизиции, а символ торжества. Четверо катаров дали знать оставшимся в Монсегюре и готовившим себя к смерти «совершенным», что Мани (романское название Грааля) спасен...

* * *

...Ровно через год, в марте 1245-го, все четверо ушли из жизни, прыгнув в пропасть, там же, недалеко от Монсегюра.

Катары стремились уйти из этого мира через ритуальное самоубийство («эндур»).

«Их учение разрешало добровольную смерть, но требовало, чтобы человек расставался с жизнью не из-за пресыщения, страха или боли, но ради полного освобождения от материи» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 109; Beguin A. La Quete du Saint Graal. Paris, 1958. P. 77.).

«Смерть... была глубоко осознанным самоубийством. Если человек в тот момент, когда говорил мгновению: – Остановись, ты так прекрасно!», – не разрывал союза с Мефистофелем, дальнейшее земное существование теряло смысл. За этим стояло глубокое учение: освобождение от тела сразу же дарует высшую радость – ведь радость тем выше, чем менее она связана с материей, – если человек в душе свободен от скорби и лжи, властелинов этого мира, и если может сказать о себе: «Я жил не напрасно».

«Что значит „жить не напрасно“ по учению катаров? – спрашивал Ран, и сам отвечал:

Во– первых, любить ближнего как самого себя, не заставляя страдать брата своего и, насколько возможно, приносить утешение и помощь.

Во– вторых, не причинять боли, прежде всего, не убивать.

В– третьих, в этой жизни настолько приблизиться к Духу и Богу, чтобы в смертный час расставание с миром не печалило тело. Иначе душа не найдет успокоения. Если человек жил не напрасно, творил только добро и сам стал добр, то «совершенный» может сделать решительный шаг, говорили катары» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 110; См.: Lot-Borodine M. Trois essais sur le Lancelot du Lac et la Quete du Saint-Graal. Paris, 1921. P. 39—42.).

В минуту смерти душа катара не должна чувствовать никакой боли, иначе «там» она будет так же страдать от нее, как и в мире. Если человек любит ближнего как самого себя, он не может причинить ему боль, боль разлуки. Боль, причиненную другому, душа будет искупать, странствуя от звезды к звезде («по уступам чистилища», – как сказал бы Данте), постоянно откладывая воссоединение с Богом. Уже предчувствуя Бога, она – душа – еще болезненнее будет ощущать отлучение от него (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 110—111.).

Катары предпочитали применять один из пяти способов самоубийства. Они могли принять смертельный яд, отказаться от принятия пищи, вскрыть себе вены, броситься в страшную пропасть или лечь зимой на холодные камни после горячего купания, чтобы получить смертельное воспаление легких. Эта болезнь была для них чревата бесспорным летальным исходом, ведь больного, желающего умереть, не могут спасти самые лучшие врачи.

«Катар всегда видел перед собой смерть на костре инквизиции и считал этот мир адом» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 111; Marx J. La legende arthurienne et le Graal, Paris, 1952. P. 67.). А тот мир, тот, что за чертой? Там, как считали катары, все проще...

Перед смертью катар читал сочиненную им же накануне добровольного ухода из жизни «молитву»:

«Если Бог обладает большей добротой и пониманием, чем люди, не должны ли мы в том мире приобрести все, чего так страстно желали, к чему стремились с жестоким преодолением себя, с упорной силой воли и... с неслыханным героизмом?

Мы искали слияния с Богом в Духе и нашли его. Предел желаний человека – Царство Небесное, то есть жизнь после смерти» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 111.).

С этой молитвой катар уходил в мир иной, уходил с чистой душой, окрыленный...

*** * ***

История катаров-альбигойцев, альбигойские войны, штурм Монсегюра, таинственное спасение четырех «совершенных», – все это известно давным-давно. Но большинство из исследователей были знакомы с альбигойской историей лишь по вторичным источникам, мало кому удалось побывать в далеком Лангедоке. Счастливое исключение – Отто Ран, немецкий археолог, историк и талантливый литератор, способный доступно и небанально излагать свои мысли. Но что самое главное – он был поклонником идей учения катаров, даже в структуре «Аненербе» он смог увлечь своими идеями коллег и сколотить вокруг себя кружок нео-катаров, исповедующих те же принципы, что и их предшественники – осажденные крепости Монсегюр.

Кто вы, Отто Ран?

Я ощутил легкое дыхание твоего гения.^[5]

Уланд

Нашел ли он святой Грааль,

...

Священный преступив рубеж,

Вернулся ли он в Мунсальвеш.

Вольфрам фон Эшенбах

Отто Ран родился 18 февраля 1904 года, в крошечном городке Михельштадт, что в Южной Германии. Окончив в восемнадцать лет классическую гимназию, он изучал юриспруденцию, философию, историю в стенах одного из германских университетов...

...1926 год, позади историко-филологический факультет, Отто оставлен при университете для подготовки к получению профессорского звания, намеревался писать диссертацию об известном прованском трубадуре Гийо, авторе поэмы о священной чаше Грааль. (Именно на основе утерянной ныне поэмы Гийо создал своего «Парцифалья» адепт тамплиеров Вольфрам фон Эшенбах 1170—1220; Ран знал ее наизусть.)

*** * ***

Когда Отто Ран впервые взял в руки «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, и впервые прочитал его от корки до корки, он заметил удивительное сходство с именами и названиями мест в южной Франции, предположив, что «Мунсальвеше» (Munsalvaesche), замок Грааля в «Парцифале» (Рихард Вагнер назвал его Монсальват – Montsalvat), – не что иное как катарская крепость Монсегюр (Мунсальвеше – португальское название, в переводе на французский язык – Монсегюр.). В работе Эшенбаха он почувствовал влияние поэзии катаров на автора. Но Ран не остановился только на страницах Вольфрама фон Эшенбаха, он пошел дальше.

Сомнительное предположение, что подверженные гонениям катары скрылись под землей и совершали свои таинственные обряды в подземных храмах, было взято Отто Раном у страстного исследователя катаров Антонина Габалья, жившего там же, в районе Монсегюра, посвятив всю свою жизнь изучению истории альбигойского движения. Габаль разрешил Рану пользоваться своей библиотекой и частным музеем, где хранились уникальные материалы. В письмах Ран называл его своим «Треврицентом» (дядя Парцифалья в работе Вольфрама фон Эшенбаха) и развил идеи, изложенные в книге Габалья «Дорогой Святого Грааля», практически так и оставшейся неизвестной для подавляющего числа читающей публики.

Диссертацию Отто Ран так и не написал, следующие после окончания университета пять лет путешествовал по Италии, Швейцарии, Испании и Франции, занимаясь исследованиями в области средневековья, в частности протестантскими ересями, собирая свидетельства о существовании легендарной чаши Грааль. Катарская зараза поразила и Отто Рана. Он «заболел» и «заболел» – навсегда.

Современные исследователи считают, что «Отто Ран провел свои исследования по методу „живой истории“. Кабинетные историки до сих пор отвергают этот метод, подвергая насмешкам. Хотя автор, по собственному утверждению, и „не ставил задачу привести исчерпывающе полную сводку огромного материала“, касающегося „катарской ереси“, ему это фактически удалось. Он впервые проанализировал с единой точки зрения многие аспекты самой интересной и оригинальной религиозно-философской системы средневековой Европы. Ран выбрал очень оригинальную форму изложения – „заметки о путешествиях“, позволяющую читателю самому почувствовать свою сопричастность к „великой тайне катаров“ – тайне Грааля» (Токмаков В. Грааль: великая тайна каттаров // Алтайская правда. 24 октября 2003.).

Да... Узнаю... Вы – Парцифаль.

Нашли ли вы святой Грааль?

Его вы разгадали свойства?

Пришло священное к вам беспокойство?

И, в стольких землях побывав,

Вы свой ли изменили нрав?...

Вольфрам фон Эшенбах

В начале лета 1929 года Отто Ран прибыл в Лангедок (юг Франции). Он поселился в деревне Лавланэ и в течение последующих трех месяцев шаг за шагом, метр за метром исследует разрушенную крепость катаров на горе Монсежур, а также гроты окрестных гор. («Долгое время я жил в горах Табора, – писал сам Отто Ран. – Я был очарован кристальными залами и мраморными криптами пещер еретиков. Мои руки откладывали в сторону останки „чистых“ и рыцарей, павших в „борьбе за торжество духа“, чтобы ничья нога не разрушила их. Когда мои шаги по пещерным коридорам отдавались гулом, то я часто останавливался и прислушивался, не послышится ли в толще горы песня трубадура о высочайшей любви, делающей человека равным Богу...» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 299; См. также: Beguin A. La Quete du Saint Graal. Paris, 1958. P. 118—120.)

Здесь, в Лангедоке, все места – и городок Каркаиона, и святая гора катаров Монсежур, и церковь Ренн-ле-Шато были охвачены средневековой историей, и, казалось, именно здесь соединялись все легенды о чаше Грааль.

«Изучая эпос о короле Артуре, только историк литературы способен найти Персевалея (Парцифалея), Галахада и Титуреля. Исследование пещер – а они были для меня самыми важными, хотя молчаливыми и опасными „документами“ – требует навыков спелеолога и историка древностей. И только художнику достаточно сказать „Сезам, откройся“ для проникновения в таинственно-сказочный круг Грааля», – так писал впечатлительный, но трезво рассуждающий Отто Ран (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 8; См. также: Holtorf I. Die verschwiegene Bruderschaft. Munchen, 1984. S. 17.). Настойчивость, вот, что отличало Рана от десятков его собратьев-археологов.

Рану неоднократно задавали один и тот же вопрос: зачем, зачем он с таким педантизмом изучает письменные источники, совершает изнурительные подземные переходы, вымеряет сантиметр за сантиметром пещеры и гроты...

Он отвечал:

«...Мне хочется лишь ввести моих современников в новую землю...» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С.9.).

А для этого, по его мнению, был необходим Грааль!

«Слово „Грааль“ еще ранее было покрыто мраком. Неясность не только в вопросах формы, но также и относительно происхождения названия отчетливо указывает на то, что святыня имела свою предысторию, в которой была еще одна известная осязаемая величина, также называемая „Грааль“ (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 9; См., также: Kampers F. Das Lichtland der Seelen und der heilige Gral. Koeln, 1916. S. 43.).

Рассуждения Рана подчинены одной единственной установке:

Приобщитесь к тайне Грааля и вы получите весь мир.

И Ран «приобщался»:

«Многочисленные неудачи движения крестоносцев имели следствием сознательное охлаждение религиозного пыла. Стоящее над разумом не было вытеснено из сознания рыцарского общества, но оно перестало быть единственной путеводной звездой. Окружающий мир Востока, полный чудес и сказочного великолепия, давал о себе знать воинам западных стран все более настойчиво. Экзотическая природа и другие люди пробуждали любопытство и удивление. В рассказах о путешествиях и в отступлениях от главной темы чувствуется волнение очевидцев. Старые предрассудки все сильнее тяготили последователей Пророка. На Востоке они обнаружили во многом превосходящую их цивилизацию, там не почитали многих богов, а исповедовали веру в одного-единого бога, тамошние жители имели правильные представления об общечеловеческих ценностях, и

воины часто скрещивали свои клинки в честной борьбе за свои рыцарские убеждения. Место слепых предрассудков часто занимал близорукий фанатизм, особенно в дни тяжелейших сражений. Это странное настроение открыло духовной волне с Востока врата западных стран, которые до тех пор охранялись в страхе. Романтика крестовых походов распространилась и на Запад. Но она, как всякая романтика, имела в своей основе неудовлетворенность, стремление к великому Неизвестному – к Граалю...

Добрая часть этой романтики крестовых походов вошла в поэзию того времени. Сказочное великолепие Востока с его иными, чем на Западе, взглядами и настроениями предоставляет творческому началу богатейший материал, овладевает им и вдохновляет его; однако пока еще не удастся сплавить в гармоничное единство эту экзотику с приземленными воспоминаниями, и все это – с христианскими преданиями.

«Парцифаль» Вольфрама /Эшенбаха/ – свидетельство этой романтики крестовых походов. Ее схематичный, наполовину чувственный, наполовину духовный двоякий мир предстает перед нами в его поэзии, и благодаря этому миру звучит лейтмотив глубокого видения. На фоне всех приключений и сказочных чудес возвышается символ этого стремления: святость нехристианской природы и все же имеющая религиозные корни. Такой же терпимостью наполнен и сам Вольфрам. Мы лишь однажды читаем о том, как отец Парцифалья Гамурет отправляется на службу к «главному врагу» христианства...» (Kampers F. Das Lichtland der Seelen und der heilige Gral. Koeln, 1916. S. 21.).

Ран изучил геометрию священной крепости Монсегюр, его ориентацию – стены и амбразуры – относительно восхода солнца и его взаимосвязь с иными священными местами катаров-альбигойцев, нашел ходы в таинственные пещеры, где, как ему казалось, должно было быть скрыто таинственное сокровище.

Он, в одиночку, исходил все близлежащие села, побывав во всех местных церквушках, на местных кладбищах, перелистав всю доступную ему литературу в местных библиотеках и музеях. Ему много помогали, ему показывали самые таинственные закутки, проходы, завалы, надписи, заросшие могилы, тропинки и прочее, и прочее, и прочее.

* * *

Ран рассказывает:

«Когда стены Монсегюра еще стояли, в них катары, чистые, охраняли Святой Грааль. И был Монсегюр в великой опасности. Воинство Люцифера подступило к его стенам. Они хотели захватить Грааль, чтобы укрепить его опять в короне князя тьмы, откуда он выпал, когда восставшие ангелы были сброшены с небес. И когда бой был почти проигран, слетела с неба белая голубка, и Фавор распахнулся. Эскармонда, защитница Грааля, бросила святыню в недра горы, и она затворилась. Так был спасен Грааль. А когда черти овладели крепостью, то поняли, что опоздали, В ярости схватили они катаров и сожгли под городскими стенами...» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 66; Lot-Borodine M. Trois essais sur le Lancelot du Lac et la Quete du Saint-Graal. Paris, 1921. P. 23.)

Они, оставив здесь Грааль,
Взлетели к небесам, домой,
Влекумы к звездам чистотой...

Вольфрам фон Эшенбах

«Катары покидали горы только для того, чтобы дать умирающему „последнее утешение“ либо исполнять старинные легенды для рыцарей и благородных дам на празднике в каком-нибудь замке. В длинных черных одеждах, с персидской тиарой на голове, они были похожи на брахманов или учеников Заратустры. Когда один из них умирал, они доставали свиток с Евангелием от Ионна, который носили на груди, и читали:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Бог есть Дух, и кто обращается к нему, пусть обращается в Духе. Благо для вас, что я умираю. Ведь если я не умру, не придет к вам утешение от Бога. Когда же придет Утешитель, которого я пошлю к вам...»

Diaus vos benesiga. Да благословит вас Господь!

И катары возвращались в свои пещеры...» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 67.)

* * *

В Ране пропал талантливый беллетрист:

«Крестьяне небольшого селения Монсежур, которое, подобно пчелиному гнезду, нависало над ущельем Лассе у подножия скал, увенчанных непокорной крепостью, рассказывают, что в Вербное воскресенье, как раз в то время, когда священник служит мессу, Табор открывается в укромном месте, спрятанном в густом лесу. Как раз там и спрятаны сокровища еретиков. Горе тому, кто не покинет недра горы раньше, чем священник пропоет заключительные слова „ite missa est“. В это время гора захлопывается, и искателю сокровищ приходит конец: его кусают змеи, стерегущие клад...» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 204; Marx J. La legende arthurienne et le Graal, Paris, 1952. P. 75.).

* * *

Неутомимый Отто Ран исследовал грот Сабарт к югу от горы Монсежур и очень тщательно грот Ломбрив, который местное население называло «Собор».

Глубоко в гроте Ран обнаружил залы, стены которых были покрыты символами, характерными для эпохи рыцарей Храма (тамплиеров), рядом с эмблемами катаров. Это открытие подтвердило утверждения историков-мистиков о том, что рыцари-тамплиеры и катары были одно время тесно связаны.

Один из рисунков, высеченных на гладкой каменной стене грота, представлял собой изображение копья. Легенда о короле Артуре, – вот что сразу приходит на ум.

А может, здесь – намек на Копье Судьбы, речь о котором пойдет далее?

* * *

«В бесчисленных пещерах Сабарта могло бы поселиться целое племя троглодитов. Помимо больших пещер, уходящих в глубь гор на многие мили, здесь огромное множество гротов и углублений между выступами скал. – Так писал в своем дневнике при слабом свете стеариновой свечи Отто Ран. – И сейчас еще в этих гротах и нишах можно увидеть места, где когда-то были балки. Тут стояли жилища, от которых огонь и время оставили только почерневшие известняковые стены, несколько полусгнивших или обугленных поленьев, да еще местами, где огонь и сила разрушения оказались бессильны, – рисунок или надпись:

дерево, «мировое дерево» или «дерево жизни», растущее в центре рая, о котором знали уже греки. Геспериды охраняют золотые яблоки;

лодка, парус у которой – солнце;

рыба, символ благого божества;

голубь, воплощение Святого Духа;

имя Христа латинскими или греческими буквами;

слово «Гефсиман»;

красиво прочерченная надпись GTS, по всей вероятности, сокращенное «Гефсиманский сад», где Иисус был предан страже;

фрагмент предложения, в котором возможно прочитать только слова «Santa Gleyiza».

У двух гротов сохранились названия: «Грот Иисуса» и «Грот мертвеца» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 68; Beguin A. La Quete du Saint Graal. Paris, 1958. P.80; Holtorf I. Die verschwiegene Bruderschaft. Munchen, 1984. S. 18.).

* * *

Короткие передышки Ран использовал с пользой, описывая свои впечатления от исследуемых им пещер. Страницы дневника заполнялись короткими, но очень емкими записями.

«Ломбриве – величайшая пещера Сабарте. С незапамятных времен, в сумрак которых едва ли проникает наша наука, здесь был храм иберского бога солнца Илхомбера. Пастухи и крестьяне ближайшей деревушки Орнольяк до сих пор называют ее „Церковью“.

Орнольяк расположен в долине, через которую «путь чистых» поднимался на вершину Фавора. Над деревней возвышается чудесная церквушка романского стиля, и статуя Богородицы, вырезанная из дерева неумелой рукой, охраняет поля и виноградники. На ее руках младенец Иисус, держащий колос.

Крутая тропа ведет в гигантское преддверие «церкви» Ломбриве. Здесь вход в заколдованное подземное царство, в котором история и легенды прячутся от мира, ставшего столь рассудительным. Путь в сердце горы проходит мимо сталактитов из белого известняка, мимо пластов шоколадного мрамора и сверкающих кристаллов.

Огромный зал, восемьдесят метров в высоту, был церковью еретиков. Земля, творение Люцифера, должна была отдать им прекраснейшее место, чтобы они могли почувствовать красоту, которую истинный Творец создал в надзвездном мире. Рука еретика начертила на мраморной стене Солнце, Луну и звезды, чтобы не забыть Бога, который есть свет и любовь. И с потолка пещеры, теряющегося в вечной мгле, непрерывно и ритмично капает вода. До сих пор здесь остались церковные сиденья из сталагмитов для всех, кто пожелает проникнуть в этот волшебный мир.

Когда снаружи, в долине Аригежа, бушует гроза, вся гора гудит от потоков воды, которые с грохотом пробивают себе дорогу через пористый известняк. Когда бог бури и смерти Люцифер бросает огненные молнии на трепещущий мир, гора колеблется до самого основания.

Из церкви еретиков каменная лестница ведет в другую часть пещеры Ломбриве, и примерно через час ходьбы дорога обрывается в глубокую пропасть. У ее края лежит огромный камень, на котором вырос сталагмит в форме палицы. Жители Орнольяка называют его «Надгробием Геракла» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 70—71.).

Короткий отдых, и Ран вновь отправляется в пещеру.

«Одна из пещер, расположенных напротив „Кафедрального собора“ Ломбриве, называлась пещерой Отшельников, а вторая, неподалеку от нее, – пещерой Фонтана. В самом дальнем ее зале и располагался снежно-белый сталактит, названный „Алтарем“ (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 114; См., также: Lot-Borodine M. Trois essais sur le Lancelot du Lac et la Quete du Saint-Graal. Paris, 1921.).

И еще:

«Три величественных сталагмита, возвышающиеся над таинственным озером в центре пещеры Ломбриве, названы „Трон царя бевриков“, „Гробница Беврика“ и „Гробница Пирены“ (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 72.).

И еще:

«Пещеры Сабарте – представляли собой мощные подземные укрепления. Возведенные повсюду стены, по которым в течение столетий сочилась из скал вода с известью, хранят дремлющую в их тени тайну.

...Пещерная крепость Буан. В ней есть все, что присуще средневековой крепости: донжон, лестницы, казематы, место для дозорного. От обычного замка она отличается лишь тем, что состоит исключительно из подземных ходов.

Вторая пещерная крепость, Орнольях, находится на противоположном берегу Ариэга, между пещерой Отшельников и пещерой Фонтана, недалеко от полуразрушенных бань Усса, в термах которых резвятся множество водяных ужей. После утомительного восхождения по осыпи вы попадаете в почти непроходимые заросли, состоящие из смоковниц и колючего кустарника. Наконец, преодолев эту колючую изгородь, вы выходите к развалинам крепости. Вдоль потемневших от копоти скальных стен вы приближаетесь к входу в разрушенную пещерную крепость, выступающую над скалой подобно запорошенному снегом пограничному дозору. Там, где когда-то был вход, ведущий в недра горы, не уцелело ничего. Этот вход засыпали, когда крепость еретиков была предана огню. Насколько велика была эта крепость, можно судить по вырубленным в обеих противоположных стенах отверстиям для несущих балок: здесь должно было быть четыре – или даже больше – этажа» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 119; См.: Marx J. La legende arthurienne et le Graal, Paris, 1952. P. 54—56.).

Отшельник рек: «Там все священо!

Святого Мунсальвеша стены

Храмовники иль тамплиеры —

Рыцари Христовой веры —

И ночью стерегут и днем:

Святой Грааль хранится в нем!...

Вольфрам фон Эшенбах

И снова Отто Ран:

«Пещеры Глеиза расположены недалеко от Спультга де Орнольях и соединены с ним через пещеру Отшельника и пещеру Рыб. Название „пещера Рыб“ было выбрано мною и господином Гадалем потому, что в ней находятся катарские изображения рыб. Все эти пещеры находятся в горе Ке де Усса (слово „Kers“ – кельтского происхождения и означает „гора“) и защищены со стороны долины крепкой стеной. Селения Орнольях и Буан в Сабарте также называют „Глеиза“. Название другой пещеры „Церковь“ еще удивительнее, поскольку пиренейские крестьяне панически боятся пещер.

Пещера Ломбриве исследована мною и господином Гадалем на протяжении первых двенадцати километров.

Самая опасная и таинственная из всех пещер Арьежа – «Пещера источника». На каждом шагу в полу зияют широкие трещины, из глубины которых с шумом вырывается вода. Во время грозы бывало и так, что проходящая через пористые камни вода преграждала нам обратный путь. По-видимому, в горе есть теплые источники, поскольку в этой и многих других пещерах температура такая, как в настоящей теплице. После окончания наших совместных исследований я намерен опубликовать специальную работу о найденных в «Пещере источника» фокейских, финикийских и, вероятно, эгейских захоронениях. Почти у всех склепов находили высеченных из камня «черепаш», на которых была изображена рана от стрелы. Была ли эта черепаха тотемным животным названных культур либо она символизировала дракона («tarask») тарасконцев (Тараскон – столица области) – мы еще точно не установили.

Все предметы, найденные в пещерах Сабарте, хранятся, за редким исключением, в частном музее господина Гадаля. Это относится и к находкам времени альбигойцев, из которых самый прекрасный экспонат – меч, найденный в селении Буан» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 245—246.).

Что же нашел во время своих первых путешествий по таинственным лабиринтам Монсегюра Отто Ран? Да и искал ли?

Думается, что цель его тогда была иной – срастись с этим чудесным и таинственным уголком земли, исходить вдоль и поперек подземными тропами, понять – где, как и что могли прятать катары, каким образом могли уйти из осажденной крепости посвященные. Ран сопоставлял источники с реалиями, вычерчивал схемы, наносил на карты забытые уже дороги и ориентиры.

Вот список авторов, чьи работы изучались Раном, у кого он искал ответы на вопросы, «крутящиеся» вокруг Священной Чаши:

Хильдегард из Бингена (?-1179);

Гертруда Великая (?-1303);

Мехтильда из Магдебурга (?-1282);

Мейстер Экхарт (?-1327);

Ян ван Рейсбрук (?-1381);

Фома Кемпийский (?-1471);

Якоб Беме (?-1624);

Ангелус Силезиус (?-1671);

Николаус фон Цинцендорф (?-1760);

Карл фон Рейхенбах (1788—1869);

Елена Петровна Блаватская (1831—1891);

Франц Гартман (1838—1912).

У нашего современника мы найдем ссылки еще на ряд авторов, книги которых Ран – как серьезный исследователь – знал:

«В средневековой рыцарской литературе мотив Грааля впервые возникает в двух французских стихотворных романах конца XII века „Роман об истории Грааля“ Робера де Борона (1-я часть – „Иосиф Аримафейский“; от 2-й части – „Мерлин“ сохранились лишь фрагменты, здесь спасителями святыни оказываются Мерлин и его воспитанник король Артур). В „Персевале, или Повести о Граале“ Кретьена де Труа героем-искателем Грааля выступает Персеваль, один из рыцарей Круглого стола короля Артура (а затем и Говен, племянник Артура). Выдвигаются новые герои: во французской литературе – Ланселот и его сын Галахад (прозаический цикл „Повесть о Ланселоте Озерном“ или „Ланселот-Грааль“; „Поэма о святом Граале“ – 1-я половина XIII века), а в немецкой – сын Персеваля Лоэнгрин (поэма Конрада Вюрцбургского „Рыцарь с лебедем“; анонимная поэма „Лоэнгрин“ – 2-я половина XIII века). С темой Грааля связан роман английского писателя Т. Мэлори „Смерть Артура“ (XV век). В новое время немецкие романтики разрабатывают сюжет Грааля в поэзии (Л. Уланд) и драматургии (незаконченная пьеса Ф. Фуке, „Мерлин“ К. Л. Иммермана); английский поэт А. Теннисон обращается к нему в „Королевских идиллиях“. В музыкально-драматическом искусстве легенда о Граале нашла монументальное воплощение в операх Р. Вагнера „Лоэнгрин“ (либретто композитора по анонимному роману конца XIII в.) и „Парцифаль“ (либретто композитора по произведению Вольфрама фон Эшенбаха). В книжной миниатюре (иллюстрации в рукописях XIII—XV веков) Грааль изображался преимущественно в виде потира» (Аверинцев С. С. Грааль // Мифы народов мира. Т.1. М., 1991. С. 317—318.).

*** * ***

Н.Гудрик-Кларк писал о том, что «сосредоточенность Рана и научный склад ума отличали его от эксцентричных оккультистов, существовало и известное сходство интересов и мотивов между ними. Их общим делом был поиск утраченной немецкой традиции, предположительно уничтоженной католической церковью и другими враждебными силами»

(Гудрик-Кларк Н.Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. Б.м., б.г. С. 210—211; См., также: Власть магических культов в нацистской Германии. М., 1992.).

* * *

Грааль – это камень особой породы:
Lapsit exillos – перевода
На наш язык пока что нет...
Он излучает волшебный крест,
Пламя, в котором, раскинув крыла,
Птица Феникс сгорает дотла,
Чтобы из пепла воспрянуть снова,
Ущерба не претерпев никакого,
А только прекраснее становясь...
Вот она – взаимосвязь
Меж умираньем и обновленьем!
Все это схоже с одним явленьем,
Известным у птиц под названьем линька.
А ну, мозгами пораскинь-ка —
И ты проникнешь в сущность дива!
...Слушай дальше терпеливо.
Грааль, он тем и знаменит,
Что человечью жизнь хранит.
Тот, кто на камень глянет,
Пусть знает: хоть побьют, хоть ранят,
Семь дней уж точно он не умрет!
Это известно наперед.
Достаточно лишь посмотреть —
И невозможно умереть
В течение недели!
Диво, в самом деле!...
...Исполнен к людям доброты,
Грааль сохраняет их черты,
До самой старости молодыми,
Вот только делает седыми
С теченьем лет их волоса —
Знать, здесь бессильны все чудеса!...
В ночь на пятницу страстную
Грааль, о коем повествую,
Из- под заоблачных высот
Белоснежного голубя на землю ждет.
По заведенному порядку
На камень дивную облатку
Небесный голубь сей кладет.

Так повторяется из года в год...
Облаткою Грааль насыщается,
И сила его не истощается,
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда,
Ни сокровища недр, ни сокровища вод,
Ни что на суше, в реке или в море живет.
Несметны у Грааля богатства...
Но как же попасть в Граалево братство
И как о том, что ты избран, узнать?...
Надпись на камне умеи прочитать!
Она появляется время от времени
С указанием имени, рода, племени,
А также пола того лица,
Что призвано Граалю служить до конца...
Служение это и есть испытание!
Зато уготовано место заранее,
Вернейшее место в господнем раю,
Тому, кто жизнь отдаст свою,
Но верность Граалю сберечь старается!...
...Чудесная надпись никем не стирается,
А по прочтенье, за словом слово,
Гаснет, чтоб появился снова
Дальнейший список в урочный час
И также, прочитанный, погас...
...Когда небеса сотрясало войною
Меж господом богом и сатаной,
Сей камень ангелы сберегли
Для лучших, избранных чад земли...

Вольфрам фон Эшенбах

В поисках Грааля

Монсальват (Mons salvatus – спасительная гора)

Монсегюр (Mons segurus – надежная, безопасная гора) (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 8.)

Но чтоб в замок этот попасть,
Не нужны ни усердьё, ни власть,
Ни удача, ни разум могучий, —
Лишь судьбой уготованный случай.
В неведенье священном
приходят к этим стенам.
Зовется замок Мунсальвеш...

...

Надежней мест, чем Мунсальвеш,

Нигде вам не найти.

Вольфрам фон Эшенбах

Все, что он видел в свое первое путешествие по Лангедоку, Отто Ран описал в своей книге «Kreuzzug gegen den Gral» («Крестовый поход против Граля»), вышедшей в 1929 году, и только четыре года спустя замеченной научной общественностью и... нацистами (На русский язык переведена только в 2001 году.). Последнее сыграло роковую роль в жизни этого бесспорно талантливый историк и археолог.

Не для нацистов он – Ран – писал свои проникновенные строки, открывающие его труд:

«Ради таинственных катаров была написана эта книга...» (Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002. С. 7.)

Увы, книгу и автора использовали в политических играх.

Понимал ли сам Ран, к чему может привести его дружба с нацистской верхушкой? Прозрение пришло поздно, а пока – в 1933—1934 годах он несомненно гордился тем, что был замечен, что идеи его заинтересовали столь значительные фигуры, что его внимательно слушают первые лица германского государства. (Он, как и тысячи других немцев, надеялся на возрождение своей страны, государства с богатой историей и претензиями на мировое господство).

Представив Гиммлеру свои соображение по поводу возможных дальнейших археологических изысканий, Ран был вынужден надолго задержаться в Берлине (он, правда, не терял зря времени, поскольку был «поглощен дальнейшим изучением мистерии Грааля»). «Его поиски тайной изначальной религиозной традиции – Религии Света», ограничивались лишь стенами книгохранилищ и архивов, но и здесь Ран совершил немало находок и открытий (Отто Ран и поиски Святого Грааля (Электронная версия – <http://fantasy.red.ru/religion/ra/otto>)).

По всей видимости, Гиммлер внимательно изучил записку Рана и серьезно отнесся к его соображениям. Рана еще несколько раз приглашали на прием к всеильному рейхсфюреру СС, где он давал пояснения по ряду важных и спорных позиций.

Без всяких проволочек он был принят на службу в «Аненербе», сам Гиммлер поздравил его с началом исследовательской работы в стенах столь уважаемого в Германии заведения. (В 1936 г. его убедили официально вступить в СС, и уже через несколько недель Отто Ран получил повышение в звании до унтершарфюрера /унтер-офицер/ СС.) Здесь – в «Аненербе» – Ран близко сошелся с Виллигутом, ставшим для него настоящим учителем, советником, идеологом и покровителем.

*** * ***

Поздний вечер, пригород германской столицы. Особняк, где обитает и работает Виллигут. Его дом и служба окружена ореолом таинственности. Мало кто был удостоен чести быть принятым хозяином, он очень занят и время свое расписывает буквально по минутам.

Но для молодого археолога Рана он нашел... несколько часов. Едва ли не единственный случай!

...Рану пришлось отсидеть в приемной минут пятнадцать, затем его пригласили в кабинет.

Это была огромная комната, три стены которой заставлены стеллажами с книгами, папки с бумагами (рукописи, выписки, переписка) навалены на широкий подоконник, на полу – все те же книги и журналы. В кабинете полумрак, у хозяина болят глаза, он не любитель солнечного света.

– Прошу вас, господин Ран, проходите, садитесь. Сейчас нам подадут кофе.

– Благодарю вас.

– Итак, господин Ран, я рад, что наша встреча все же состоялась. Я читал вашу книгу. Это, бесспорно, шедевр. Вам удалось соединить в книге историю и поэзию, мистику и реальный быт.

– Спасибо, я всегда с большим уважением относился к вашим оценкам, всегда считал вас своим наставником, заочным, но наставником.

Воллигут улыбнулся кончиками губ, он был польщен.

– Оставим словесный мед тем, кто не может без него. Нас с вами должны интересовать более реальные вещи. Мне кажется, что ваша экспедиция – лишь первый шаг. Я думаю, рейхсфюрер будет доволен, если вы предложите ему более перспективный план поиска Грааля.

– Об этом я уже имел продолжительный разговор, несколько дней назад. О, рейхсфюрер не просто был доволен, он сам настаивает на продолжении поисков. Мой археологический опыт укладывается в несколько лет. Это – мизер, я делаю только первые шаги, у меня не хватает рук, не хватает средств, нет самых элементарных условий для обработки материалов. Но рейхсфюрер меня обнадежил, он обещал все – и средства, и людей, и условия.

– О, да... рейхсфюрер всегда держит свое слово, он – человек слова. Однако вокруг него вьется рой бездельников, тех, кто на пене пытается занять кресло. Их надо бояться, они могут использовать вас, использовать ваши мозги, вашу руку, ваше умение трудиться.

– Я не уверен...

– Поверьте мне, господин Ран. Я возвращаюсь в эту среду уже не первый день, мне много известно. Однако я старательно обхожу все подводные камни, я – ученый, а не политик, мне все равно, кто будет служить правой или левой рукой рейхсфюрера. Главное – чтобы руки эти занимали свое место.

– Надеюсь, что чаша сия меня минует. Я, как и вы, всего лишь ученый, причем в большей степени – кабинетный.

– О, да. Наука наша подразумевает именно «кабинетный стиль»... Мы делаем свои открытия за письменным столом.

– Археология прежде всего факт. А факт – это истина. А истину я ищу в средневековых фолиантах и запыленных рукописях.

Казалось, хозяин кабинета и его гость слышали уже только каждый сам себя.

– Нет, господин Ран, нет. Мы никогда не должны отказываться и от «земли». О, она многое скрывает, она крепко хранит свои тайны и нехотя выпускает из своих объятий свои сокровища (я говорю относительно археологии).

– Да, это так. Я убедился в этом, сделав первые шаги на той священной для меня горе, где прилепился Монсегюр. Ох, как неохотно отдает гора свои тайны. За многие из них нам еще придется дорого заплатить. Но я не буду жалеть. Уверен, что и вы – тоже.

– Вы мне нравитесь, господин Ран. В вас есть та искорка, которая так необходима каждому, с кем я готов делить свой труд. Мы с вами далеко пойдем. Нам многое еще предстоит сделать. Подумайте только, Священная чаша Грааля – она существует, но никто из наших современников не притрагивался к ней. А она может и должна стать нашим фетишем, нашим символом, нашим Богом. Вспомните Ницше, вспомните Вагнера, вспомните любимого вами Эшенбаха.

Ран улыбнулся, а Виллигут продолжал:

– У меня по четвергам собирается небольшой кружок. Молодые люди, но очень, очень способные. Мы много говорим, пьем много кофе, много читаем и спорим. Конечно, они уважают мою старость, но я чувствую, они во многом со мной не согласны. Да, они еще больше, чем вы, кабинетные черви, пожелтевшие от электрического света своих настольных ламп и пугающиеся дневного света. Да, да, не удивляйтесь, именно так!

– Я и не удивляюсь, я сам знаю таких...

– Я вас перебыю, не хочу упустить хвост мысли. Так вот. Мы, в первую очередь я, рады будем видеть вас на наших заседаниях. Быть может, и вам будет интересно...

– Я буду только рад.

– Единственно, о чем я хочу вас предупредить. Та околонуканая публика, что крутится около рейхсфюрера, нас недолюбливает, усиленно следит за нами и строчит доносы. Хорошо, что господин Гиммлер доверяет больше мне, чем всем этим клеветам... Но будьте осторожны и всегда готовыми дать ответ на не очень приятные вопросы со стороны рейхсфюрера.

– Рейхсфюрер, на мой взгляд, человек разумный и не задающий ненужных вопросов. Но все же спасибо за предупреждение. Жаль только, то придется «воевать» на два фронта: и на своей исследовательской передовой, и на передовой бюрократизма.

– Что поделать, что поделать...

*** * ***

Только благодаря службе в «Аненербе», благосклонности Гиммлера и поддержке Виллигута Рану удалось пробить финансирование новых экспедиций – в Прибалтике, Восточной Пруссии и, конечно же, южной Франции.

*** * ***

Прибалтика, Кенигсберг. Казалось, что его стены несут в себе мистический заряд, а башни хранят мудрость веков и только ждут случая, чтобы передать их «посвященным». И так вот уже много веков. Никто и ничто не может разрушить созданное веками, передаваемое из поколения поколению, сохраняемое «посвященными».

Таким «посвященным» считал себя Альфред Роде (Роде Альфред Франц Фердинанд (24.1.1892, Гамбург – ?) – журналист, литератор, государственный и общественный деятель третьего Рейха. Считался также историком искусств.), один из высших руководителей Третьего Рейха, получивший «на идеологический откуп» оккупированные Вермахтом прибалтийские государства. Он, Роде, подобно Гиммлеру мнил себя настоящим магом, способным овладеть тайнами человеческой психики. А для этого прибегал к самым, как казалось, непонятым и самым тайным древним традициям.

Под стать ему был и гауляйтер (то есть партийный нацистский руководитель) Восточной Пруссии Эрих Кох, собиравший средневековые кирпичи с оттисками волчьих лап (считалось, что подобные «талисманы» уберегут от поражения в любой, самой жестокой битве и даруют победу над врагом.

*** * ***

Действующие лица:

Кох (Koch) Эрих (19.6.1896, Эльберфельд, Вупперталь – 9.3.1959, Варшава) – нацистский партийный и государственный деятель.

Участник Первой мировой войны. После демобилизации из рядов армии работал на железной дороге, служил в Добровольческом корпусе, участвовал в вооруженных столкновениях с коммунистами в Гейнце (Верхняя Силезия). С 1922 года член НСДАП, один из руководителей партийной организации Рурского района. С 1923 года выступал организатором антифранцузских акций в Рейнской области, вместе с А. Шлагетером арестован французскими службами безопасности, но вскоре выпущен на свободу. С марта 1926 года ближайший сотрудник Г. Штрассера, с 1926 года заместитель гауляйтера Рура, с октября 1928-го по май 1945-го гауляйтер Восточной Пруссии. С 1929 года член ландтага Восточной Пруссии, руководитель нацистской фракции в местном парламенте. С сентября

1930-го депутат Рейхстага и глава пронацистской «Прусской газеты». С сентября 1933-го обер-президент Восточной Пруссии, с сентября 1939-го имперский комиссар обороны 1-го военного округа.

В начале мая 1942 года назначен на пост рейхскомиссара Украины, вел беспощадную борьбу с советскими партизанами и подпольщиками, не останавливаясь даже перед применением тактики «выжженной земли» и расстрелами сотен заложников, взятых из числа мирного населения. В конце 1944-го – начале 1945 года руководил эвакуацией гражданского населения Восточной Пруссии, опасавшегося репрессий со стороны Красной Армии и советских спецслужб. Благодаря усилиям Коха в Германию удалось вывезти несколько сот тысяч человек, большей частью детей, что спасло им жизнь, поскольку Кенигсберг после штурма советских войск превратился в груды развалин.

В мае 1945 года арестован английской контрразведкой. В феврале 1950-го выдан польским властям. В октябре 1958-го судом Польской Народной Республики приговорен к смертной казни по обвинению в совершении военных преступлений. Повешен (Энциклопедия Третьего Рейха. М., 2003.).

*** * ***

Кох и Роде считали себя людьми образованными и, подражая своему шефу – рейхсфюреру СС Гиммлеру, внимательно следили за всем, что происходило в сферах «ответственности» «Аненербе». Кох был в курсе тех раскопок и поисков, которые вел под Монсегуром Отто Ран. И даже тайно бывал там (в сопровождении Зиверса).

Роде и Кох находили на этой почве точки соприкосновения, их беседы о поисках Чаши Грааля перерастали порой в настоящие дискуссии и длились по многу часов. И уже ничто не могло помешать этому разговору.

И сам Кенигсберг чем-то напоминал Монсегур, те же легенды о сокровищах, укрытых в Средние века, те же крестоносцы, подземелья, пещеры, подземные ходы и лабиринты, пропавшие в этих катакомбах целые экспедиции.

Здесь, в подвалах кенигсбергских башен, старинных особняков нацисты укрывали драгоценности, вывезенные ими из России, огромные архивы, запасы необработанного янтаря. Здесь же, в Кенигсберге, сотрудники «Аненербе» пытались разыскать следы сокровищ крестоносцев.

По приглашению Коха и Роде в Кенигсберге побывали все сколько-нибудь весомые фигуры «Аненербе», в том числе и Виллигут, и Хаусхофер-старший. Побывал в резиденции Коха и Отто Ран.

*** * ***

Действующие лица:

Хаусхофер (Haushofer) Карл Николай (27.8.1869, Мюнхен – 13.3.1946, Пеле близ Вейльгейма) – глава германской школы геополитики, генерал-майор (июль 1919 года).

Окончил кадетский корпус (служил в 1-м баварском полку полевой артиллерии), Военную академию и Мюнхенский университет. С 1897 года служил в Министерстве иностранных дел, в частности в составе германских посольств в Юго-Восточной Азии и в Японии. Участник Первой мировой войны: командовал артиллерийским полком затем 7-й баварской резервной дивизией.

В июле 1919 года был демобилизован, поступил на службу в Мюнхенский университет, приват-доцент (с 1921 года профессор) кафедры географии. Основал Институт геополитики и «Журнал геополитики», который редактировал с 1924-го до 1944 года. Автор ряда оригинальных теоретических изысканий в области геополитики, которые в сущности «работали» на национал-социалистические идеи А. Гитлера. Как отмечают современные

исследователи, «теория Хаусхофера стала частью официальной доктрины нацистской Германии. Разработанная им наука была чрезвычайно популярна при нацизме и его даже считали человеком, стоящим за Гитлером».

Лишь после ареста его сына, участника Июльского заговора 1944 года, Хаусхофер стал сомневаться и в правомочности нацизма, и в собственных разработках, которые, как оказалось, толкали Третий рейх на грань системного кризиса.

Получив известия сначала о гибели горячо любимого сына (Хаусхофер (Haushofer) Альбрехт (7.1.1903, Мюнхен – 23.4.1945) – поэт, драматург, участник германского движения Сопротивления. Сын К. Хаусхофера. С 1940 года преподавал политическую географию в Берлинском университете и одновременно состоял на службе в Имперском министерстве иностранных дел. Автор пьес «Сципио» (1934 год) и «Сулла» (1938 год), в которых косвенно осуждал национал-социализм. Критически относился к внешней и внутренней политике НСДАП, в начале 1940-х годов сблизился с членами движения Сопротивления. После провала Июльского заговора 1944 года был заключен в тюрьму Моабит. Написанные там «Моабитские сонеты» сохранились и были опубликованы после 1945 года. Расстрелян по постановлению Народной судебной палаты, даже вмешательство его отца не смогло приостановить приведение приговора в исполнение. После его смерти Хаусхоферу-старшему передали обнаруженные в кармане пиджака сына стихи: «Отец, верь, с тобою говорила судьба! Все зависело от того, чтобы вовремя упрятать демонов в темницу... Но ты сломал печать, отец, ты не побоялся дыхания дьявола, ты, отец, выпустил демона в наш мир.), затем о самоубийстве Гитлера и крахе нацистской Германии, Хаусхофер впал в страшную депрессию. Покончил жизнь самоубийством, застрелив перед этим свою жену (Энциклопедия Третьего Рейха. М., 2003.).

* * *

Карл Хаусхофер оставался одной из самых загадочных фигур «Аненербе». Наряду с Виллигутом, он «отвечал» за идеологию общества: выступал за продолжение поисков евангельских реликвий, поддерживая начинания Рана и его младших коллег.

* * *

В Литве и под Кенигсбергом Ран искал и золотые эку тамплиеров (он верил в общность тамплиеров и катаров!), вывезенных ими – на семнадцати кораблях! – в октябре 1307 года из французского порта Руан в неизвестном направлении.

(Ран оказался одним из первых в среде искателей таинственных тамплиерских сокровищ, кто предположил, что золото свое храмовники вывезли не на американский континент, а на берега Прибалтики – в Латвию).

По слухам, Ран нашел в подземельях одного из замков, расположенного на Рижском взморье, небольшой клад золотых монет, переданный им на временное хранение местным властям.

Уже во время Второй мировой войны в Ригу прибыла новая экспедиция немецких историков и археологов, которая шла по стопам Рана. Находки, сделанные им были переправлены в Берлин, туда же шли многостраничные отчеты исследователей, внимательно изучивших десятки объектов – развалины средневековых замков, монастыри, кладбища, архивные хранилища, древнейшие городища... Саму экспедицию эвакуировали из Курляндии на подводных лодках лишь в апреле 1945 года, когда советские войска стояли уже на подступах к немецкой столице. Вместе с экспедицией ушел из Кенигсберга и Кох. Он считал, что его организаторский талант еще пригодится Третьему Рейху, погибать у древних стен прусской столицы он явно не хотел.

А в Прибалтике археологические поиски продолжались, но уже новыми хозяевами – советскими чекистами. Руководил работами Игнатий Яковлевич Стеллецкий (См. о нем, и его работу: Стеллецкий И.Я. Поиски библиотеки Ивана Грозного. М., 1999. (В 1945 году он побывал в освобожденной Риге, официально – на отдыхе, но, скорее всего, он занимался разбором трофейных архивов, в том числе и тамплиеров. Видимо, по его рекомендации этот архив был вывезен в Москву, где и осел, скрытый от исследователей под грифом «секретно». Интересен один факт, после смерти Стеллецкого, последовавшей в 1949 году, вдова его передала личный архив в Государственный архив литературы и искусства, но часть архива... оказалась в частных руках, быть может, и материалы тамплиеров?)), пожалуй, единственный человек, изучивший архивы тамплиеров, вывезенные в мае 1945 года из Кенигсберга в Москву.

Составленный Стеллецким на шестнадцати страницах доклад чекистов не заинтересовал. Ученый оставался ученым, писал сухо и все «не по делу»: вместо того, чтобы сказать четко, где лежат сокровища тамплиеров, размазывал листок бумаги словами о ценности данного архива для историков.

Старший оперуполномоченный «СМЕРШа» не знал, насколько был осторожен профессор Стеллецкий (жизнь научила), особенно в общении с представителями славных охранных органов. Игнатий Яковлевич не проронил ни слова, которое чекисты могли воспринять, как ниточку к захороненным (возможно, захороненным) в кенигсбергской земле сокровищам крестоносцев. Через четыре года Стеллецкий скончался, унеся с собой тайну того, что он нашел (или не нашел) в захваченных в Восточной Пруссии архивах.

*** * ***

Но, думается, что в Прибалтике немецкий археолог Ран искал следы катаров-альбигойцев, свидетельства их пребывания здесь. Он получил в своих поисках полную поддержку от Роде, такого же последователя катарских идей, как и сам неутомимый Отто.

В отличие от разговоров с Кохом Роде в беседах с Раном стремился предстать в роли ученика (ему действительно не хватало специальных знаний, помогающих ему разобраться в мировоззренческих пирамидах представителей той или иной ереси).

Он знал Рана – по публикациям – как не просто талантливого ученого, но еще и одержимого человека. (И Роде был точно таким же.) Они – Ран и Роде – быстро нашли общий язык, несмотря на различные «весовые категории», которые они занимали в нацистской иерархии. По личному распоряжению Роде, Рану выдавали в университетской библиотеке самые редкие издания, которые он «проглатывал» с необычайной скоростью, делая обширные выписки в свои черные коленкоровые тетради.

*** * ***

В 1935—1936 годах Ран написал руководителю «Аненербе» несколько восторженных писем о местах, которые он посетил в поисках известий о Граале в Германии и Прибалтике, с просьбой сохранять по этому вопросу полную конфиденциальность, уведомив лишь Гимmlера.

Летом 1936 года благодаря финансовой поддержке СС, Отто Ран отправился в экспедицию в Исландию. Основные моменты этого путешествия вошли в некоторые главы его второй – и последней – книги «Двор Люцифера» («Luzifers Hofgesind»), опубликованной в 1937 году. (В книге своей Ран не упоминает СС и того, что корабль, на котором он отбыл в Исландию, шел под флагом с синей свастики на белом фоне (что отличалось от официального флага Третьего Райха).

*** * ***

Исландия... уединение и монотонность...

И здесь неутомимый Ран ищет следы легендарной Чаши. Он идет по следу «песен о богах и героях», известных как «Старшая Эдда» (сохранилась в рукописи, датированной концом XIII века). «Старшая Эдда» была не чем иным, как собранием древних мифологических представлений, сюжеты которых были известны еще германцам до «эпохи викингов» (то есть IX—XI века).

А быть может, неутомимый Ран искал следы клада таинственных нифлунгов (от немецкого – «нибелунги») (Нифлунги – обитатели расположенной на севере загадочной страны мрака, туманов и вечных льдов. Демонические существа, связанные с подземным миром. Охраняют от посторонних сокровища предков.), который искали и до него – и в Исландии, и на Рейне.

Но согласно все той же «Эдде» на клад нифлунгов наложено проклятие, и всякого, кто посмеет овладеть им, ждет гибель.

Из дали грозной Тор воинственный
грохочет в тучах.

Принес огонь – огонь таинственный
на сизых кручах.

Согбенный викинг встал
над скатами, над темным бором, горел сияющими латами
и спорил с Тором.

Бродил по облачному городу, трубил тревогу.
Вцепился в огненную бороду
он Тору-богу.

И ухнул Тор громовым молотом
по латам медным, обсыпав шлем пернатый золотом
воздушно-бледным:

«Швырну расплавленные гири я
с туманных башен...».

Вот мчится в пламени валькирия.

Ей бой не страшен.

На бедрах острый меч нащупала.

С протяжным криком

помчалась с облачного купола, сияя ликом

(Белый А. Отклик через тысячелетие.).

* * *

Заключительным аккордом в исследованиях Рана можно считать экспедицию в Монсегюр летом 1937 года.

В той, последней для Рана экспедиции участвовало более тридцати человек, из них (не считая самого Рана) пять археологов, представлявших различные германские университеты, два филолога, три этнографа, один историк – специалист по крестовым походам, два специалиста по спелеологии; остальные – студенты, вдохновленные поисками Рана и ставшие его добровольными помощниками.

К экспедиции – для присмотра – были прикреплены офицеры СС, сотрудники «Анерберге». Но последние держались достаточно тихо, не вмешиваясь в сам

исследовательский процесс, уделяя больше внимания учету находок и составлению многочисленных докладных записок для начальства.

Дважды появлялся и сам руководитель «Аненербе» Зиверс, раз – в одиночестве, даже без личного секретаря, второй раз – сопровождая какое-то, видимо, значительное «лицо», чье имя так и осталось для участников экспедиции «инкогнито». (Таинственного незнакомца узнал только Ран. Это был его старый кенигсбергский знакомец Кох, угговоривший Зиверса хотя бы на день свозить его в Монсегюр.)

*** * ***

Действующие лица:

Зиверс (Sivers) Вольфрам (? – 2.6.1948, Ландсберг на Лехе) – ученый-этнолог, специалист по вопросам расы, штандартенфюрер СС.

Окончил Берлинский университет, сотрудничал в ряде научно-исследовательских институтов и медицинских центрах.

С 1935 года управляющий делами «Аненербе», один из ближайших советников рейхсфюрера СС Г. Гимmlера. Координировал вопросы организации археологических экспедиций в Тибете и Антарктиде, раскопок в Австрии и Венгрии, сбора древних манускриптов и антиквариата.

По заданию высшего нацистского руководства проводил медицинские опыты над заключенными концентрационных лагерей, над неизлечимо больными, которые, как правило, вели к мучительной гибели узников. Отвечал за техническое и хозяйственное оснащение лабораторий и исследовательских институтов на территории «лагерей смерти» в Польше и в Советском Союзе. Вел подробные записи, которые практически никому не показывал; несмотря на то, что за его дневниками и рабочими тетрадями шла настоящая охота, он сумел уберечь результаты своих работ.

В мае 1945 года арестован американской контрразведкой, более двух лет оставался под следствием. Находясь в одиночной камере, писал мемуары и обобщал итоги своих многолетних исследований.

В июле 1947 года на процессе Американского военного трибунала по делу нацистских медиков был приговорен к смертной казни.

Повешен.

От смерти его не спасло даже обещание передать следствию свой богатейший архив.

*** * ***

Ран с коллегами вновь и вновь обследовали пещеры, стремясь заглянуть в каждый проход, занести на бумагу каждую настенную надпись, рисунок или просто царапину. Ран считал, что все это может послужить базой для серьезного анализа тех событий, которые развернулись здесь в XIII веке и о которых предки оставили свидетельства на стенах пещер.

Особенно тщательно копировалось все, что имело отношение к событиям времен падения Монсегюра.

Да... Крепость в предвечерней мгле

Вся золотилась на скале.

О камни море билось

Ревело и бесилось.

Такую крепость не возьмешь, без спросу не покинешь —

Или в пучине сгинешь.

Вольфрам фон Эшенбах

Ран не ограничивался только «путешествиями» по подземельям. Его сотрудники обошли все близлежащие деревни, где рассчитывали собрать все – письменные и устные, вещественные – свидетельства давно ушедшей в небытие эпохи крестоносцев. Если вещественных свидетельств практически не сохранилось, то недостатка в устных источниках не было. Каждый день Рану на просмотр сдавали исписанные тетради, в них – песни, легенды, истории, переходящие от одного поколения к другому. Ран искал между строчек записей то, что могло навести его на местонахождение сокровищ альбигойцев, которые так и остались упрятанными где-то за толщей гор, замурованными в лабиринтах многочисленных подземных ходов, или в одной из тысячи пещер.

Еще одна группа исследователей трудилась, не покладая рук, в местных архивах, надеясь там «выудить» что-либо интересное.

В общем, «сеть» Ран закинул достаточно широкую, рассчитывая охватить как можно большую площадь для поиска.

Рану удалось точно установить, что из осажденной крепости спаслось не шесть, а, как минимум, десять «посвященных». Если о шести первых было известно много (о четырех – даже имена), то о покинувших осажденный холм последних «братьях» – практически ничего. Ран мог только предположить, что и эта четверка спаслась лишь для того, чтобы вынести в безопасное место альбигойские ценности.

Служители Грааля – братья,
Отважны до невероятья,
Они со всех концов земли
Святой Грааль стеречь пришли,
Закрыв для посторонних выходы...
Их снарядили все народы...

Вольфрам фон Эшенбах

Но почему они уходили группами, а не все сразу? Боялись, что прорыв может окончиться неудачей, а так хотя бы одна из групп да прорвется. Причем вторая и третья группы вышли из своих укрытий уже тогда, когда Монсегюр пал. Так было безопаснее.

Мысли вновь и вновь возвращали Рана к третьей, самой таинственной группе, как, каким образом она покинула холм, почему никто не вспоминал о ней, почему не сохранилось никаких свидетельств, и лишь в немногочисленных, порой просто неправдоподобных историях проскальзывают о ней туманные упоминания.

Ответ пришел сам собой: первые две группы были посланы лишь для отвода глаз, о них было известно все, вплоть до имен и задач, стоящих перед ними. Лишь на долю последней выпала честь вынести из Монсегюра самое дорогое для альбигойцев, их фетиш, их тайну, их Святыню. Предмет этот был невелик, его мог незаметно вынести и один «посвященный», остальные выступали лишь в качестве охраны, почетного эскорта.

Что касается многочисленных легенд о якобы бесценных сокровищах альбигойцев, то Ран понял – все это не более чем миф. Ведь именно катары-альбигойцы были противниками материального стяжательства, сторонниками духовных ценностей (и саму чашу Грааля они рассматривали, как исключительно духовный символ).

В течение недели Ран, закрывшись в своей палатке и запретивший входить в нее на протяжении нескольких часов в день кому бы то ни было, очень тщательно сопоставлял всю имеющуюся у него информацию, дабы решить точно, где стоит искать таинственную чашу.

Неделя пролетела незаметно. Ранним утром в понедельник Ран, видимо, очень довольный своими поисками, приказал создать небольшую группу – в пять человек – которой предстояло двинуться по только ему известному подземному ходу, в самую глубь горных лабиринтов.

Больше Ран не проронил ни слова (он вообще отличался молчаливостью). В 8 часов утра группа, ведомая Раном, ушла в свой путь. Остальные участники экспедиции занимались своим привычным делом. Все с нетерпением, которое возрастало с каждым часом, ждали возвращения коллег.

Группа вернулась лишь после полуночи, явно что-то «не клеилось» в поисках. Все молчаливо, не задав ни единого вопроса, разошлись спать. Только в палатке у Рана до самого рассвета тлела керосиновая лампа. Он что-то вновь сравнивал, читал, делал выписки и вычисления.

Е.Парнов считал, что Ран нашел семь мечей, один из них сломанный (надпись «INOOMINE» («In nomine omnipotentis in nomine» (анаграмма). – «Во имя всемогущего во имя»). Такое клеймо ставилось на мечах двенадцатого – тринадцатого веков. (Е.И.Парнов)) на рукоятке), шесть копий, пять кинжалов, кольчужные доспехи (Парнов Е.И. Александрийская гемма. М., 1990.).

Утром стало известно, что группой, согласно расчетам Рана, были обнаружены две замурованные пещеры. Кладку, закрывающую проход, удалось выбить быстро. Но в самих пещерах обнаружены лишь запасы оружия – мечи, наконечники для стрел, доспехи (вернее, все, что от них осталось). Расстроились все, кроме самого Рана. Скорее всего, содержимое пещер лишь подтверждало какую-то из его гипотез. День прошел в работе, а вечером в пещеры отправился... один лишь Ран, взявший с собой солидный запас продуктов, воды и спиртовку.

Ран вышел из пещер ровно через двое суток, совершенно обессиленный, но счастливый. Улыбка не сходила с его затянутого щетиной лица. Но опять полное молчание. Никто так и не узнал, нашел ли что-то Ран или нет.

Через два дня, в сопровождении трех сотрудников «Аненербе» Ран, неожиданно для всех, покидает Монсегюр, оставляя экспедицию на своего заместителя. Но без вдохновителя все работы постепенно сворачиваются, пропадает интерес к рутинному труду, не видно каких-либо позитивных результатов. Один за другим экспедицию покидают сотрудники, кто-то – уже уставший, кто-то – из-за обиды на Рана.

Последними ушли археологи, экспедиция закончилась раньше запланированного срока недели на две.

Ран так больше и не появился в Монсегюре, никто не знал: что он, и где он...

Немало зла я в жизни встретил,
Друзей отважных хоронил,
Стенал над сотнями могил,
Грааль страдать меня заставил!
Ах, я из-за него оставил
Страну, где королем я был,
Жену, которую любил, —
Прекраснейшую из прекрасных!
Живя во власти грез напрасных,
Я к ней стремлюсь и к ней хочу,
Но жребий несчастнейший свой влачу...
Однако никогда доселе
Я так к иной не рвался цели:
Хотя б на миг Грааль узреть!

Вольфрам фон Эшенбах

* * *

«И Заратустра говорил так к народу:

Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором.

Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя, некогда были вы обезьяной, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян.

Даже мудрейший среди вас есть только разлад и помесь растения и призрака. Но разве я велю вам стать призраком или растением?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке!

Сверхчеловек – смысл земли.

Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!

Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах!

Они отравители, все равно, знают ли они это или нет.

Они презирают жизнь, эти умирающие и сами себя отравившие, от которых устала земля: пусть же исчезнут они!

Прежде хула на Бога была величайшей хулой; но Бог умер, и вместе с ним умерли и эти хулители. Теперь хулить землю – самое ужасное преступление, так же как чтить сущность непостижимого выше, чем смысл земли!

Некогда смотрела душа на тело с презрением: и тогда не было ничего выше, чем это презрение, – она хотела видеть тело тощим, отвратительным и голодным. Так думала она бежать от тела и от земли.

О, эта душа сама была еще тощей, отвратительной и голодной; и жестокость была вождением этой души!

Но и теперь еще, братья мои, скажите мне: что говорит ваше тело о вашей душе? Разве ваша душа не есть бедность и грязь и жалкое довольство собою?

Поистине, человек – это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять в себя грязный поток и не сделаться нечистым.

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – это море, где может потонуть ваше великое презрение.

В чем то самое высокое, что можете вы пережить? Это – час великого презрения. Час, когда ваше счастье становится для вас отвратительным, так же как ваш разум и ваша добродетель.

Час, когда вы говорите: «В чем мое счастье! Оно – бедность и грязь и жалкое довольство собою. Мое счастье должно бы было оправдывать само существование!»

Час, когда вы говорите: «В чем мой разум! Добивается ли он знания, как лев своей пищи? Он – бедность и грязь и жалкое довольство собою!»

Час, когда вы говорите: «В чем моя добродетель! Она еще не заставила меня безумствовать. Как устал я от добра моего и от зла моего! Все это бедность и грязь и жалкое довольство собою!»

Час, когда вы говорите: «В чем моя справедливость! Я не вижу, чтобы был я пламенем и углем. А справедливый – это пламень и уголь!»

Час, когда вы говорите: «В чем моя жалость! Разве жалость – не крест, к которому пригвозждается каждый, кто любит людей? Но моя жалость не есть распятие».

Говорили ли вы уже так? Восклицали ли вы уже так? Ах, если бы я уже слышал вас так восклицающими!

Не ваш грех – ваше самодовольство вопиет к небу; ничтожество ваших грехов вопиет к небу!

Но где же та молния, что лизнет вас своим языком? Где то безумие, что надо бы привить вам?

Смотрите, я учу вас о сверхчеловеке: он – эта молния, он– это безумие!»

*** * ***

Экспедиция Отто Рана не была последней, еще долгие годы Монсегюр обхаживали археологи и спелеологи, искатели кладов и приключений:

«Несколько лет назад спелеологи увидели на одной из стен замка какие-то значки, насечки и непонятный чертеж. Они расшифровали его, то был план подземного хода...

«...В затхлом воздухе подземелья Монсегюр потянуло свежим воздухом. Подземный ход кончался. И вдруг факелы спелеологов осветили лежащие у покрытой плесенью стены два скелета. Рядом валялись алебарды, конические шлемы, пряжки от поясов. В позвоночнике одного скелета торчал наконечник стрелы, ребра другого пронзило копье...

Считается что альбигойцы спрятали свои свитки и реликвии в одном из окрестных гротов, а их больше 1000» (Вокруг света. 1967. № 8.).

*** * ***

Мигель Серрано (Серрано Мигель /Miguel Serrano/ (родился в 1913 году) – историк, писатель, искатель приключений, «человек мира», основатель так называемой теории «эзотерического гитлеризма». Родился и вырос в Чили, образование получил во Франции и Испании. С 1939-го по 1945 год являлся редактором журнала «La Nueva Edad», на страницах которого публиковал результаты своих исследований в области археологии и этнографии. В 1947—1948 годах путешествовал по Антарктике, его именем названа одна из гор ледяного материка. В 1953—1962 годах – посол в Индии. Серрано был знаком со многими индийскими йогами, а также лично знал Джавахарлала Неру, Индиру Ганди и Далай-ламу (став единственным иностранцем, которого Далай-лама принял в Гималаях, где укрывался после побега из Китайского Тибета). В 1962—1964 годах – посол в Югославии, аккредитованным одновременно в Румынии и Болгарии.; посол в Австрии и одновременно посол при МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) и ЮНИДО (Агентство ООН по промышленному развитию) в Вене в 1964—1970 годах. Принадлежал к «Герметическому кругу», основанному Юнгом, который написал предисловие к книге Серрано «Визиты Царицы Савской». Знал Германа Гессе, в чьем доме в итальянской Швейцарии, в доме Камуцци, прожил десять лет, оставив дипломатическую работу ради продолжения исследовательской и писательской деятельности. Искал таинственные и заколдованные города Шамбала и Аггарта в Гималаях, Город Цезарей в Андах. Предлагал известной немецкой летчице Анне Рейч совершить полет на Южный Полюс, чтобы проникнуть через него в «Новый Берлин». Книги Серрано переведены на многие языки мира.):

Грааль был унаследован катарами от визиготов Лангедока. Катары не смогли расшифровать рунические надписи, вырезанные на чаше. В ходе последней экспедиции Отто Ран нашел Грааль в пещерах Сабарте, спецы из СС расшифровали записи, отсюда и создание летающей тарелки (блюдца) ovni Гитлера.

Жан Мари Анжебер об экспедиции 1937 года: поиски Грааля Раном увенчались успехом, он был вывезен в Германию, а позднее эвакуирован на секретную базу на одном из альпийских ледников, который должен был растаять в 1992 году.

Если ледник и действительно растаял в начале 1990-х годов, то, скорее всего, тайника Рана там обнаружено не было.

А если смотреть реально на вещи, то где же могли храниться таинственные находки Рана?

Как считают современные исследователи, «эсэсовцы нуждались в собственном Камелоте».

«Уже в 1932 году, за год до прихода к власти, – говорил генерал СС Карл Вольф (Вольф (Wolf) Карл Фридрих Отто (13.5.1900, Дармштадт – 15.7.1984, Позенхейм) – один из высших офицеров СС, оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС (20.4.1945).) („прозрачные, чуть ли не белые глаза, быстрая улыбка, сухой рот...“), – Гиммлер сообщил нам, группе наиболее приближенных к нему старших чинов, что он стремится создать из СС не только элитные гвардейские части, но и орден рыцарей – тип новой аристократии на „крови и земле“.

Только одна вещь вызывала беспокойство: эта новая аристократия должна была иметь свой замок».

Поэтому Вольф, Виллигут и Гиммлер начали искать его в год прихода к власти нацистов. Именно благодаря «уходящим в древность знаниям» Виллигута такой средневековый замок – Вевельсбург, – был найден Гиммлером в кратчайшие сроки. Этот замок должен был стать Камелотом СС.

Перестроить Вевельсбург планировалось к 1960 году, но история не дала нацистам такой возможности.

Французский ученый Жан-Мишель Анжебер в книге «Гитлер и традиции катаров» пишет, что драгоценный сосуд (то есть Грааль) переправили в охраняемый целой дивизией СС замок Вевельсбург, где чашу установили на мраморный пьедестал. В 1945 году, перед капитуляцией Германии, чаша якобы пропала из замка (Евтеев А. СС в поисках Атлантиды // Интересная газета (Электронная версия – www.soznanie.org)). К этой версии мы еще вернемся.

Но Гиммлер и его «братья» лелеяли и более обширную мечту, так писали Повесть и Бержье, мир должен был получить как образец суверенное государство СС. «На мировой конференции, – говорил Гиммлер в марте 1943 года, – мир узнает о воскрешении древней Бургундии. Эта страна, бывшая когда-то землей наук и искусств, была сведена Францией до уровня заспиртованного придатка. Суверенное государство Бургундия, со своей армией, законами, монетой, почтой, станет образцовым государством СС. В нее войдут Романская Швейцария, Шампань, Фран-Конте, Эно и Люксембург. Официальным языком будет, разумеется, немецкий. Править будет только СС, национал-социалистическая партия не будет иметь в Бургундии никакой власти. Мир будет потрясен и восхищен государством, где будут применены наши концепции» (Повесть Л., Бержье Ж. Утро магов. Киев, 1994.).

*** * ***

Известно, что в конце 1937 года Отто Ран потерял покровительство со стороны высших чинов СС и высших руководителей нацистской партии и по неизвестным причинам откомандирован для прохождения службы в концентрационный лагерь Дахау, охрану которого несли части СС. Такая служба была явно не для него.

Зимой 1938—1939 годов он написал рапорт рейхсфюреру СС с просьбой об увольнении из СС. Коротко и ясно.

Гиммлер ответил одной фразой: «Я не могу Вас больше покрывать!»

Вообще известно очень мало случаев исключения из СС, за подобным следовал арест и казнь (за редким исключением), Рану повезло, пули в затылок он не получил.

Ходит много слухов о причинах выхода Отто Рана из СС. Люди в черной эсэсовской форме из ведомства Г.Мюллера утверждали, что он был гомосексуалистом (уголовное преступление), что среди его предков были евреи (политическое преступление), но никаких доказательств в обоснование этих обвинений не приводили. (Все эти обвинения – надуманы, всех вступавших в СС проверяли на предмет расовой чистоты многократно, и если бы что-то обнаружили, путь в черные шеренги Рану был бы закрыт навсегда.

Дело в другом, Ран, даже будучи на службе в СС и «Аненербе» оставался независимым в своих суждениях и действиях исследователем. Аналитический ум ученого позволил ему быстро разобраться в том, что есть что и кто есть кто, чем грозит ему и Германии нацизм. Ран не скрывал своих раздумий и опасений, что, естественно, не могло не спровоцировать ответной реакции.

В одном из частных писем Ран утверждал, что его предали и что его жизнь в опасности. Он открыто выражал свои критические сомнения о Третьем Рейхе и своей участи:

«Я опечален тем, как идут дела в моей стране. Меня пугает моя страна. Две недели назад я был в Мюнхене. Через два дня я предпочел отправиться в свои горы. Терпимому, либеральному человеку, как я, невозможно жить в такой стране, какой стала моя родина».

Был ли Ран либералом? Вопрос... Да, образ жизни, интеллект накладывают определенный отпечаток на мировоззрение, видимо, Ран был не прочь мимикрировать (то есть приспособливаться) к окружающей среде, которую он с трудом переносил. (То есть жил по своим правилам, но был вынужден играть на людях по правилам, ему навязанным. Рано или поздно подобное противоречие должно было привести к катастрофе.)

И далее еще одна удивительная фраза из письма:

«Главное требование – лишить себя жизни не от отчаяния, страха или боли, а лишь для того, чтобы окончательно избавиться от материальной оболочки».

Последнее предложение – прямо по-катарски, отказ от вещественного, посвящение себя служению духовному. Даже – ценой собственной жизни.

Всего тридцать пять лет, столько было предопределено Отто Рану судьбой. В отличие от большинства своих коллег по «Аненербе» он действительно занимался наукой, о том свидетельствуют – две его удивительные книги. Да, поиск Чаши Грааля больше напоминал приключенческий роман. Но наука без таких авантюристических прожилок превратилась бы в скучное времяпрепровождение. Ран же принадлежал к тому небольшому кругу ученых, которые видели в своих исследованиях в первую очередь возможность приложить знания о прошлом в объективное изучение настоящего и будущего, возможность совместить полезное с приятным, заинтересовать своими поисками окружающих читателей, учеников и просто обывателей.

И Рану это удавалось. Его книги издавали, переиздавали, переводили и переводят и, что самое главное, читают – до сих пор...

*** * ***

Полковник Говард Бюхнер, автор книги «Изумрудная чаша», пишет: «Не секрет, что Ран был против войны, к которой Германия открыто готовилась в 1938 году.

Вместо войны, считал он, Германия, а затем Европа должны быть преобразованы в сообщество «чистых», или катаров. Другими словами, многолетняя связь Рана с историей катаров и их несправедливым преследованием со стороны церкви и короля Франции привела к его переходу в веру катаров. Он также выступал за «новый порядок», при котором государства Европы и, может быть, все другие страны приняли веру катаров в интересах

всеобщего мира» (Отто Ран и поиски Святого Грааля (Электронная версия – <http://fantasy.red.ru/religion/ra/otto>)).

Может быть и так, но Ран не был уж такой крупной фигурой, изменение взглядов которой могло коренным образом повлиять на внутреннюю или внешнюю политику нацистского государства. Вполне вероятно, что Ран был сторонником пацифистских идей. Но людей с подобными взглядами в Германии было достаточно много, особенно (как это ни странно) среди офицеров вермахта. Однако никто не применял против них какие-либо репрессии.

Дело в другом, он действительно что-то нашел во время экспедиции 1937 года. Это «что-то» и стоило ему жизни. Гиммлер решил так: чем меньше людей знают о находке, тем лучше. Это касалось и самого Рана, который в полном объеме справился с возложенной на него миссией. («Мавр сделал свое дело...», – любил повторять рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.)

13 марта 1939 года – почти в годовщину падения Монсегиора – Отто Ран погиб в снегах Тирольских гор (В одной из книг Е.И. Парнова, пожалуй единственного автора, кто в советские времена хоть что-то писал о Ране, находим: «Только после Второй мировой войны журналист Сен-Лоу, автор нашумевшей брошюры „Новые катары Монсегиора“, попытался навести справки насчет судьбы Рана у властей ФРГ и получил любопытный ответ: – Согласно документации СС, Ран покончил жизнь самоубийством, приняв цианистый калий на горе Куфштайн. (Правильно – Кауфштайн. – В.Т.) – Причина? – задал еще один вопрос настойчивый Сен-Лоу. – На политико-мистической почве, – процитировал, скорее всего сам того не подозревая, эсэсовский диагноз чиновник юстиции». (См.: Парнов Е.И. Трон Люцифера: Критические очерки магии и оккультизма. М., 1985.)).

«Многие умирают слишком поздно, а некоторые – слишком рано. Еще странно звучит учение: „умри вовремя!“

Умри вовремя – так учит Заратустра».

Но все непроходимей лес,
И след меж зарослей исчез, —
Внезапно как бы оборвался...
Так до Грааля не добрался
Герой наш и на этот раз.

Вольфрам фон Эшенбах

Ран умер вовремя, меньше чем через полгода началась Вторая мировая война, многие из тех, кто совсем недавно (под знаменем «Аненербе») занимался историей, археологией или вел экспедиции в далеком от Европы Тибете, оказались, как по команде, не в милости у рейхсфюрера, который сплавлял вчерашних фаворитов в действующую армию. Оттуда возвращались совсем другие люди, сломленные и боязливые, желающие лишь одного – спасти свою жизнь.

«Повезло» лишь Виллигуту, благодаря своим годам он не попал на фронт, но оказался изгнанным и из «Аненербе», и из СС. Остаток жизни он провел, скитаясь по частным гостиницам и больницам.

На смену Виллигуту, Рану приходили иные – беспринципные, угодливые, но...

* * *

Статей и книг, посвященных судьбе и деятельности Отто Рана, на русском языке мы не обнаружили. Но интернет нашел место для размещения хоть какой-то информации об этом неординарном исследователе:

«Наподобие еретиков-катаров, – пишет историк и археолог, публицист и журналист Найджел Пенник, – Ран добровольно оставил мир, который распадался у него на глазах». За несколько лет до этого Отто Ран писал в своей книге «Крестовый поход против Святого Грааля»:

«Их учение разрешало самоубийство, но утверждало, что человек может положить конец своей жизни не из-за отвращения, страха или боли, а только с целью полного освобождения от материи. Endura (укрепление, запавание до смерти) разрешалась, когда она имела место в момент мистического видения божественной красоты и доброты. От поста до самоубийства всего один шаг. Пост требует мужества, но заключительный акт тотальной аскезы требует героизма. Последствия его не такие жесткие, как может показаться». История загадочной жизни и трудов Отто Рана, символизирующая Великую Тайну, всегда будет притягивать к себе исследователей Святого Грааля и традиций катаров. Проблеск этой Тайны можно уловить в следующей цитате из «Книги о Воскресении»

Мигель Серрано:

«Когда мы говорим о религии любви трубадуров, о посвященных рыцарях Грааля, об истинных розенкрейцерах, мы должны попытаться открыть, что скрывается за их языком. В те времена под словом любовь понималось не то, что мы имеем в виду сегодня. Слова „любовь“ (Amor) было шифром, это было кодовое слово. „Amor“, если читать справа налево, это Roma (Рим). То есть это слово означало, в том виде, как оно было написано, противоположность Риму, всему, что воплощал Рим. Кроме того, „Amor“ можно разделить на две части: A-mor („без-смерти“), что означает возможность бессмертия, вечной жизни благодаря инициации в A-Mor. Инициации, прямо противоположной ценностям Рима. Это эзотерическое, солярное Кристианство. Гностическое Кристианство Майстера Экхарта. И мое тоже. Потому что я пытался научить Западного Человека воскресить Христа в своей душе. Потому что Христос – это „Я“ для западного человека. Вот почему Рим (Roma) разрушил Любовь (Amor), катаров, тамплиеров, хранителей Грааля, миннезингеров (менестрелей) – все, что могло возникнуть в „Гиперборейской Памяти Крови“ и что могло иметь полярные, солярные истоки. Любовь, о которой так много говорится и пишется в романах, стихах и журналах, любовь к ближнему, вселенская любовь религиозных конфессий, любовь к человечеству – не имеет ничего общего с „любовью без любви“ (A-mor, „без-смерти“), которая является суровым учением, холодным, как лед, острым, как меч, и которое направлено на то, чтобы преодолеть человеческое-слишком-человеческое состояние, чтобы достичь Царства Бессмертных, Ультима Туле» (Отто Ран и поиски Святого Грааля (Электронная версия – <http://fantasy.red.ru/religion/ra/otto>)).

Николас Гудрик-Кларк:

«Портрет Отто Рана – вполне типичный портрет европейского романтического писателя, путешественника и историка. Среди его напыщенных и пасторальных текстов есть вполне живые описания летней деревни в Гессене, холмов Южного Тироля, скалистых твердынь Монсегиора, маленькой деревни, где он провел снежную зиму, уединения и монотонности Исландии. Хотя сосредоточенность Рана и научный склад ума отличали его от эксцентричных оккультистов, существовало и известное сходство интересов и мотивов между ними. Их общей почвой был поиск утраченной немецкой традиции, предположительно уничтоженной католической церковью и другими враждебными силами» (Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. Б.м., б.г.; См., также: Власть магических культов в нацистской Германии. М., 1992.).

Джоселин Годвин считает, что «создание мифологического комплекса, который связывает катаров и Монсегиор со Святым Граалем и его Замком, является в значительной степени заслугой Рана».

Норма Лорр Гудрич подчеркивает свое убеждение в том, что книга Рана «Крестовый поход против Грааля» – «замечательная книга, памятник этому немецкому автору-идеалисту, загадочно погибшему в Альпах при спуске с гор» (Отто Ран и поиски Святого Грааля.^[6] (Какие уж здесь загадки? все ясно, до предела!))

Французские исследователи, для которых его книги стали настоящим открытием, писали:

Отто Ран уверовал в то, что катары были последними хранителями чаши Святого Грааля и что Святой Грааль «пропал», когда они погибли от рук «Папы и короля Франции» в начале тринадцатого века. Война Римской католической церкви против катаров описывается разными авторами как война, в которой друг другу противостояли Рим (Roma) и Любовь (Amor), и в которой католическая (вульгарная) идея огнем и мечом утвердила свое господство над катарической («чистой») идеей. Средневековые катары верили в существование вечной войны между принципами Света и Тьмы, на взаимодействии и столкновениях которых основывается все во вселенной. Тьма для них была темным веществом, несовершенной, преходящей сущью. Они считали всех церковных и светских правителей, и прежде всего католическую церковь, воплощением Тьмы. В их мифологии солнце символизировало изначальный Свет, из которого произошло все живое.

Мигель Серрано называл их доктрину «Соляренное христианство». А для Отто Рана Монсегюр был «маяком катаризма» (Отто Ран и поиски Святого Грааля^[7]).

«На Монсегюре, – подчеркивает Найджел Пенник, – в 1244 году еретики-катары держали свой последний героический бой против католиков-крестоносцев, которые в конце концов одержали над ними победу. Предание гласит, что в ночь перед последней атакой три катара незамеченными спустились по стене, унося с собой священные реликвии своей веры. Они унесли волшебные регалии меровингского короля Дагоберта Второго и кубок, предположительно Святой Грааль.

Обладание Граалем всегда было мечтой рыцарских орденов. Рыцари круглого стола короля Артура, тамплиеры, даже тевтонские рыцари искали мистический сосуд. Но Отто Ран полагал, что смог преуспеть там, где столетия поисков потерпели неудачу».

Не знаю, я права иль нет,
Но, может быть, ты сыщешь след,
В заветный Мунсальвеш ведущий,
Здесь, среди темной нашей пуши.

Вольфрам фон Эшенбах

Как предполагает Найджел Пенник, принципы «сакральной географии», знакомые Рану, также могут быть обнаружены у друидов и тамплиеров. Считается, что катары также обладали знаниями такого рода.

Легенда о Святом Граале, как объясняет Мигель Серрано, «вновь появляется в средние века в сильно переработанной христианской интерпретации. Ее распространителями выступают тамплиеры. Она основывается на легенде о дворе Короля Артура (который является Королем Святого Грааля и также носит имя Амфортас). Интересно отметить, что Артур – это Arthos, Медведь, то есть Арктический. Таким образом указывается точное географическое местоположение потерянного континента первого солнечного века: Гиперборея, местонахождение Святого Грааля.

В средние века, когда этот миф подвергся христианской обработке, Грааль становится чашей, из которой, по преданию, Христос пил во время Тайной Вечери, либо в которую Иосиф из Аримафеи собрал кровь Христа, вытекавшую из его бока, когда Он висел на кресте» (Неизвестная планета (Электронная версия – [http:// www.neplaneta. ru / phorum / read. /](http://www.neplaneta.ru/phorum/read/))).

Родословную катаров, которые хранили Святой Грааль в своем замке на горе Монсежюр, как считал Отто Ран, можно проследить вплоть до друидов, перешедших в манихеизм. Друиды в Британии были предшественниками Кельтской Христианской церкви. Он видел в культуре Лангедока, средневекового оплота катаров, сильное сходство с культурой друидов. Их священники были сродни Parfaits («совершенным», проповедникам, пастырям) катаров. Позднее тайные познания катаров сохранялись трубадурами – бродячими поэтами и певцами средневековых дворов Франции.

Большинство трубадуров, как считал Ран, были тайными катарами. Их песни, на первый взгляд полные тоски и неразделенной любви, но лишь изредка посвященные какой-либо конкретной женщине, их женская символика относились к сообществу катаров, к Софии, Мудрости Гностиков (Неизвестная планета^[8]).

Юлиус Эвола поясняет в книге «Мистерия Грааля»:

«Чтобы сделать эту доктрину недоступной для непосвященного, она была закутана в эротический символизм, наподобие цикла о Граале, где она представлена героическим символизмом» (Неизвестная планета). Тревор Равенскрофт, Жан-Мишель Анжабер и Жак Мадоль создавали свои труды, находясь под полным влиянием личности Отто Рана, его исследований и их результатов. Они спорят между собой, с ними дискутируют любознательные читатели, их переводят на многие языки. Так или иначе они популяризируют идеи Рана, не успевшего сказать все, что он мог и хотел.

Отечественный публицист Григорий Бондаренко, откликаясь на первую публикацию в современной России книги Жака Мадоль «Альбигойская драма и судьбы Франции» (Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000.), писал, в частности:

«Южная Франция, Лангедок всегда притягивали пытливые умы своим своеобразием и гордой приверженностью ко всевозможным заманчивым ересям: то там в горах попрятались друиды и митраисты, то приплывают с востока „сюрреалистические“ манихеи, проповедуют альбигойцы, гугеноты и, наконец, промелькнет насмешкой над южными свободами правительство Виши... Впрочем, тому, что Мадоль пишет о друидическом культе на Пиренеях в средние века, позвольте не поверить. Вообще интересна тенденция эдак обиняками возводить все европейские секты и тайные общества к неведомым друидам из дремучего примордиального леса. Тенденция на первый взгляд дикая и галломанская, но и здесь не все так просто. Вот, например, в 1022 году в Орлеане первые катары („чистые“, их же потом будут называть альбигойцами) Герберт и Лизой говорили:

«Земля и небо существовали предвечно, никто не сотворил их. Благодетельный Бог не мог быть творцом порочного».

Порочен, по мнению катаров, весь тварный мир. Подобным же образом катары не верили в конец света. Все эти представления соответствуют доктрине друидов, отрицавших как творение, так и эсхатологию, что известно еще из «Географии» Страбона. Здесь даже неинтересно, заимствовали или нет катары элементы своей доктрины у древних галльских жрецов. Примечательно же то, что доктрина этих лангедокских еретиков явно отличается от христианской в объяснении основ мироздания, не говоря уже о катарском дуализме, вере в переселение душ, презрении к плоти и отрицании Воплощения и Воскресения Спасителя. Как раз в вопросе о катарской доктрине я не могу согласиться с Мадолем, который, будучи в первую очередь историком-популяризатором, а не религиоведом или философом, считает катаров добрыми христианами. Дескать, «и ритуалы у них похожи на ранние христианские»!

Жак Мадоль, автор этой ни к чему не обязывающей популярной книги, к сожалению, стоит в ряду тех французских историков, на которых действительно повлияло обаяние «безвинных жертв Монсежюра». Ну конечно, инквизиция отвратительна, а жертвы ее невинновны и благородны! Это мы все знаем еще из «Имени розы» (кто из книжки, а кто из

фильма). Не хватает только мудрого Вильяма Баскервильского..., чтобы он вынес из пламени Монсегиора/Монсальвата тайные скрижали катаров и бонус – Грааль.

Все гораздо сложнее. Наверное, в любую эпоху во многом знании – много печали. Оттого-то так печальна судьба разнообразных гностиков, презревших мир. /.../ Не вызывает доверия и утверждение Мадоля, что связь альбигойцев с манихеями и богомилами еще никто не доказал и доказать не сможет. Можно было бы просто вспомнить, что еще в XI веке катары верили, что Святой Дух передается только через Мани, посланца Бога, а яркий камень mani уничтожает мирские желания.

/.../ Относительно же аскетической морали катаров, воспеваемой Мадолем, я могу привести один лишь политически некорректный пример. Английское слово bugger, «гомосексуалист», происходит от этнонима «болгарин», причем имелась в виду вполне определенная разновидность болгар – богомилы. Чего же можно ожидать от западных катаров, подчиняющихся своим восточным епископам?

No comments.

/.../ Среди катаров действительно были убежденные аскеты, евшие только «светлые овощи» – дыни, тыквы, огурцы – подобно древним манихеям или морившие себя голодом во время обряда endura. Только подобные умерщвления плоти без должного духовного содержания, как показывает практика, зачастую оборачиваются плотскими же излишествами. Не в наших силах развенчать миф об альбигойцах или затмить их харизму, да я и не ставил здесь себе такой цели. Но все-таки хочется посоветовать искателям приключений, реальных и виртуальных: не ищите Грааль в окрестностях Монсегиора, не тратьте время зря!» (Независимая газета. 2000. 22 июня.)

Да простит меня читатель за столь длинные цитаты и повторения уже сказанного. Мне хотелось лишь показать, насколько это возможно при скудости информации, как широко и неоднозначно оценивались (и оцениваются сегодня) взгляды самого Отто Рана и его немногочисленных последователей.

На наш взгляд, сколько исследователей, столько и мнений. И каждое имеет право на существование, даже те, которые напоминают скорее насмешку над серьезными попытками рассмотреть волнующий не одно поколение историков и археологов тему, чем скрупулезную оценку исследовательского подхода.

Через отшельника до Парцифалья
Дошла священная тайна Грааля...
...И если кто меня бранил,
Зачем столь долго я хранил
Историю Грааля под секретом,
Пусть знает, что своим запретом
Связал меня великий мастер Киот,
Сказав, что он один найдет
Место, где он обо всем расскажет,
Когда ему Авентюра прикажет...

Вольфрам фон Эшенбах

* * *

Данные о том, что Отто Ран на самом деле нашел Святой Грааль и что последний хранился до самого конца Второй мировой войны в замке СС в Вевельсбурге, не всем кажутся убедительными. Например, Рене Нелли и Юлиус Эвола считают, что в Вевельсбурге действительно был «Грааль», но это был всего лишь огромный кусок горного хрусталя

(совсем как у В.фон Эшенбаха), так как Священная чаша не упоминается ни в одном из известных текстов катаров (Неизвестная планета (Электронная версия – [http:// www.neplaneta.ru / phorum / read. /](http://www.neplaneta.ru/phorum/read/)).

Но Рене Нелли и Юлиус Эвола забывали, что текстов катаров не сохранилось вообще, до нас дошли только свидетельства их потомков.

И силы неба охраняли

От некрещеных суть Грааля...

Языччник увидеть Грааль не может...

(Впрочем, нас это не тревожит...)

Вольфрам фон Эшенбах

Что творилось в Вевельсбурге после 1945 года, сказать невозможно, так же как невозможно ответить на вопрос о том, сохранились ли какие-нибудь описи имущества, хранившегося в этом незадачливом «Камелоте» СС.

*** * ***

Еще одна версия.

Святой Грааль привезли в «Орлиное гнездо» Гитлера в Бергхофе. Но дни «Третьего Рейха» уже были сочтены и надписи просто не успели дешифровать.

И вот однажды на Граале

Мы чудо-надпись увидели

...

Пред камнем на колени павши,

Могу сказать, дыша едва,

Пытались вникнуть мы в слова,

Что друг за другом проступали

На избавительном Граале...

Вольфрам фон Эшенбах

Несмотря на поражение в войне, несмотря на то, что уже ничего нельзя было сделать, сотрудники «Аненербе» спрятали чашу и все материалы по дешифровке. В день, когда капитулировал берлинский гарнизон, группа офицеров СС заблокировала дорогу Инсбрук – Зальцбург, чтобы обеспечить проход колонны грузовиков, шедшей из Бергхофа. Однако обошлось без стрельбы, противник был достаточно далеко.

Колонна шла на большой скорости, нигде не делая остановок. Прибыв к подножию Целлертальского горного массива, группа «Аненербе» совершила факельную церемонию, взяла тяжелый ящик (бронзовый?) и направилась по тропе, ведущей к леднику Шлейгейс, у подножия горы Хохфейлер.

Они вошли в пещеру на леднике и больше их никто не видел. Как известно, подземный ход вел от пещеры Шлейгейс к Монсегюру. Судя по всему последние аненербовцы решили спрятать Грааль в Монсегюре, в той самой пещере, откуда ее извлек Отто Ран. Местные жители слышали приглушенные взрывы, раздающиеся со стороны пещер, но не придали им большого значения (война приучила не реагировать на взрывы или стрельбу). Лишь несколько дней спустя выяснилось, что взрывами неизвестные лица стремились засыпать ряд ходов, ведущих в глубь пещер Монсегюра (См.: [http:// www.magistar.org / magie / gdm.2.html](http://www.magistar.org/magie/gdm.2.html)).

Получается, правы те, кто считает, что Грааль не принадлежит человеческому миру, но и божественным даром его признать нельзя (См.: Махов А.Е. «Рассказ о верности пойдет...».

Вольфрам фон Эшенбах и его роман // Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль. М., 2004. С. 18.). Еще Эшенбах говорил о неких «нейтральных ангелах», которые не примкнули ни к Богу, ни к Люциферу, оставаясь в стороне от столкновений добра и зла.

Именно «нейтральным ангелам», по словам Эшенбаха, принадлежал Грааль до того, как попасть в Монсегиор. Именно им и вернули сокровища в конце последней Мировой битвы, дабы он опять не попал в руки ни Бога, ни дьявола.

* * *

Известно об экспедиции, отправленной «Аненербе» в Палестину в 1938 году, на поиски Священного Грааля и там, среди песков и гор. (Есть данные о трех участниках – некто Отто Кранц (В романе Е.И. Парнова «Александрийская гемма» (М., 1990) тоже фигурирует Кранц. Не знаю, может, совпадение.), Генрих Кляйн и Рихард Берг, все они – сотрудники «Аненербе», выпускники германских университетов, специалисты-археологи. Все – члены СС, и, несмотря на свою молодость, успевшие отслужить в армии.)

Опасности искателей Чаши здесь – в Палестине – подстерегали на каждом шагу: англичане, имевшие мандат на эту территорию, воинственные арабы, грабившие караваны, не менее решительно настроенные еврейские поселенцы, защищавшие свои дома и от арабов и от англичан. (Добавим к этому и различные религиозные объединения, имеющие свои вооруженные формирования, перед которыми стояла задача защиты миссий от агрессивного местного населения.)

Группа Кранца провела в Палестине более трех месяцев, удачно сочетая (в первую очередь для своей жизни) археологические поиски с отражением отрядов вооруженных аборигенов.

Экспедиция прошла не одну сотню километров, облизав все встречавшиеся на ее пути пещеры, оазисы, развалины старинных замков. Кранц очень рассчитывал на помощь местного населения (с которым он не хотел разговаривать только с помощью винтовки или револьвера). Но арабы встречали путешественников угрюмо (неверных боялись и ненавидели, какие уж там беседы). Еврейское население, если слова Кранца звучали убедительно, не бралось за оружие, а, внимательно выслушав археологов, только пожимало плечами: «Мы ничего не знаем, мы трудимся от зари до захода солнца, и на что-то другое у нас просто нет времени». (К слову, Кранц скрывал, что экспедиция – немецкая, он говорил на чистом английском, выдавая себя противником колониальной политики британской короны.)

Сохранившиеся страницы дневника Кранца (на английском языке) пестрят жалобами на арабов, евреев и англичан (последние еще и явно шпионили за экспедицией, всеми средствами вынуждая археологов повернуть назад).

Путь экспедиции был отмечен могилами, умирали от пуль, от укусов ядовитых тварей, случались и случаи самоубийства, не выдерживали нервы. Так, вскрыл себе вены Генрих Кляйн, которому накануне исполнилось тридцать пять.

Совершив «кружок» по Палестине, экспедиция вернулась в Яффу, здесь она должна была сесть на корабль, идущий в Европу. И здесь же, в Яффе, дня за два до отплытия Кранц завязал знакомство с удивительным человеком, который сам вышел на него. Кранц и незнакомец (назвал себя Якобсоном) трижды встречались в маленьких портовых кафе. Они вели разговор (в полголоса) о Чаше, тема, как оказалась, близкая и господину Якобсону. Он показал Кранцу рукописи, которые перешли к нему от отца, пожелтевшие карты, две-три книги. Все это, конечно, заинтересовало Кранца, но ответа на вопрос – где искать – он так и не получил.

Зато Якобсон получил то, что искал – информацию о Кранце и его экспедиции. Якобсон был не кто иной, как сотрудник советских спецслужб Лев Штивельман, осевший в Палестине еще в конце 1929 году.

Кранц оставил о своей экспедиции подробный отчет. Но, увы, он не сохранился. Правда, очень короткие выдержки приводят западные исследователи. Насколько они соответствуют источнику?

Попробуем обобщить то, что нам попало в исследовательской литературе.

В своем отчете Кранц отмечал, что, продвигаясь по Палестине, он распускал слухи, согласно которым его группа – это всего лишь авангард большого отряда исследователей, который пройдет тем же путем несколько месяцев спустя. И любое противодействие, оказанное группе Кранца будет иметь далеко идущие последствия. «Так, запугивая местное население, – подытоживал Кранц, – удавалось пройти опасные участки без жертв, без перестрелок и не ожидать подлого удара в спину».

Кранц однозначно считал – цель экспедиции не достигнута (если не считать того огромного корпуса исправлений, что были внесены в топографические карты).

Все находки Кранца (не удалось установить, что именно) уместились в трех ящиках, их перевозили на верблюдах. Один ящик (вместе с верблюдом) украл проводник из местных. Кранц приказал Бергу организовать погоню. Берг вернулся через три часа, усталый и злой, ловить проводника в этих местах все равно, что пытаться удержать ящерицу, поймав ее за хвост: все равно вырвется.

Кранц подводил итог: экспедиция была подготовлена из рук вон плохо. Несмотря на то, что финансов на экспедицию не жалели, расходы себя не оправдывали, так как шли не на те «статьи». Вместо того чтобы бросить средства на ублажение местного населения и подкуп английских чиновников, большая часть денег ушла на оплату билетов (самых дорогих кают) – из Килья до Яффы и обратно, а также на закупку снаряжения. Что касается первого пункта, то Кранц высказал свое мнение прямолинейно:

– Доехали бы и в менее комфортабельных условиях.

Второй пункт – закупки – не требовали даже объяснения, все можно было, и гораздо дешевле, купить на месте.

Кранц с горечью писал о сложившемся у него впечатлении – об экспедиции забыли сразу после того, как судно с его участниками покинуло Киль.

Это все, что удалось выудить из коротеньких цитат, извлеченных рядом авторов из доклада Кранца.

Информации до обидного мало, совсем чуть-чуть. Я попытался «наскрести» хоть что-то еще в германской печати: «Национал-социалистише монатшефте», «Иллюстриртер беобахтер», «Вестдойчер беобахтер». Думалось, что хоть «Фелькишер беобахтер» («Фёлькишер беобахтер» («Volkischer Beobachter»)) – ежедневная газета, официальный орган национал-социалистической рабочей партии Германии. Основана в 1919 году на базе выходившей до Первой мировой войны еженедельной газеты националистического толка «Мюнхенер беобахтер». Вначале выходила два раза в неделю под патронажем Туле общества, в конце 1920 года была перекуплена руководителями Немецкой рабочей партии Д. Эккартом и Э. Ремом, в 1921 году издание попало под полный контроль А. Гитлера. С февраля 1923 года газета стала ежедневной, ее возглавил А. Розенберг. После провала «Пивного путча» 1923 года газета, как и нацистская партия, была запрещена властями Баварии, однако выходила нелегально, продолжая критиковать политику Веймарской республики и поддерживая арестованных нацистов, в том числе и Гитлера, рекламируя его ораторские способности. Издание поддерживали финансовые круги, делавшие ставку на нацистов и опасавшиеся прихода к власти левых партий и группировок. Выпуск газеты был возобновлен в феврале 1925 года, и номера выходили вплоть до мая 1945 года. «Фелькишер

беобахтер» отражала на своих страницах внешнюю и внутреннюю политику национал-социалистической партии, подвергая критике всех инакомыслящих и оппозиционно настроенных. Получая огромные государственные субсидии, газета мало зависела от количества подписчиков и спроса на публикуемые материалы, хотя членов партии на газету подписываться обязывали. (См.: Энциклопедия Третьего Рейха. М., 2003.) должна помочь.

Увы, ничего.

Даже Кранц нигде не упоминается (впрочем, как, например, исследователь антарктических льдов Альфред Ричер).

Тогда я собрал всю солидную эмигрантскую прессу за это время (три месяца экспедиции и три – после). В 1938 году русских эмигрантских газет и журналов выходила немного, но те, что еще существовали, стремились отразить на своих страницах любые мало-мальски интересные события. А уж тем более – такую рискованную экспедицию пропустить не могли.

Просмотрел парижские «Последние новости», «Возрождение», «Иллюстрированную Россию», нью-йоркское «Новое русское слово», потом – какие-то бледноватые канадские листки, рижскую «Сегодня»...

Ничего...

Пусто...

Тишина мертвая...

Кранца и его коллег как будто не существовало, как будто они все пропали без следа.

Безрезультатным оказался запрос и в бывший особый архив КГБ СССР, где хранились изъятые на территории Германии в 1945 году многочисленные свидетельства о Третьем Рейхе. В именном каталоге фамилии «Кранц» не обнаружено.

Где еще искать?

В литературе (русскоязычной, англоязычной), вышедшей и выходящей в Израиле (то есть в бывшей Палестине)

Искал, где смог. Пока – ничего.

«Аненербе» умело хранить свои тайны, даже после ее ликвидации.

По следам профессора Рана

«Гитлер и Священный Грааль древних рыцарей-храмовников, воспетый Эшенбахом в XII веке?

Параллель выглядит неуместной»

Л.П. Замойский

После смерти Отто Рана зону раскопок в Монсегюре объявили запретной. Так продолжалось до весны 1944 года, когда здесь снова появились археологи из «Аненербе».

Весной 1944-го вся нацистская верхушка была обеспокоена ситуацией, сложившейся на фронтах. И хотя до открытия «второго фронта» (на севере Франции) было еще далеко, стало очевидным, что противник обкладывает нацистскую Германию со всех сторон: с востока рвались русские, с юга-востока поджимали фанатичные славяне из Югославии (чья партизанская армия насчитывала уже почти миллион штыков), с юга (Африканское побережье и Италия) давили англичане, с севера били все те же британцы в тандеме с янки («летающие крепости» не давали покоя немецким городам).

Учитывая эту непростую ситуацию, германские вожди – от Гитлера до самого низшего звена – стремились найти собственный путь спасения нации и государства. И в этом деле все способы были хороши.

Рейхсфюрер СС Г.Гиммлер вновь предложил обратить взор к мистике, к традициям предков. Гитлер не возражал. И «Аненербе» снарядило в Монсегюр очередную экспедицию.

Руководитель ее – полковник СС Вильгельм Крюгер. Подчинен непосредственно Гиммлеру, добросовестный служака, дисциплинированный и угодливый, но совершенно бездарный. Рана с его интеллектом, чутьем и талантом Крюгеру заменить не удалось. Да, о Граале Крюгер знал, но – только общие сведения, не более того.

Но вот Грааль... Каким путем
Ты, грешник, мог прознать о нем?
Лишь в небесах определяли,
Кто смеет ведать о Граале.

Вольфрам фон Эшенбах

А читал ли Крюгер Эшенбаха вообще?

Экспедиция – сто пятьдесят человек (ни одного из тех, кто был здесь в 1937-м). Команда Крюгера облазила весь Монсегюр, вплоть до самых незаметных трещин.

В июле 1944-го работы пришлось свернуть, пришла весть о высадке американцев в Нормандии. И хотя от Нормандии до Монсегюра добрая тысяча километров, Гиммлер не рисковать своими людьми.

Что же искали люди Крюгера в Монсегюре? И нашли или нет?

Может быть, они так и не поняли. Грааль Вольфрама фон Эшенбаха уводит исследователя «из области человеческого в мир высшей тайны, мрак которой поэт не пожелал рассеять и которую он, по каким-то загадочным соображениям, не пожелал свести к таинству Христа» (См.: Махов А.Е. «Рассказ о верности пойдет...». Вольфрам фон Эшенбах и его роман // Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль. М., 2004. С. 18.).

* * *

Французский историк Фернан Ниэль и спелеолог Фернан Коста:

«С 1956 года, – рассказывает Фернан Коста, глава Ариезского спелеологического общества, – мы начали исследовать Монсегюр. Мы извлекали из раскопов гвозди, глиняные изделия, различную утварь, обломки оружия. Но это не то, что нам было нужно. Мы не искали сокровищ, хотя местные крестьяне считали нас кладоискателями.

В августе 1964 года ариезские спелеологи обнаружили у подножия крепостных стен шесть естественных сбросов. В одном из них, расположенном в восьмидесяти метрах от крепости, были найдены остатки метательной машины и груды камней, принесенных на гору из долины. Расчищая завал, исследователи с изумлением обнаружили на внешней стороне стены значки, насечки и какой-то чертеж. Он оказался черновым планом... подземного хода, идущего от подножия стены к ущелью. Видимо, при перестройке замка этим чертежом руководствовались строители. А затем последовало открытие подземного хода, скелеты с алебардами и новая загадка: кто эти погибшие при выходе из подземелья люди?...

Один из исследователей крепости, роясь под фундаментом стены, извлек целый ряд интересных предметов с нанесенными на них катарскими символами. Так, на пряжках и пуговицах была выгравирована пчела, для Совершенных она символизировала тайну оплодотворения без физического контакта. В числе находок была и свинцовая пластина длиной сорок сантиметров, сложенная пятиугольником. Пятиугольник – основной символ манихеизма – был отличительным знаком у апостолов Совершенных. Известно, что катары отрицали латинский крест и обожествляли пятиконечник, который являлся для них символом вечной диффузии – рассеивания, распыления материи, человеческого тела. Эти находки еще раз подтвердили преемственность катарами идей и философии манихеизма и указали на теперь уже понятную странность в конструкции пятиугольного замка.

Но подлинного своего Шлимана развалины Монсегюра нашли в лице Фернана Ниэля, вышедшего в отставку французского инженера-математика, Ниэль знал историю края, был

знаком с источниками по катарской проблеме, со специальной литературой. (Сейчас Фернан Ниэль считается во Франции одним из наиболее сведущих историков катаризма.)

Необычайная планировка замка привлекла внимание Ниэля. Зачем Совершенные попросили хозяина замка перестроить его по их собственным чертежам? Только ли для того, чтобы выразить в конструкции крепости символ своей странной веры – пятиугольник?

– В Монсегюре, – говорит Фернан Ниэль, – повсюду тайна, прежде всего она в самой конструкции замка – это самое странное сооружение, которое когда-либо существовало. Несомненно, в нем самом был заложен ключ к обрядам – тайна, которую Совершенные унесли с собой в могилу.

– Впрочем, – приглашает Ниэль, – давайте 21 или 22 июня, в день летнего солнцестояния, совершим восхождение на пик Монсегюр. Что мы замечаем, поднявшись на вершину? Прежде всего – пятиугольник замка очень вытянут: по диагонали – пятьдесят четыре метра, в ширину – тринадцать метров. Такое впечатление, что его строители сознательно не заботились об укреплении замка, так как площадка, на которой располагается крепость, достойна лучшей цитадели. Судя по технике строительства и конструкции, это были опытные зодчие, и не заметить просчета в защитных качествах крепости они не могли. Значит, на первый план здесь выступало что-то иное...

Теперь давайте спустимся к цитадели, пересечем внутренний двор и поднимемся в башню. Не забывайте, что сегодня день летнего солнцестояния! Вот одна из подставок для лучника – можно сесть на любую из них. Какую бы амбразуру мы ни выбрали, ей точно соответствует такая же в противоположной стене. Восходит солнце... В узком отверстии амбразуры появляется краешек огненного светила. Можно подумать, что оно является сюда на свидание в строго определенный час... То же самое можно наблюдать и через амбразуры северного фасада башни; для этого достаточно сесть на подпоры противоположных стоек для стрелков...

Таким образом, изучая башню, – продолжает Фернан Ниэль, – я обнаружил ансамбль из четырех точек для наблюдения за восходом солнца в день летнего солнцестояния. Естественно, это может случиться только один раз в году... Известно, что для катаров солнце было символом добра, и я утверждаю: Монсегюр – солнечный храм! В противном случае почему его стены, двери, окна и амбразуры сориентированы на восход солнца?

...На северо-восточной стене замка Ниэль заметил одну любопытную деталь. Стена длиной в пятьдесят три метра образует угол в 176 градусов, хотя ничто не мешает ей быть совершенно прямой. На внешней стороне угла, на каменной кладке, ученый увидел глубокую вертикальную насечку. Четкая прямая линия спускалась от вершины до трети стены и обрывалась.

Зачем?

Какую роль она выполняла?

И тут исследователю помогла его прежняя специальность – инженера-математика. Его интересовали архитектурные пропорции, числовые величины, размеры, градусы, содержащиеся в конструкции замка. Расчеты, проведенные Фернаном Ниэлем, позволили ему сделать сенсационный вывод: замок Монсегюр таил в своей конструкции любопытные свойства – путем только одного наблюдения восхода солнца в день летнего солнцестояния здесь можно было устанавливать месяц и день любого времени года. Словом, это был своеобразный календарь и астрономический прибор, уникальный в своем роде. В течение семи с половиной веков он не потерял своей огромной научной ценности, открыл для исследователей неизвестные страницы истории развития человеческого знания и мысли» (Еремин Г. Загадка пятиугольного замка // Техника – молодежи. 1969. № 1,^[9]).

* * *

Средневековые германские легенды гласят – каждые семь сотен лет на поверхность выходит спрятанное сокровище. Гиммлер увидел в этом связь со Святым Граалем.

Ученые из «Аненербе» представили более полный «расклад»: в 544 году умер святой Бенедикт («Основатель монашества в западном мире св. Бенедикт не любил сидеть сложа руки. Он разъезжал по всей Европе, основывая монастыри в местах, считавшихся священными для язычников. Самый знаменитый монастырь был основан на горе Кассино (Монте-Кассино), особо почитавшейся в дохристианских верованиях. Святой Бенедикт умер в 544 году, за 700 лет до резни катаров в Монсегюре и за 1400 лет до фанатичной обороны Монте-Кассино гитлеровской армией... После смерти св. Бенедикта был основан орден, который к 1100 году взял под свое управление почти все святые места католического мира. Установлено, что в своей деятельности бенедиктинцы часто прибегали к знаниям „проклятых язычников“, безжалостно подавлявшихся католической церковью. Бывших членов ордена можно было обнаружить во многих тайных обществах, включая масонскую ложу Фридриха Великого. Известно, что отцы ордена видели в „священной географии“(расположения монастырей) одно из средств психического подчинения подвластных им народов. С этим связано и владение тонкими энергиями, которое аллегорически зовется Святой Грааль. Обладание Граалем являлось заветной мечтой всех орденов. Но все поиски были безуспешными». (Гончаров В. Крестовый поход против Грааля.^[10]), в том же году ушел из жизни самый известный король – Артур. В 1244-м – уничтожены катары-альбигойцы в Монсегюре.

Следовательно, и 1944 год должен был ознаменовать собой «поворотный момент»: в марте развернулась одно из самых ожесточенных сражений – при Монте-Кассино. Одним из опорных пунктов стал и Монсегюр.

Приказ из Берлина требовал держать занимаемые позиции ценой любых жертв, и немцы держались, они сражались «до последнего патрона, солдата, вдоха»...

В Монсегюр вылетал Генрих Гиммлер (По другим данным – Альфред Розенберг.), рассчитывая морально поддержать рыцарей Третьего рейха.

Ожесточенные бои продолжались четыре месяца, и та и другая стороны несли огромные потери. Здесь, в районе Монсегюра погиб и Вильгельм Крюгер, последний руководитель последней экспедиции «Аненербе». Он прибыл в действующую в этом районе часть в качестве добровольца и погиб во время отражения одной из многочисленных танковых атак.

За несколько дней до полного разгрома немецкой группировки германские солдаты и офицеры обратили внимание на то, что над руинами замка был поднят огромный флаг с кельтским крестом. К этому древнегерманскому ритуалу приказал прибегнуть сам Гиммлер, рассчитывая на помощь мистических сил.

Но было поздно, американская пехота, забросав ручными гранатами последние позиции противника перед полуразрушенной крепостной стеной и прикрываясь пулеметным огнем, ворвалась на территорию Монсегюра...

Гиммлер вышел из комнаты спецсвязи, последние его призывы защитники Монсегюра уже не услышали, было уже поздно... Немецкая армия откатилась от Монте-Кассино.

«Еще семьсот лет..., – прокручивалось в мозгу рейхсфюрера... – Но для человечества каждые 700 лет имеет место наступление огня. Иными словами, каждые 700 лет к человеку возвращается сознание его ответственности в этой космической борьбе. Он вновь становится в полном смысле слова религиозным. Он вновь вступает в контакт с уже давно исчезнувшими умами. Он готовится к будущим мутациям. Его душа расширяется до размеров Вселенной. Он вновь находит смысл всемирной эпопеи. Он снова способен различать то, что идет от человека-бога и от человека-раба, и отбрасывать из практики человечества то, что принадлежит осужденным породам. Он вновь становится непреклонным и пылающим,

верным той функции, до которой когда-то поднимались великаны» (Повель Л., Бержье Ж. Утро магов. Киев, 1994.).

До 2644 года еще очень далеко...

*** * ***

В кафедральном соборе Валенсии (Испания) хранится вырезанная из камня чаша. История ее появления и перехода от одного владельца к другому, говорят, задокументирована и не имеет ничего общего с Граалем (Schafer H.-W. Kelch und Stein. Frankfurt/M., Bern, Neu-York, 1985. S.53.). Но кто знает, может, все бумажки – лишь камуфляж.

Часть вторая

КОПЬЕ СУДЬБЫ

Маленький человек

Октябрь 1910 года.

Вена. Слякоть, ветрено, омерзительная позднеосенняя погода. На улицах пустынно, лишь один человек пытается преодолеть встречный, пронизывающий до костей ветер, упрямо двигаясь к окраине города, со стороны Хофбургского замка. На этом храбреце потертое до нельзя пальтишко, уже давно отслужившие свой век башмаки, голова не покрыта, зонтика нет. Идущий, пытаясь хоть как-то противостоять непогоде, высоко поднял воротник, слегка согнулся, руки глубоко упрятал в карманы.

Это молодой человек, лет двадцати, чуть выше среднего роста, худой, бледный, горящие глаза его выдают натуру впечатлительную и увлекающуюся. Он уже два дня не ел, и сейчас, направляясь в ночлежку (Мельдемнштрассе, Вена-Бригиттенау), проведет голодным уже третью ночь. Но это его мало волнует, сегодня он видел такое, что голод, холод, дырявые башмаки и не по сезону легкая одежда не отвлекают от раздумий.

Он видел сегодня в Хофбурге копьё Лонгина, известное и как копьё Судьбы. То самое, коим римский легионер Гай Кассиус ударил Иисуса.

Этот юноша живет в Вене уже второй год, но только сегодня он уверовал в свою судьбу.

О, его ждет слава! О нем будет говорить весь мир! Каждому сказанному им слову будут внимать миллиону людей! И все потому, что стоя перед витриной за стеклом которой покоилось копьё Судьбы, юноша этот понял свое предназначение – власть над миром.

А вот и ночлежка. Молодой человек подошел к двери, потянул за почерневшую от времени ручку:

– Адольф Гитлер, – произнес он, отвечая на безмолвный вопросительный взгляд дежурного, – место двадцать семь.

Дежурный так же молча кивнул в ответ, Гитлер давно уже завсегдатею ночлежки и отмечается при входе только для проформы...

Проводив взглядом Адольфа, дежурный вздохнул и повернулся к часам, стоять осталось еще часа полтора. А за окном стоял слякотный октябрь 1910 года...

Впоследствии Гитлер сам рассказывал первую встречу с Копьем:

«Группа остановилась точно напротив того места, где я находился, и гид показал на старый наконечник копья. Вначале я не обращал внимания на то, что рассказывал гид, считая присутствие рядом со мной этой группы всего лишь вторжением в интимное течение моих мрачных мыслей. Вот тогда-то я и услышал слова, которые вскоре изменили мою жизнь: „С этим копьём связана легенда, согласно которой тот, кто объявит его своим и откроет его тайну, возьмет судьбу мира в свои руки для совершения Добра или Зла“.

– В середине века, – продолжал свой рассказ гид, – некоторые германские императоры владели этим копьём и верили в легенду. Однако за последние пять столетий никто уже не испытывал доверия к этим сказкам, если не считать Наполеона, потребовавшего себе это копьё после победы в битве при Аустерлице. После разгрома наполеоновских войск был тайно вывезен из Нюрнберга и спрятан в Вене.

Экскурсанты продолжили свой неторопливый путь по музею, а Гитлер заворуженно приблизился к витрине, чтобы в подробностях разглядеть реликвию. Почерневший от времени железный наконечник спокойно покоился на ложе из красного бархата, длинное и тонкое острие поддерживалось металлическими подпорками. В центре наконечника было отверстие, из которого торчал огромный гвоздь.

– В ту же секунду я понял, что наступил знаменательный момент в моей жизни, – говорил впоследствии Гитлер. – Однако я не понимал, как этот чисто христианский символ мог вызвать у меня столь сильное волнение. Долгие минуты я стоял, рассматривая копьё, совершенно забыв обо всем, что происходило вокруг. Казалось, что копьё хранит какую-то тайну, от меня ускользавшую, однако мною владело такое чувство, будто я знаю о ней инстинктивно, не в состоянии проанализировать ее смысл в своем сознании. Копьё было чем-то вроде магического носителя откровения: оно открывало такие прозрения в идеальный мир. Это было, как если бы я столетия тому назад уже держал это копьё в руках и оно дало мне все свое могущество. Как это было возможно? Что за безумие овладело моим разумом и родило бурю в моем сердце?

Не прошло и суток, как Гитлер снова явился в музей – созерцать священное копьё и ждать, когда оно откроет ему свои тайны. Поскольку этого ему очень хотелось, вскоре произошло то, что Гитлер назовет «посвящением в сущность Копья»:

«Воздух стал столь удушливым, что я едва был в силах дышать. Обжигающая атмосфера музейного зала, казалось, расплывается перед глазами. Я стоял один, весь дрожа, перед колеблющейся фигурой сверхчеловека – опасный и возвышенный разум, бесстрашное и жестокое лицо. С почтительной опаской я предложил ему мою душу, чтобы она стала инструментом его воли» (Цит. по: Первушин А. Оккультные тайны НКВД и СС. СПб.-М., 1999.).

*** * ***

Ровно тринадцать лет спустя Адольф Гитлер – к тому времени ветеран Мировой войны, один из организаторов антиправительственного путча и заключенный тюрьмы Ландсберг – писал о годах, проведенных в Вене, и как о самых трудных, и самых счастливых одновременно.

*** * ***

«К тому времени, когда умерла моя мать, один из касающихся меня вопросов был уже разрешен судьбой. В последние месяцы ее болезни я уехал в Вену, чтобы там сдать экзамен в академии. Я вез с собой большой сверток собственных рисунков и был в полной уверенности, что экзамен я сдам шутя. Ведь еще в реальном училище меня считали лучшим рисовальщиком во всем классе, а с тех пор мои способности к рисованию увеличились в большой степени. Гордый и счастливый, я был вполне уверен, что легко справлюсь со своей задачей. Только в отдельные редкие минуты меня посещало раздумье: мой художественный талант иногда подавлялся талантом чертежника – в особенности во всех отраслях архитектуры. Мой интерес к строительному искусству все больше возрастал. Свое влияние в этом направлении оказала еще поездка в Вену, которую я, шестнадцати лет от роду, предпринял в первый раз. Тогда я поехал в столицу с целью посмотреть картинную галерею дворцового музея. Но в действительности глаз мой останавливался только на самом музее. Я бегал по городу с утра до вечера, стараясь увидеть как можно больше достопримечательностей, но в конце концов мое внимание приковывали почти

исключительно строения. Часами стоял я перед зданием оперы, часами разглядывал здание парламента. Чудесные здания на Ринге действовали на меня, как сказка из „Тысячи одной ночи“. Теперь я оказался в прекрасной Вене во второй раз. Я сгорал от нетерпения скорее сдать экзамен и вместе с тем был преисполнен гордой уверенности в том, что результат будет хороший. В этом я был настолько уверен, что когда мне объявили, что я не принят, на меня это подействовало, как гром с ясного неба. Когда я представился ректору и обратился к нему с просьбой: объяснить мне причины моего непринятия на художественное отделение академии, ректор ответил мне, что привезенные мною рисунки не оставляют ни малейших сомнений в том, что художника из меня не выйдет. Из этих рисунков видно, что у меня есть способности в сфере архитектуры. Я должен совершенно бросить мысль о художественном отделении и подумать об отделении архитектурном. Ректор выразил особенное удивление по поводу того, что я до сих пор вообще не прошел никакой строительной школы. Удрученный покинул я прекрасное здание на площади Шиллера и впервые в своей недолгой жизни испытал чувство дисгармонии с самим собой. То, что я теперь услышал из уст ректора относительно моих способностей, сразу как молния осветило мне те внутренние противоречия, которые я полусознательно испытывал и раньше. Только до сих пор я не мог отдать себе ясного отчета, почему и отчего это происходит. Через несколько дней мне и самому стало вполне ясно, что я должен стать архитектором. Дорога к этому была для меня полна трудностей; из упрямства я зря упустил много времени в реальном училище, и теперь приходилось за это рассчитывать. Чтобы попасть на архитектурное отделение академии, надо было сначала пройти строительно-техническое училище, а чтобы попасть в это последнее, надо было сначала иметь аттестат зрелости из средней школы. Ничего этого у меня не было. По зрелом размышлении выходило, что исполнение моего желания совершенно невозможно.

Тем временем умерла моя мать. Когда после ее смерти я в третий раз приехал в Вену, – на этот раз на многие годы, – я опять был уже в спокойном настроении, ко мне вернулась прежняя решимость, и я теперь окончательно знал свою цель. Я решил теперь стать архитектором. Все препятствия надо сломать, о капитуляции перед ними не может быть и речи. Размышляя так, я все время имел перед глазами пример моего покойного отца, который все-таки сумел выйти из положения деревенского мальчика, сапожного ученика и подняться до положения государственного чиновника. Я все же чувствовал более прочную почву под ногами, мои возможности казались мне большими. То, что я тогда воспринимал как жестокость судьбы, я теперь должен признать мудростью провидения. Богиня нужды взяла меня в свои жесткие руки. Много раз казалось, что вот-вот я буду сломлен нуждой, а на деле именно этот период закалил во мне волю к борьбе, и в конце концов эта воля победила. Именно этому периоду своей жизни я обязан тем, что я сумел стать твердым и могу быть непреклонным. Теперь я это время благословляю и за то, что оно вырвало меня из пустоты удобной жизни, что меня, маменькиного сынка, оно оторвало от мягких пуховиков и отдало в руки матери-нужды, дало мне увидеть нищету и горе и познакомило с теми, за кого впоследствии мне пришлось бороться».

Бедный и бледный юноша, выходец из провинции, могущий рассчитывать только на свои силы, рано потерявший родителей и отвергнутый – с первой попытки интеллектуальной верхушкой общества, – такова судьба тех, кто с ранних лет метил себя в Наполеоны, кто готов был завоевать весь мир, лишь бы добиться поставленной перед собой цели. И молодой Адольф Гитлер не был исключением в этом ряду. Столкнувшись в юности с непреступной стеной непонимания (в самом прекрасном городе Европы), он решил добиться всего, чего пожелал, используя для того все средства, в том числе и мистического характера.

* * *

«В этот же период у меня раскрылись глаза на две опасности, которые я раньше едва знал по имени и всего значения которых для судеб немецкого народа я, конечно, не понимал. Я говорю о марксизме и еврействе. Вена – город, который столь многим кажется вместилищем прекрасных удовольствий, городом празднеств для счастливых людей, – эта Вена для меня к сожалению является только живым воспоминанием о самой печальной полосе моей жизни. Еще и теперь этот город вызывает во мне только тяжелые воспоминания».

Каждый из будущих «Наполеонов» ищет причины своих неудач в жизни, исходя из собственных представлений о том, кто и что может помешать ему продвигаться по жизненной лестнице. Для Гитлера причины эти крылись в двух сферах – идеологической (марксизм) и национальной (расизм). Опять же, здесь типичный подход человека, едва вступающего в жизнь: ему мешают иноверцы, «захватившие все посты», и учение, в которое не вписываются его личные взгляды.

*** * ***

«Вена – в этом слове для меня слилось пять лет тяжелого горя и лишений. Пять лет, в течение которых я сначала добывал себе кусок хлеба как чернорабочий, потом как мелкий чертежник, я прожил буквально впроголодь и никогда в ту пору не помню себя сытым. Голод был моим самым верным спутником, который никогда не оставлял меня и честно делил со мной все мое время. В покупке каждой книги участвовал тот же мой верный спутник – голод; каждое посещение оперы приводило к тому, что этот же верный товарищ мой оставался у меня на долгое время. Словом, с этим безжалостным спутником я должен был вести борьбу изо дня в день. И все же в этот период своей жизни я учился более, чем когда бы то ни было. Кроме моей работы по архитектуре, кроме редких посещений оперы, которые я мог себе позволить лишь за счет скудного обеда, у меня была только одна радость, это – книги. Я читал тогда бесконечно много и читал основательно. Все свободное время, которое оставалось у меня от работы, целиком уходило на эти занятия. В течение нескольких лет я создал себе известный запас знаний, которыми я питаюсь и поныне. Более того. В это время я составил себе известное представление о мире и выработал себе мирозерцание, которое образовало гранитный фундамент для моей теперешней борьбы. К тем взглядам, которые я выработал себе тогда, мне пришлось впоследствии прибавить только немного, изменять же ничего не пришлось. Наоборот. Я теперь твердо убежден в том, что все творческие идеи человека в общих чертах появляются уже в период его юности, насколько вообще данный человек способен творчески мыслить. Я различаю с того момента между мудростью старости, которая является результатом большей основательности, осторожности и опыта долгой жизни, и гениальностью юности, которая щедрой рукой бросает человечеству благотворные идеи и мысли, хотя иногда и в незаконченном виде. Юность дает человечеству строительный материал и планы будущего, из которых затем более мудрая старость кладет кирпичи и строит здания, поскольку так называемая мудрость старости вообще не удушает гениальности юности».

Почти как по Некрасову: «В мире есть царь, этот царь беспощаден, голод – название ему...» Но Гитлер, спасаясь от голода, не шел на большую дорогу добывать себе пропитание с помощью разбоя, а старался заглушить в себе желудочный зуд, приобщившись к чтению, к пополнению своих скудных, на тот период, знаний. Это первые ступени той лестницы, что привела его к осмыслению потенциальных возможностей евангельских реликвий, к возможности использовать их для решения глобальных эгоистических проблем.

*** * ***

«Жизнь, которую я до тех пор вел в доме родителей, мало отличалась от обычной. Я жил безбедно, и никаких социальных проблем предо мной не стояло. Окружавшие меня

сверстники принадлежали к кругам мелкой буржуазии, то есть к тем кругам, которые очень мало соприкасаются с рабочими чисто физического труда. Ибо, как это на первый взгляд ни странно, пропасть между теми слоями мелкой буржуазии, экономическое положение которых далеко не блестяще, и рабочими физического труда зачастую гораздо глубже, чем это думают. Причиной этой – приходится так выразиться – вражды является опасение этих общественных слоев, – они еще совсем недавно чуть-чуть поднялись над уровнем рабочих физического труда, – опять вернуться к своему старому положению, вернуться к жизни малоуважаемого рабочего сословия или даже только быть вновь причисленными к нему. К этому у многих прибавляются тяжелые воспоминания о неслыханной культурной отсталости низших классов, чудовищной грубости обращения друг с другом. Недавно завоеванное положение мелкого буржуа, само по себе не бог весть какое высокое, заставляет прямо трепетать перед опасностью вновь спуститься на одну ступень ниже и делает невыносимой даже одну мысль об этом. Отсюда часто получается, что более высокопоставленные люди относятся к самым низшим слоям с гораздо меньшими предрассудками, чем недавние „выскочки“. Ибо в конце концов выскочкой является в известном смысле всякий, кто своей собственной энергией несколько выбился в люди и поднялся выше своего прежнего уровня жизни. Эта зачастую очень тяжкая борьба заглушает всякое чувство сожаления. Отчаянная борьба за существование, которую ты только что вел сам, зачастую убивает в тебе всякое сострадание к тем, кому выбиться в люди не удалось. Ко мне лично в этом отношении судьба была куда как милостивее. Бросив меня в омут нищеты и необеспеченности, через который в свое время прошел мой отец, выбившийся затем в люди, жизнь сорвала с моих глаз повязку ограниченного мелкобуржуазного воспитания. Только теперь я научился понимать людей, научился отличать видимость и внешнюю скотскую грубость от внутренней сути человека. Вена уже в начале XX столетия принадлежала к городам величайшего социального неравенства. Бьющая в глаза роскошь, с одной стороны, и отталкивающая нищета – с другой. В центре города, в его внутренних кварталах можно было с особенной отчетливостью ощущать биение пульса 52-миллионной страны со всеми сомнительными чарами этого государства национальностей. Двор с его ослепительной роскошью притягивал как магнит богачей и интеллигенцию. К этому надо прибавить сильнейший централизм, на котором основана была вся габсбургская монархия. Только благодаря этому централизму мог держаться весь этот междунациональный кисель. В результате этого – необычайная концентрация всей высшей администрации в резиденции государства – в Вене. Вена не только в политическом и духовном, но в экономическом отношении была центром придунайской монархии. Армии высшего офицерства, государственных чиновников, художников и ученых противостояла еще большая армия рабочих; несметному богатству аристократии и торговцев противостояла чудовищная беднота. Перед дворцом на Ринге в любое время дня можно было видеть тысячи блуждающих безработных. В двух шагах от триумфальных арок, в пыли и грязи каналов валялись сотни и тысячи бездомных. Едва ли в каком-либо другом немецком городе в эту пору можно было с большим успехом изучать социальную проблему. Не надо только обманывать самих себя. Это „изучение“ невозможно сверху вниз. Кто сам не побывал в тисках удушающей нищеты, тот никогда не поймет, что означает этот ад. Если изучать социальную проблему сверху вниз, ничего кроме поверхностной болтовни и лживых сантиментов не получится, а то и другое только вредно. Первое потому, что не позволяет даже добраться до ядра проблемы, второе потому, что просто проходит мимо нее. Я, право, не знаю, что хуже: полное невнимание к социальной нужде, которое характерно для большинства счастливых и для многих из тех, которые достаточно зарабатывают, чтобы безбедно жить; или пренебрежительное и вместе с тем частенько в высшей степени бестактное снисхождение к меньшему брату, характерное для многих из тех господ мужского и женского пола, для которых и сочувствие к „народу“ является делом моды. Эти люди грешат гораздо больше, чем они при их полном отсутствии такта даже могут сами себе представить. Неудивительно, что результат такого их общения с

„меньшим братом“ совершенно ничтожен, а зачастую прямо отрицателен. Когда народ на такое обращение отвечает естественным чувством возмущения, эти добрые господа всегда воспринимают это как доказательство неблагодарности народа. Что общественная деятельность ничего общего с этим не имеет, что общественная деятельность прежде всего не должна рассчитывать ни на какую благодарность, ибо ее задачей является не распределять милость, а восстанавливать право, – такого рода суждение подобным господам просто невдомек. Судьба уберегла меня от такого рода „разрешения“ социального вопроса. Вовлекши меня самого в омут нищеты, судьба приглашала меня не столько „изучать“ социальную проблему, сколько на себе самом испробовать ее. Если кролик счастливо пережил вивисекцию, то это уже его собственная заслуга. Пытаясь теперь изложить на бумаге то, что было пережито тогда, я заранее знаю, что о полноте изложения не может быть и речи. Дело может идти только о том, чтобы описать наиболее потрясающие впечатления и записать те важнейшие уроки, которые я вынес из той полосы моей жизни». (Выделено мной. – В.Т.)

Прямо-таки жизнь Христа до начала его подвижнической деятельности. Причем не просто в качестве стороннего наблюдателя, а непосредственного участника жизни и борьбы за выживание.

*** * ***

«Найти работу мне бывало нетрудно, так как работать приходилось как чернорабочему, а иногда и просто как поденщику. Таким образом я добывал себе кусок хлеба. При этом я часто думал: надо просто встать на точку зрения тех людей, которые, отряхнув с ног прах старой Европы, устремляются в Новый свет и там на новой родине добывают кусок хлеба какой угодно работой. Разделавшись со всеми предрассудками и представлениями о сословной и профессиональной чести, освободившись от всяких традиций, они зарабатывают средства на пропитание там и так, где и как это возможно. Они вполне правы, что никакая работа не позорит человека. Так и я решился обеими ногами стать на создавшуюся для меня почву и пробиться во что бы то ни стало. Очень скоро я убедился в том, что всегда и везде можно найти какую-либо работу, но также и в том, что всегда и везде ее легко можно потерять. Именно необеспеченность заработка через некоторое время стала для меня самой трудной стороной моей новой жизни.

«Квалифицированного» рабочего выбрасывают на улицу не так часто, как чернорабочего; однако и он далеко не свободен от этой участи. Если он не оказывается без дела просто из-за отсутствия работы, то его часто настигает локаут или безработица в результате участия в забастовке. Здесь необеспеченность заработка жестко мстит за себя всему хозяйству. Крестьянский парень, который переселяется в город, привлекаемый туда большей легкостью труда, более коротким рабочим днем и другими соблазнами города, сначала, приученный к более обеспеченному заработку, бросает работу лишь в том случае, когда имеет по крайней мере серьезную надежду получить другую. Нужда в сельскохозяйственных рабочих велика, поэтому менее вероятна длительная безработица среди этих рабочих. Ошибочно думать, что молодой парень, отправляющийся в большой город, уже с самого начала сделан из худшего материала, чем тот, который крепко засел в деревне. Нет, напротив, опыт показывает, что переселяющиеся в город элементы деревни большей частью принадлежат к самым здоровым и энергичным натурам, а не наоборот. К этим «эмигрантам» надо отнести не только тех, кто эмигрирует за океан в Америку, но и тех молодых парней, которые решаются бросить свою деревню и отправиться искать счастья в большом городе. Они также берут на себя большой риск. Большею частью такой деревенский парень приходит в большой город, имея в кармане какие-то деньжонки. Ему не приходится дрожать за себя, если по несчастью он не найдет работы сразу. Хуже становится его положение, если, найдя работу, он ее быстро потеряет. Найти новую работу, в особенности в

зимнюю пору трудно, если не невозможно. Несколько недель он еще продержится. Он получит пособие по случаю безработицы из кассы своего профессионального союза и еще продержится некоторое время. Но когда он издержит последний грош и когда профсоюзная касса перестанет платить ему пособие ввиду чрезмерной длительности его безработицы, тогда он попадает в большую нужду. Теперь ему приходится бродить по улицам на голодный желудок, заложить и продать последнее; его платье становится ветхим, сам он начинает все больше и больше опускаться физически, а затем и морально. Если он еще останется без крова (а это зимой случается особенно часто), его положение становится уже прямо бедственным.

Наконец он опять найдет кое-какую работу, но игра повторяется сначала. Во второй раз несчастье его разыграется в том же порядке. В третий раз удары судьбы будут еще сильнее. Постепенно он научится относиться к своему необеспеченному положению все более и более безразлично. Наконец повторение всего этого входит в привычку. Энергичный и работающий парень, именно благодаря этому постепенно совершенно меняет свой облик. Из трудящегося человека он становится простым инструментом тех, кто начинает использовать его в своих низких корыстных целях. Без всякой вины ему так часто приходилось быть безработным, что он начинает считать так: месяцем больше или меньше – все равно. В конце концов он начинает относиться индифферентно не только к вопросам своего непосредственного бытия и заработка, но и к вопросам, связанным с уничтожением государственных, общественных и общекультурных ценностей.

Ему уже ничего не стоит принимать участие в забастовках, но ничего не стоит относиться к забастовкам совершенно индифферентно. Этот процесс я имел возможность собственными глазами наблюдать на тысяче примеров. Чем больше я наблюдал эту игру, тем больше во мне росло отвращение к миллионному городу, который сначала так жадно притягивает к себе людей, чтобы их потом так жестоко оттолкнуть и уничтожить. Когда эти люди приходят в город, их как бы с радостью причисляют к населению столицы, но стоит им подольше остаться в этом городе, как он перестает интересоваться ими. Меня также жизнь в этом мировом городе изрядно потрепала, и на своей шкуре я должен был испытать достаточное количество материальных и моральных ударов судьбы. Еще в одном я убедился здесь: быстрые переходы от работы к безработице и обратно, связанные с этим вечные колебания в твоём маленьком бюджете разрушают чувство бережливости и вообще лишают вкуса к разумному устройству своей жизни. Человек постепенно приучается в хорошие времена жить припеваючи, в плохие – голодать. Голод приучает человека к тому, что как только в его руки попадают некоторые деньги, он обращается с ними совершенно нерасчетливо и теряет способность к самоограничению. Стоит ему только получить какую-нибудь работенку и заработать немного деньжонок, как он самым легкомысленным образом тотчас же пускает свой заработок в трубу. Это опрокидывает всякую возможность рассчитывать свой маленький бюджет хотя бы только на неделю. Заработанных денег сначала хватает на пять дней из семи, затем только на три дня и, наконец, дело доходит до того, что спускаешь свой недельный заработок в течение одного дня. А дома часто ждут жена и дети. Иногда и они втягиваются в эту нездоровую жизнь, в особенности, если муж относится к ним по-хорошему и даже по-своему любит их. Тогда они все вместе в течение одного, двух или трех дней спускают весь недельный заработок. Пока есть деньги, они едят и пьют, а затем вторую часть недели вместе голодают. В эту вторую часть недели жена бродит по соседям, чтобы занять несколько грошей, делает небольшие долги у лавочника и всячески изворачивается, чтобы как-нибудь прожить последние дни недели. В обеденный час сидят за столом при полупустых тарелках, а часто голодают совершенно. Ждут новой полочки, о ней говорят, строят планы и, голодая, мечтают уже о том, когда наступит новый счастливый день и недельный заработок опять будет спущен в течение нескольких часов. Маленькие дети уже в самом раннем своем детстве знакомятся с этой нищетой. Но особенно плохо кончается

дело, если муж отрывается от семьи и если мать семейства ради своих детей начинает борьбу против мужа из-за этого образа жизни. Тогда начинаются споры и раздоры. И чем больше муж отчуждается от жены, тем ближе он знакомится с алкоголем. Каждую субботу он пьян. Из чувства самосохранения, из привязанности к своим детям мать семьи начинает вести бешеную борьбу за те жалкие гроши, которые ей приходится вырывать у мужа большей частью по пути с фабрики в трактир. В воскресенье или в понедельник ночью он, наконец, придет домой пьяный, ожесточенный, спустивший все до гроша. Тогда происходят сцены, от которых упаси нас боже. На тысяче примеров мне самому приходилось наблюдать все это. Сначала это меня злило и возмущало, потом я научился понимать тяжелую трагедию этих страданий и видеть более глубокие причины, порождающие их. Несчастные жертвы плохих общественных условий! Еще хуже были тогда жилищные условия. Жилищная нужда венского чернорабочего была просто ужасна. Еще и сейчас дрожь проходит по моей спине, когда я вспоминаю о тех казармах, где массами жили эти несчастные, о тех тяжелых картинах нечистоты, грязи и еще много худшего, какие мне приходилось наблюдать. Что хорошего можно ждать от того момента, когда из этих казарм в один прекрасный день устремится безудержный поток обозленных рабов, о которых беззаботный город даже не подумает?

Да, беззаботен этот мир богатых. Беззаботно предоставляет он ход вещей самому себе, не помыслив даже о том, что рано или поздно судьба принесет возмездие, если только люди вовремя не подумают о том, что нужно как-то ее умилизовать.

Как благодарен я теперь провидению за то, что оно дало мне возможность пройти через эту школу! В этой школе мне не пришлось саботировать все то, что было мне не по душе. Эта школа воспитала меня быстро и основательно. Если я не хотел совершенно разочароваться в тех людях, которые меня тогда окружали, я должен был начать различать между внешней обстановкой их жизни и теми причинами, которые порождали эту обстановку. Только в этом случае все это можно было перенести, не впад в отчаяние. Только так я мог видеть перед собою не только людей, тонущих в нищете и грязи, но и печальные результаты печальных законов. А тяготы моей собственной жизни и собственной борьбы за существование, которая также была нелегка, избавили меня от опасности впасть в простую сентиментальность по этому поводу. Я отнюдь не капитулировал и не опускал рук, видя неизбежные результаты определенного общественного развития. Нет, так не следует понимать моих слов. Уже тогда я убедился, что здесь к цели ведет только двойной путь: глубочайшее чувство социальной ответственности, направленное к созданию лучших условий нашего общественного развития, в сочетании с суровой решительностью уничтожить того горбатого, которого исправить может только могила. Ведь и природа сосредоточивает все свое внимание не на том, чтобы поддержать существующее, а на том, чтобы обеспечить ростки будущего. Так и в человеческой жизни нам нужно меньше думать о том, чтобы искусственно облагораживать существующее зло (что в 99 случаях из ста при нынешней человеческой натуре невозможно), чем о том, чтобы расчистить путь для будущего более здорового развития. Уже во время моей венской борьбы за существование мне стало ясно, что общественная деятельность никогда и ни при каких обстоятельствах не должна сводиться к смешной и бесцельной благотворительности, она должна сосредоточиваться на устранении тех коренных недостатков в организации нашей хозяйственной и культурной жизни, которые неизбежно приводят или, по крайней мере, могут приводить отдельных людей к вырождению. Кто плохо понимает действительные причины этих общественных явлений, тот именно поэтому и затрудняется или колеблется в необходимости применить самые последние, самые жесткие средства для уничтожения этих опасных для государственной жизни явлений.

Эти колебания, эта неуверенность в себе, в сущности, вызваны чувством своей собственной вины, собственной ответственности за то, что эти бедствия и трагедии имеют место; эта неуверенность парализует волю и мешает принять какое бы то ни было серьезное твердое решение, а слабость и неуверенность в проведении необходимых мер только

затягивают несчастье. Когда наступает эпоха, которая не чувствует себя самой виновной за все это зло, – только тогда люди обретают необходимое внутреннее спокойствие и силу, чтобы жестоко и беспощадно вырвать всю худую траву из поля вон. У тогдашнего же австрийского государства почти совершенно не было никакого социального законодательства; его слабость в борьбе против всех этих процессов вырождения прямо бросалась в глаза». (Выделено мной. – В.Т.)

Здесь налицо признание в необходимости отказа от миролюбивой благотворительной деятельности, уверование в то, что спасение скрыто в социальном взрыве, способном сотрясти основы общества.

*** * ***

«Мне трудно сказать, что в те времена меня больше возмущало: экономические бедствия окружающей меня тогда среды, ее нравственно и морально низкий уровень или степень ее культурного падения. Как часто наши буржуа впадают в моральное негодование, когда им из уст какого-либо несчастного бродяги приходится услышать заявление, что ему в конце концов безразлично, немец он или нет, что он везде чувствует себя одинаково хорошо или плохо в зависимости от того, имеет ли он кусок хлеба. По поводу этого недостатка „национальной гордости“ в этих случаях много морализируют, не щадя крепких выражений. Но много ли поразмыслили эти национально гордые люди над тем, чем, собственно, объясняется то обстоятельство, что сами они думают и чувствуют иначе.

Много ли поразмыслили они над тем, какое количество отдельных приятных воспоминаний во всех областях культурной и художественной жизни дало им то впечатление о величии их родины, их нации, какое и создало для них приятное ощущение принадлежать именно к этому богом взысканному народу?

Подумали ли они о том, насколько эта гордость за свое отечество зависит от того, что они имели реальную возможность познакомиться с величием его во всех областях?

Думают ли наши буржуазные слои о том, в каких до смешного малых размерах созданы эти реальные предпосылки для нашего «народа»?

Пусть не приводят нам того аргумента, что-де «и в других странах дело обстоит так же», и «однако» там рабочий дорожит своей родиной. Если бы даже это было так, это еще не служит оправданием нашей бездеятельности. Но это не так, ибо то, что мы у французов, например, называем «шовинистическим» воспитанием, на деле ведь является не чем другим как только чрезмерным подчеркиванием величия Франции во всех областях культуры или, как французы любят говорить, «цивилизации». Молодого француза воспитывают не в «объективности», а в самом субъективном отношении, какое только можно себе представить, ко всему тому, что должно подчеркнуть политическое или культурное величие его родины. Такое воспитание, конечно, должно относиться только к самым общим, большим вопросам и, если приходится, то память в этом отношении нужно непрерывно упражнять, дабы во что бы то ни стало вызвать соответствующее чувство в народе. А у нас мы не только упускаем сделать необходимое, но мы еще разрушаем то немногое, что имеем счастье узнать в школе. Если нужда и несчастья не вытравивали из памяти народа все лучшие воспоминания о прошлом, то мы все равно постараемся политически отравить его настолько, чтобы он позабыл о них. Представьте себе только конкретно: в подвальном помещении, состоящем из двух полутемных комнат, живет рабочая семья из семи человек. Из пятерых детей младшему, скажем, три года. Это как раз тот возраст, когда первые впечатления воспринимаются очень остро. У даровитых людей воспоминания об этих годах живы до самой старости. Теснота помещения создает крайне неблагоприятную обстановку. Споры и ссоры возникают уже из-за одной этой тесноты. Эти люди не просто живут вместе, а они давят друг друга. Малейший спор, который в более свободной квартире разрешился бы просто тем, что люди разошлись бы в разные концы, при этой обстановке зачастую приводит к бесконечной грызне. Дети еще

кое-как переносят эту обстановку; они тоже спорят и дерутся в этой обстановке очень часто, но быстро забывают эти ссоры. Когда же ссорятся и спорят старшие, когда это происходит изо дня в день, когда это принимает самые отвратительные формы, тогда эти тяжкие методы наглядного обучения неизбежно сказываются и на детях. Ну, а когда взаимная грызня между отцом и матерью доходит до того, что отец в пьяном состоянии грубо обращается с матерью или даже бьет ее, тогда люди, не жившие в такой обстановке, не могут даже представить себе, к каким все это приводит последствиям. Уже шестилетний ребенок в этой обстановке узнает вещи, которые и взрослому могут внушить только ужас. Морально отравленный, физически недоразвитый, зачастую вшивый такой молодой гражданин отправляется в школу. Кое-как он научается читать и писать, но это – все. О том, чтобы учиться дома, в такой обстановке не может быть и речи. Напротив. Отец и мать в присутствии детей ругают учителя и школу в таких выражениях, которые и передать нельзя. Вместо того, чтобы помогать ребятам учиться, родители склонны скорей поставить их на колени и высечь. Все, что приходится несчастным детям слышать в такой обстановке, отнюдь не внушает им уважения к окружающему миру. Ни одного доброго слова не услышат они здесь о человечестве вообще. Все учреждения, все власти здесь подвергаются только самой жесткой и грубой критике, – начиная от учителя и кончая главой государства.

Родители ругают всех и вся – религию и мораль, государство и общество – и все это зачастую в самой грязной форме. Когда такой паренек достиг четырнадцати лет и кончил школу, то большей частью бывает трудно уже решить, что в нем преобладает: невероятная глупость, так как ничему серьезному он научиться в школе не мог, или грубость, часто связанная с такой безнравственностью уже в этом возрасте, что волосы становятся дыбом. У него уже сейчас нет ничего святого. Ничего великого в жизни он не видел, и он заранее знает, что в дальнейшем все пойдет еще хуже в той жизни, в которую он сейчас вступает. Трехлетний ребенок превратился в пятнадцатилетнего подростка. Авторитетов для него нет никаких. Ничего кроме нищеты и грязи этот молодой человек не видел, ничего такого, что могло бы ему внушить энтузиазм и стремление к более высокому. Но теперь ему еще придется пройти через более суровую школу жизни. Теперь для него начинаются те самые мучения, через которые прошел его отец. Он шляется весь день, где попало. Поздно ночью он возвращается домой. В виде развлечения он избивает то несчастное существо, которое называется его матерью. Он раздражается потоками грубейших ругательств. Наконец подвернулся «счастливый» случай, и он попал в тюрьму для малолетних, где его «образование» получит полировку. А наши богобоязненные буржуа еще при этом удивляются, почему у этого «гражданина» нет достаточного национального энтузиазма. Наше буржуазное общество спокойно смотрит на то, как в театре и в кино, в грязной литературе и в сенсационных газетах изо дня в день отравляют народ. И после этого оно еще удивляется, почему массы нашего народа недостаточно нравственны, почему проявляют они «национальное безразличие». Как будто в самом деле грязная литература, грубые сенсации, киноэкран могут заложить здоровые основы патриотического воспитания народной массы. Что мне раньше и не снилось, то я в те времена понял быстро и основательно. Вопрос о здоровом национальном сознании народа есть в первую очередь вопрос о создании здоровых социальных отношений как фундамента для правильного воспитания индивидуума. Ибо только тот, кто через воспитание в школе познакомился с культурным, хозяйственным и прежде всего политическим величием собственного отечества, сможет проникнуться внутренней гордостью по поводу того, что он принадлежит к данному народу. Боротся я могу лишь за то, что я люблю. Любить могу лишь то, что я уважаю, а уважать лишь то, что я по крайней мере знаю». (Выделено мной – В.Т.)

Настоящая проповедь! Так и представляешь молодого Адольфа, стоящего перед толпой внимательно слушающего его народа и призывающего к социальной справедливости. Нет,

видимо Гитлеру не давали спать не только лавры Наполеона, но и самого Иисуса. Только незадачливый художник боялся в этом признаться даже самому себе!

* * *

«В своей ранней юности я слышал о социал-демократии лишь очень немного, и то, что я слышал, было неправильно. То обстоятельство, что социал-демократия вела борьбу за всеобщее, тайное избирательное право, меня внутренне радовало. Мой разум и тогда подсказывал мне, что это должно повести к ослаблению габсбургского режима, который я так ненавидел. Я был твердо уверен, что придунайская монархия не может держаться иначе, как жертвуя интересами австрийских немцев. Я знал, что даже ценой медленной славянизации немцев Австрии все-таки еще не гарантировано создание действительно жизнеспособного государства по той простой причине, что сама государственность славянского элемента находится под большим сомнением. Именно ввиду всего этого я и приветствовал все то, что по моему мнению должно было вести к краху невозможного, попирающего интересы десяти миллионов немцев, обреченного на смерть государства. Чем больше национальная грызня и борьба различных языков разгоралась и разъедала австрийский парламент, тем ближе был час будущего распада этого вавилонского государства, а тем самым приближался и час освобождения моего австро-немецкого народа. Только так в тогдашних условиях рисовался мне путь присоединения австрийских немцев к Германии. Таким образом эта деятельность социал-демократии не была мне антипатичной. Кроме того я был еще тогда достаточно неопытен и глуп, чтобы думать, что социал-демократия заботится об улучшении материального положения рабочих. И это, конечно, в моем представлении говорило больше за нее, нежели против нее. Что меня тогда более всего отталкивало от социал-демократии, так это ее враждебное отношение к борьбе за немецкие интересы, ее унижительное высуживание перед славянскими „товарищами“, которые охотно принимали практические уступки лебезивших перед ними австрийских социал-демократов, но вместе с тем третировали их свысока, как того, впрочем, вполне заслуживали эти навязчивые попрошайки.

Когда мне было семнадцать лет, слово «марксизм» мне было мало знакомо, слова же «социал-демократия» и «социализм» казались мне одинаковыми понятиями. И тут понадобились тяжелые удары судьбы, чтобы у меня открылись глаза на этот неслыханный обман народа. До тех пор я наблюдал социал-демократическую партию только как зритель во время массовых демонстраций. Я еще не имел ни малейшего представления о действительном направлении умов ее сторонников, я не понимал еще сути ее учения. Только теперь я сразу пришел в соприкосновение с ней и смог близко познакомиться с продуктами ее воспитания и ее «миросозерцания». То, что при другой обстановке потребовало бы, может быть, десятилетий, я теперь получил в несколько месяцев. Я понял, что за фразами о социальной добродетели и любви к ближнему кроется настоящая чума, зараза от, которой надо как можно скорей освободить землю под страхом того, что иначе земля легко может стать свободной от человечества. Мое первое столкновение с социал-демократатами произошло на постройке, где я работал. Уже с самого начала отношения сложились очень невесело. Одежда моя была еще в относительном порядке, язык мой был вежлив и все мое поведение сдержанно. Я все еще так сильно был погружен в самого себя, что мало думал об окружающем. Я искал работы только для того, чтобы не умереть голодной смертью и иметь возможность, хотя бы медленно и постепенно, продолжать свое образование. Может быть, я еще долго не думал бы о своем окружении, если бы уже на третий или на четвертый день не произошло событие, которое сразу же заставило меня занять позицию: меня пригласили вступить в организацию. Мои сведения о профессиональной организации в те времена были равны нулю. Я ничего не мог бы тогда сказать ни о целесообразности, ни о нецелесообразности ее существования. Но так как мне сказали, что вступить в организацию я

обязан, то я предложение отклонил. Свой ответ я мотивировал тем, что вопроса я пока не понимаю, но принудить себя к какому бы то ни было шагу я не позволю. Вероятно, благодаря первой половине моей мотивировки меня не выбросили с стройки сразу.

Вероятно, надеялись на то, что через несколько дней меня удастся переубедить или запугать. В обоих случаях они основательно ошиблись. Прошли еще две недели, и теперь я бы не мог себя заставить вступить в профсоюз, даже если бы этого захотел. В течение этих двух недель я достаточно близко познакомился с моим окружением. Теперь никакая сила в мире не могла бы принудить меня вступить в организацию, представителей которой я за это время увидел в столь неблагоприятном свете. Первые дни мне было тяжело. В обеденный час часть рабочих уходила в ближайšie трактирчики, а другая оставалась на стройке и там съедала свой скудный обед. Это были женатые рабочие, которым их жены приносили сюда в ветхой посуде жидкий обед. К концу недели эта вторая часть становилась все больше. Почему? Это я понял лишь впоследствии. Тогда начинались политические споры. Я в сторонке выпивал свою бутылку молока и съедал свой кусок хлеба. Осторожно изучая свое окружение, я раздумывал над своей несчастной судьбой. Тем не менее того, что я слышал, было более чем достаточно. Частенько мне казалось, что эти господа нарочно собираются поближе ко мне, чтобы заставить меня высказать то или другое мнение. То, что я слышал кругом, могло меня только раздражить до последней степени. Они отвергали и проклинали все: нацию, как изобретение капиталистических «классов» – как часто приходилось мне слышать это слово; отечество, как орудие буржуазии для эксплуатации рабочих; авторитет законов, как средство угнетения пролетариата; школу, как учреждение, воспитывающее рабов, а также и рабовладельцев; религию, как средство обмана обреченного на эксплуатацию народа; мораль, как символ глупого, овечьего терпения и т. д. Словом, в их устах не оставалось ничего чистого и святого; все, буквально все они вываливали в ужасной грязи.

Я сначала пытался молчать, но в конце концов молчать больше нельзя было. Я начал высказываться, начал возражать. Тут мне прежде всего пришлось убедиться в том, что пока я сам не приобрел достаточных знаний и не овладел спорными вопросами, переубедить кого бы то ни было совершенно безнадежно. Тогда я начал рыться в тех источниках, откуда они черпали свою сомнительную мудрость. Я стал читать книгу за книгой, брошюру за брошюрой. Но на стройке споры становились все горячее. С каждым днем я выступал все лучше, ибо теперь имел уже больше сведений об их собственной науке, чем мои противники. Но очень скоро наступил день, когда мои противники применили то испытанное средство, которое, конечно, легче всего побеждает разум: террор насилия. Некоторые из руководителей моих противников поставили предо мной на выбор: либо немедленно покинуть стройку добровольно, либо они меня сбросят оттуда. Так как я был совершенно один, и сопротивление было безнадежно, я предпочел избрать первое и ушел с стройки умудренный опытом. Я ушел полный омерзения, но вместе с тем все это происшествие настолько меня захватило, что для меня стало совершенно невозможным просто забыть все это. Нет, этого я так не оставлю. Первое чувство возмущения скоро вновь сменилось упрямым желанием дальнейшей борьбы. Я решил, несмотря ни на что, опять пойти на другую стройку. К этому решению меня побудила еще и нужда. Прошло несколько недель, я израсходовал все свои скудные запасы, и безжалостный голод толкал к действию. Хотя и против воли, я должен был идти на стройку. Игра повторилась снова. Финал был такой же, как и в первый раз. Помню, что во мне происходила внутренняя борьба: разве это в самом деле люди, разве достойны они принадлежать к великому народу?

Мучительный вопрос!

Ибо если ответить на этот вопрос утвердительно, тогда борьба за народность просто не стоит труда и тех жертв, которые лучшим людям приходится приносить за таких негодяев. Если же ответить на этот вопрос отрицательно, тогда окажется, что наш народ слишком уж

беден людьми. В те дни мне казалось, что эта масса людей, которых нельзя даже причислить к сынам народа, угрожающе возрастает, как лавина, и это вызывало во мне тяжелое беспокойное чувство. С совсем другими чувствами наблюдал я теперь массовую демонстрацию венских рабочих, происходившую по какому-то поводу в эти дни. В течение двух часов я стоял и наблюдал, затаив дыхание, этого бесконечных размеров человеческого червя, который в течение двух часов ползал перед моими глазами. Подавленный этим зрелищем, я наконец покинул площадь и отправился домой. По дороге я в окне табачной лавочки увидел «Рабочую газету» – центральный орган старой австрийской социал-демократии. В одном дешевеньком народном кафе, где я часто бывал, чтобы читать газеты, этот орган также всегда лежал на столе. Но до сих пор я никак не мог заставить себя поддержать в руках более чем 1-2 минуты эту гнусную газету, весь тон которой действовал на меня, как духовный купорос. Теперь под тягостным впечатлением, вынесенным от демонстрации, какой-то внутренний голос заставил меня купить газету и начать ее основательно читать. Вечером я принял меры, чтобы обеспечить себе получение этой газеты. И несмотря на вспышки гнева и негодования, стал теперь регулярно вникать в эту концентрированную ложь. Чтение ежедневной социал-демократической прессы более, чем знакомство с ее теоретической литературой, позволило мне понять ход идей социал-демократии и ее внутреннюю сущность. В самом деле, какая большая разница между этой прессой и чисто теоретической литературой социал-демократии, где встретишь море фраз о свободе, красоте и «достоинстве», где нет конца словам о гуманности и морали, – и все это с видом пророков, и все это скотски грубым языком ежедневной социал-демократической прессы, работающей при помощи самой низкой клеветы и самой виртуозной, чудовищной лжи. Теоретическая пресса имеет в виду глупеньких святош из рядов средней и высшей «интеллигенции», ежедневная печать – массу. Мне лично углубление в эту литературу и прессу принесло еще более прочное сознание привязанности к моему народу. То, что раньше приводило к непроходимой пропасти, теперь стало поводом к еще большей любви. При наличии этой чудовищной работы по отравлению мозгов только дурак может осуждать тех, кто падает жертвой этого околпачивания. Чем более в течение ближайших годов я приобретал идейную самостоятельность, тем более росло во мне понимание внутренних причин успеха социал-демократии. Теперь я понял все значение, какое имеет в устах социал-демократии ее скотски грубое требование к рабочим выписывать только красные газеты, посещать только красные собрания, читать только красные книги. Практические результаты этого нетерпимого учения я видел теперь своими глазами с полной ясностью.

Психика широких масс совершенно невосприимчива к слабому и половинчатому. Душевное восприятие женщины менее доступно аргументам абстрактного разума, чем не поддающимся определению инстинктивным стремлениям к дополняющей ее силе. Женщина гораздо охотнее покорится сильному, чем сама станет покорять себе слабого. Да и масса больше любит властелина, чем того, кто у нее чего-либо просит. Масса чувствует себя более удовлетворенной таким учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Большею частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами, и даже чувствует себя при этом покинутой. На бесстыдство ее духовного терроризирования со стороны социал-демократии масса реагирует так же мало, как и на возмутительное злоупотребление ее человеческим правом и свободой. Она не имеет ни малейшего представления о внутреннем безумии всего учения, она видит только беспощадную силу и скотски грубое выражение этой силы, перед которой она в конце концов пасует. Если социал-демократии будет противопоставлено учение более правдивое, но проводимое с такой же силой и скотской грубостью, это учение победит хотя и после тяжелой борьбы.

Не прошло и двух лет, как мне стало совершенно ясно самое учение социал-демократии, а также технические средства, при помощи которых она его проводит. Я хорошо понял тот

бесстыдный идейный террор, который эта партия применяет против буржуазии, неспособной противостоять ему ни физически, ни морально. По данному знаку начинается настоящая канонада лжи и клеветы против того противника, который в данный момент кажется социал-демократии более опасным, и это продолжается до тех пор, пока у стороны, подвергшейся нападению, не выдерживают нервы и, чтобы получить передышку, она приносит в жертву то или другое лицо, наиболее ненавистное социал-демократии.

Глупцы! Никакой передышки они на деле все равно не получают. Игра начинается снова и продолжается до тех пор, пока страх перед этими одичалыми псами не парализует всякую волю. Социал-демократия по собственному опыту хорошо знает цену силе, и поэтому она с наибольшей яростью выступает именно против тех, у кого она в той или другой мере подозревает это редкое качество; и наоборот, она охотно хвалит те слабые натуры, которые она встречает в рядах противника. Иногда она делает это осторожно, иногда громче и смелее – в зависимости от предполагаемых духовных качеств данного лица. Социал-демократия предпочитает иметь против себя безвольного и бессильного гения, нежели натуру сильную, хотя и скромную по идейному размаху. Но более всего ей, конечно, нравятся противники, которые являются и слабохарактерными, и слабоголовыми. Она умеет создать представление, будто уступить ей – это единственный способ сохранить спокойствие; а сама в то же время умно и осторожно продолжает наступать, захватывая одну позицию за другой, то при помощи тихого шантажа, то путем прямого воровства (в такие минуты, когда общее внимание направлено в другую сторону), то пользуясь тем, что противник не желает слишком дразнить социал-демократию, создавать большие сенсации и т. п. Эта тактика социал-демократии исчерпывающим образом использует все слабости противника. Эта тактика с математической точностью должна вести к ее успехам, если только противная сторона не научится против ядовитых газов бороться ядовитыми же газами. Натурам слабым надо наконец объяснить, что здесь дело идет о том, быть или не быть. Столь же понятным стало мне значение физического террора по отношению к отдельным лицам и к массе. Здесь также имеет место совершенно точный учет психологических последствий. Террор в мастерской, на фабрике, в зале собрания или на массовых демонстрациях всегда будет иметь успех, если ему не будет противопоставлен террор такой же силы. Тогда, конечно, социал-демократическая партия подымет ужасный вой. Она, издавна отрицающая всякую государственную власть, теперь обратится к ней за помощью и опять-таки наверняка кое-чего добьется: среди «высших» чиновников она найдет ослов, которые помогут этой чуме бороться против своего единственно серьезного противника, ибо эти ослы будут надеяться таким образом заслужить себе некоторое благоволение в глазах социал-демократии. Какое впечатление этакий успех производит на широкую массу как сторонников, так и противников социал-демократии, может понять только тот, кто знает народную душу не из книг, а из живой действительности. В рядах сторонников социал-демократии достигнутая победа воспринимается как доказательство ее глубокой правоты. Противники же социал-демократии впадают в отчаяние и перестают верить в возможность дальнейшего сопротивления вообще. Чем больше знакомился я с методами физического террора, применяемого социал-демократией, тем меньше мог я возмущаться теми сотнями тысяч людей из массы, которые стали жертвой его. Тогдашнему периоду моей жизни я более всего обязан тем, что он вернул мне мой собственный народ, что он научил меня различать между обманщиками и жертвами обмана. Ни чем другим как жертвами нельзя считать этих людей, ставших достоянием обманщиков. Выше я обрисовал неприглядными штрихами жизнь «низших» слоев. Но мое изложение было бы неполным, если бы я тут же не подчеркнул, что в этих же низах я видел и светлые точки, что я не раз там наталкивался на образцы редкого самопожертвования, вернейшей дружбы, изумительной нетребовательности и скромности – в особенности среди рабочих старшего поколения. В молодом поколении рабочих эти добродетели были более редки, так как на них гораздо большее влияние оказывают отрицательные стороны больших

городов; но и среди молодых рабочих я нередко встречал многих, у которых здоровое нутро брало верх над низостями и убожеством жизни. Если эти, зачастую очень хорошие и добрые люди, вступили все-таки в ряды политических врагов нашего народа и таким образом помогали противнику, то это объясняется только тем, что они не поняли низости учения социал-демократии. Да и не могли понять, ибо мы никогда не потрудились подумать об этих людях, а общественная обстановка оказывалась сильнее, чем порой добрая воля этих слоев. В лагерь социал-демократии загоняла этих людей, несмотря ни на что, нужда. Бесчисленное количество раз наша буржуазия самым неумелым образом, а зачастую самым неморальным образом выступала против очень скромных и человечески справедливых требований – часто при этом без всякой пользы для себя и даже без какой бы то ни было перспективы получить какую-либо пользу. И вот благодаря именно этому даже приличные рабочие загонялись из профсоюзов на арену политической деятельности. Можно сказать с уверенностью, что миллионы рабочих сначала были внутренне враждебны социал-демократической партии, но их сопротивление было побеждено тем, порой совершенно безумным поведением буржуазных партий, которое выражалось в полном и безусловном отказе пойти навстречу какому бы то ни было социальному требованию. В конце концов этот отказ пойти на какое бы то ни было улучшение условий труда, принять меры против травматизма на производстве, ограничить детский труд, создать условия защиты женщины в те месяцы, когда она носит под сердцем будущего «сына отечества», – все это только помогало социал-демократии, которая с благодарностью регистрировала каждый такой отказ и пользовалась этими настроениями имущих классов, чтобы загонять массы в социал-демократический капкан. Наше политическое «бюргерство» никогда не сможет замолить этих своих грехов. Отклоняя все попытки исправить социальное зло, организуя сопротивление всем этим попыткам, эти политики сеяли ненависть и давали хотя бы внешнее оправдание заявлениям смертельных врагов нашего народа, что-де только социал-демократическая партия действительно думает об интересах трудящихся масс. Эти политики таким образом и создали моральное оправдание существованию профсоюзов, то есть тех организаций, которые издавна служат главной опорой политической партии. В годы моего венского учения я вынужден был – хотел ли я того или нет – занять позицию по вопросу о профсоюзах. Так как я смотрел на профсоюз как на неотъемлемую часть социал-демократической партии, то мое решение было быстро и... неправильно. Я отнесся к профсоюзам начисто отрицательно. Но и в этом бесконечно важном вопросе сама судьба дала мне ценные уроки. В результате первое мое мнение было опрокинуто. Имея двадцать лет от роду, я научился различать между профсоюзами как средством защиты общих социальных прав трудящихся и средством завоевания лучших условий жизни для рабочих отдельных профессий и профсоюзами как инструментами политической партии и классовой борьбы. То обстоятельство, что социал-демократия поняла громадное значение профессионального движения, обеспечило ей распоряжение этим инструментом и тем самым – успех; то обстоятельство, что буржуазия этого не поняла, стоило ей потери политической позиции. Буржуазия в своей надменной слепоте надеялась простым «отрицанием» профсоюзов помешать логическому ходу развития. На деле же вышло только то, что она направила это развитие на путь, противный логике. Что профессиональное движение само по себе будто бы враждебно отечеству – это нелепость и сверх того неправда. Правильно обратное. Пока профессиональная деятельность имеет целью улучшение жизни целого сословия, которое является одной из главных опор нации, это движение не только не враждебно отечеству и государству, напротив, оно «национально» в лучшем смысле слова. Такое профессиональное движение помогает созданию социальных предпосылок, без которых общенациональное воспитание вообще невозможно. Такое профессиональное движение приобретает ту громадную заслугу, что помогает победить социальную болезнь, уничтожает в корне бактерии этой болезни и таким образом содействует общему оздоровлению народного организма. Спорить о необходимости профсоюзов, таким образом, поистине пустое дело. Пока среди работодателей есть люди с

недостаточным социальным пониманием или тем более с плохо развитым чувством справедливости и права, задача руководителей профсоюзов, которые ведь тоже являются частью нашего народа, заключается в том, чтобы защищать интересы общества против жадности и неразумия отдельных лиц. Сохранить верность и веру в народ есть такой же интерес нации, как сохранить здоровый народ. И то и другое подтачивается теми предпринимателями, которые не чувствуют себя членами всего общественного организма. Ибо гнусная жадность и беспощадность порождают глубокий вред для будущего. Устранить причины такого развития – это заслуга перед нацией, а не наоборот. Пусть не говорят нам, что каждый отдельный рабочий имеет полное право сделать надлежащие выводы из той действительной или мнимой несправедливости, которую ему причиняют, то есть покинуть данного предпринимателя и уйти. Нет! Это ерунда. Это только попытка отклонить внимание от важного вопроса. Одно из двух: или устранение плохих антиобщественных условий лежит в интересах нации, или нет. Если да, то бороться против этого зла надо теми средствами, которые обещают успех. Отдельный рабочий никогда не в состоянии защитить свои интересы против власти крупных предпринимателей. Здесь дело идет не о победе высшего права. Если бы обе стороны стояли на одной точке зрения, то не было бы и самого спора. Здесь дело идет о вопросе большей силы. Если бы это было не так, если бы с обеих сторон было в наличии чувство справедливости, спор был бы разрешен честным образом или, точнее, он бы и вообще не возник. Нет, если антиобщественное или незаконное обращение с человеком зовет его к сопротивлению, то эта борьба может разрешаться лишь при помощи большей или меньшей силы, до тех пор пока не будет создана законная судебная инстанция для уничтожения такого зла. Но из этого вытекает, что для сколько-нибудь успешной борьбы с предпринимателем и его концентрированной силой рабочий должен выступать не как отдельное лицо, иначе не может быть и речи о победе. Ясно, что профессиональная организация могла бы вести к укреплению социальной идеи в практической жизни и тем самым к устранению тех причин, которые вызывают раздражение масс и постоянно порождают поводы к недовольству и жалобам. Если это сейчас не так, то большую часть вину за это несут те, кто мешает устранению общественного зла на путях законодательства. Вина лежит на тех, кто употребляет все свое политическое влияние, чтобы помешать такому законодательству. Чем больше политики буржуазии не понимали или вернее не хотели понять значения профессиональной организации и ставили ей все новые препятствия, тем увереннее социал-демократия забирала это движение в свои руки. С большой дальновидностью она создала для себя прочную базу, которая в критическую минуту уже не раз оказывалась ее последней защитой. Конечно, при этом внутренняя цель движения постепенно сошла на нет, что открыло дорогу для новых целей. Социал-демократия никогда и не думала о том, чтобы сохранить за профессиональным движением его первоначальные задачи. Нет, она об этом, конечно, не думала. В ее опытных руках в течение нескольких десятилетий это орудие защиты общественных прав человека превратилось в инструмент, направленный к разрушению национального хозяйства. Что при этом страдают интересы рабочих, социал-демократию несколько не трогает. Применение экономических мер давления дает возможность и в политической области применять вымогательство. Социал-демократия достаточно бессовестна для того, чтобы этим пользоваться, а идущие за ней массы обладают в достаточной мере овечьим терпением, чтобы позволить ей это делать. Одно дополняет другое». (Выделено мной. – В.Т.)

Автор и сам не заметил, когда на смену ему самому – Гитлеру-проповеднику пришел Гитлер-политикан. Неужели жизнь в таком прекрасном городе, как Вена, могла так отвратительно повлиять и на мировосприятие, и на выработку возможных средств и путей к преодолению жизненных преград. Только увлечение политикой (неважно, в какой идеологической оболочке – социал-демократия или что-то иное) могло трансформировать недовольство в стремление изменить окружающий мир самыми радикальными средствами.

* * *

«Уже на рубеже XX столетия профдвижение давно перестало служить своей прежней задаче. Из года в год оно все больше подчинялось социал-демократической политике и в конце концов превратилось исключительно в рычаг классовой борьбы. Его задачей стало изо дня в день наносить удары тому экономическому порядку, который с таким трудом едва-едва был построен. Подорвавши экономический фундамент государства, можно уже подготовить такую же судьбу и самому государству. С каждым днем профсоюзы стали все меньше и меньше заниматься защитой действительных интересов рабочих. Политическая мудрость в конце концов подсказала вожакам ту мысль, что улучшать экономическое положение рабочих вообще не стоит: если сильно поднять социальный и культурный уровень широких масс, то ведь, пожалуй, возникнет опасность, что, получив удовлетворение своих требований, эти массы не дадут больше использовать себя как безвольное орудие. Эта перспектива внушала вожакам такую большую боязнь, что они в конце концов не только перестали бороться за поднятие экономического уровня рабочих, но самым решительным образом стали выступать против такого поднятия. Найти объяснения для такого, казалось бы, совершенно непонятного поведения им было не так трудно. Они стали предъявлять такие громадные требования, что те небольшие уступки, которые удавалось вырвать у предпринимателей, должны были показаться рабочим относительно совершенно ничтожными. И вот рабочим стали изо дня в день доказывать ничтожество этих уступок и убеждать их в том, что здесь они имеют дело с дьявольским планом: уступив до смешного мало, отказать рабочим в удовлетворении их священных прав, да еще ослабить при этом наступательный натиск рабочего движения. При небольших мыслительных способностях широкой массы не приходится удивляться тому, что этот прием удавался. В лагере буржуазии очень много возмущались по поводу лживости социал-демократической тактики, но сами представители буржуазии никакой серьезной линии собственного поведения наметить не сумели. Казалось бы, что раз социал-демократия так трепещет перед каждым действительным улучшением положения рабочих, то надо было бы напрячь все силы именно в этом направлении и тем вырвать из рук апостолов классовой борьбы их слепое орудие. Ничего подобного сделано не было. Вместо того, чтобы перейти в наступление и взять позицию противника с бою, предпринимательские круги предпочли пятиться назад, уступать немного лишь под давлением противной стороны и в самую последнюю минуту соглашаться лишь на такие совершенно недостаточные улучшения, которые ввиду своей незначительности никакого действия оказать не могли и которые поэтому социал-демократия могла легко отклонить.

В действительности все оставалось по-старому. Недовольство только выросло еще больше. Уже тогда так называемые «свободные профсоюзы» висели грозным облаком над общеполитическим горизонтом и омрачали существование каждого отдельного трудящегося. Свободные профсоюзы стали одним из ужаснейших орудий террора, направленных против независимости и прочности национального хозяйства, против незыблемости государства и свободы личности. Именно свободные профсоюзы в первую очередь сделали то, что понятие демократии превратилось в смешную и отвратительную фразу. Это они опозорили свободу, это они всей своей практикой послужили живой иллюстрацией к известным словам: «если ты не хочешь стать нашим товарищем, мы пробьем тебе череп». Вот какими рисовались мне уже тогда эти друзья человечества. С годами этот мой взгляд расширился и углубился, изменять же его мне не пришлось».

Адольф Гитлер настойчиво искал свое Копье Судьбы, то есть свой, единственный путь. Причем не просто в жизни, а в претворении своей навязчивой идеи, в социальном преобразовании окружающего его мира.

* * *

«Когда интерес мой к социальным проблемам пробудился, я стал со всей основательностью изучать их. Для меня открылся новый, доселе неизвестный мне мир.

В 1909—1910 годах мое личное положение несколько изменилось; мне не приходилось больше работать чернорабочим, я смог теперь зарабатывать кусок хлеба другим путем. В это время я стал работать как чертежник и акварелист. Как ни плохо это было в отношении заработка – его действительно едва хватало, чтобы жить, – это было все же недурно с точки зрения избранной мною профессии. Теперь я уже не возвращался вечером домой смертельно усталый и неспособный даже взять в руки книгу. Моя теперешняя работа шла параллельно с моей будущей профессией.

Теперь я был в известном смысле сам господином своего времени и мог распределять его лучше, чем раньше. Я рисовал для заработка и учился для души. Теперь я получил возможность в дополнение к моим практическим наблюдениям приобрести те теоретические знания, которые нужны для разрешения социальных проблем. Я стал штудировать более или менее все, что попадалось мне в руки, читал книги и углубился в свои собственные размышления. Теперь я думаю, что окружавшие меня тогда люди несомненно считали меня чудачком. Что при этом я со всей страстью и любовью отдавался строительному искусству, понятно само собой. Это искусство наряду с музыкой казалось мне тогда королем всех искусств: занятие этим искусством при таких обстоятельствах было для меня не «трудом», а высшим счастьем. Я мог до самой глубокой ночи читать или чертить, не уставая. Во мне все крепла вера, что хотя и через много лет для меня все-таки наступит лучшее будущее. Я был убежден, что придет время, и я составлю себе имя как архитектор. Что рядом с этим я обнаруживал большой интерес ко всему тому, что связано с политикой, казалось мне вполне естественным. В моих глазах это была само собою разумеющаяся обязанность всякого мыслящего человека. Кто не интересовался политическими вопросами, в моих глазах терял всякое право критиковать или даже просто жаловаться. И в этой области я много читал и много учился. Скажу тут же, что под «чтением» я понимаю, быть может, нечто совсем другое, чем большинство нашей так называемой «интеллигенции». Я знаю многих, которые «читают» бесконечно много – книгу за книгой, букву за буквой; и все-таки я не назову этих людей иначе, как только «начитанными». Конечно, люди эти обладают большим количеством «знаний», но их мозг совершенно неспособен сколько-нибудь правильно усвоить, зарегистрировать и классифицировать воспринятый материал.

Они совершенно не обладают искусством отделять в книге ценное от ненужного, необходимое держать в голове, а излишнее, если возможно, просто не видеть и во всяком случае не обременять себя балластом. Ведь и чтение не является самоцелью, а только средством к цели. Чтение имеет целью помочь человеку получить знания в том направлении, какое определяется его способностями и его целеустремлением. Чтение дает человеку в руки те инструменты, которые нужны ему для его профессии, независимо от того, идет ли речь о простой борьбе за существование или об удовлетворении более высокого назначения. Но с другой стороны, чтение должно помочь человеку составить себе общее мирозерцание. Во всех случаях одинаково необходимо, чтобы содержание прочитанного не откладывалось в мозгу в порядке оглавления книги. Задача состоит не в том, чтобы обременять свою память определенным количеством книг. Надо добиваться того, чтобы в рамках общего мировоззрения мозаика книг находила себе соответствующее место в умственном багаже человека и помогала ему укреплять и расширять свое мирозерцание. В ином случае в голове читателя получается только хаос. Механическое чтение оказывается совершенно бесполезным, что бы ни думал об этом несчастный читатель, наглотаившийся книг. Такой читатель иногда самым серьезным образом считает себя «образованным», воображает, что он хорошо узнал жизнь, что он обогатился знаниями, а между тем на деле по мере роста такого «образования» он все больше и больше удаляется от своей цели. В конце концов, он кончит либо в санатории, либо «политиком» в парламенте. Кто так работает над собой, тому

никогда не удастся использовать свои хаотические «знания» для тех целей, которые возникают перед ним в каждый данный момент. Его умственный балласт расположен не по линии жизни, а по линии мертвых книг. И хотя жизнь много раз будет наталкивать его на то, чтобы взять из книг действительно ценное, этот несчастный читатель сумеет только сослаться на такую-то страницу прочитанного в книге, но не сумеет применить ее к жизни. В каждую критическую минуту такие мудрецы в поте лица ищут в книгах аналогий и параллелей и, конечно, неизбежно попадают пальцем в небо. Если бы это было не так, то политические действия иных наших ученых правителей были бы совершенно необъяснимы. Тогда бы нам остался единственный вывод: вместо патологических наклонностей констатировать у них свойства простых мошенников. Тот же человек, который умеет правильно читать, сумеет любую книгу, любую газету, любую прочитанную им брошюру использовать так, чтобы взять из нее все действительно ценное, все действительно имеющее не только преходящее значение. Он сумеет расчлнить и усвоить приобретенный новый материал так, что это поможет ему уточнить или пополнить то, что он уже знал раньше, получить новый материал, помогающий обосновать правильность своих взглядов. Если перед таким человеком жизнь внезапно поставит новые вопросы, его память моментально подскажет ему из прочитанного то, что нужно именно для данной ситуации. Из того материала, который накопился в его мозгу в течение десятилетий, он сумеет быстро мобилизовать то, что нужно для уяснения поставленной новой проблемы и для правильного ответа на нее. Только такое чтение имеет смысл и цель.

Тот оратор, например, который не сумеет именно в таком порядке усваивать свой материал, никогда не будет в состоянии, наткнувшись на возражение, в достаточной степени убедительно защищать свой собственный взгляд, хотя бы этот взгляд был тысячу раз правилен и соответствовал действительности. В каждой дискуссии память непременно подведет такого оратора, в нужную минуту он не найдет ни доводов для подтверждения своих собственных тезисов, ни материал для опровержения противника. Если дело идет о таком ораторе, который может осрамить только лично самого себя, то это еще полбеды: гораздо хуже, когда слепая судьба сделает такого всезнающего и вместе с тем ничего не знающего господина руководителем государства. Что касается меня, то я уже с самой ранней молодости старался читать именно правильно. К счастью мне в этом помогали и память и понимание. В этом отношении венский период был для меня особенно продуктивным и ценным. Восприятия повседневной жизни давали мне толчок к углублению в изучение все новых самых различных проблем. Получив возможность практику обосновать теорией и теорию проверять на практике, я обезопасил себя от того, что теория заставит меня оторваться от жизни, а практика лишит способности обобщения. Таким образом опыт повседневной жизни побудил меня к основательному теоретическому изучению двух важнейших проблем кроме социальной. Кто знает, когда именно пришлось бы мне углубиться в изучение марксизма, если бы тогдашний период не ткнул меня прямо носом в эту проблему». (Выделено мной. – В.Т.)

Гитлер сам указывает на то, что венский период стал для него переломным, а в разговорах (много лет спустя) с друзьями и политиками он подчеркивал, что самым ярким пятном в его венской жизни явился тот, незабываемый никогда «поход» в Хофбурге, где он, зачарованный, стоял над Копьем Судьбы.

В Хофбургском музее молодой Гитлер неоднократно встречал и еще одного удивительного человека – Хьюстона Стюарта Чемберлена (1855—1926).

Выходец из семьи британского адмирала, с 1882 года он обосновался в Германии, Дрездене. Воспитанный прусским гувернером (отставным военным), Чемберлен симпатизировал германскому образу мысли и стилю жизни.

Чемберлен получил прекрасное образование, мало того, он постоянно пополнял свои знания, славясь неутомимым книголюбом. Круг его чтения был достаточно широк – от Гете и Фихте до Ницше и Вагнера.

В 1899 году Чемберлен получает известность благодаря публикации своей работы – «Основы XIX века».

Чемберлен писал о том, что именно в XIX веке, благодаря выдающимся личностям, экономическим возможностям молодой германской промышленности и сельского хозяйства, природной дисциплине, формировалась немецкая нация, создавалось германское государство, выкристаллизовывался нордический характер, система взглядов на мир.

Поворотным пунктом он считал объединение германского народа после победы во Франко-прусской войне 1870 году вокруг Вильгельма Прусского, Отто Бисмарка и Хельмута Карла фон Мольтке.

«Германский ум должен был повести арийские народы к расовому превосходству и мировому господству», – так можно обобщить идеи Чемберлена.

Кайзер Вильгельм II прочитал «Основы XIX века» от корки до корки и отправил автору восторженное письмо:

«Бог послал вашу книгу германскому народу, а вас – мне».

Чемберлен ответил, назвав Вильгельма «моим императором и богом», а его окружение «элитой великих героев новой расы».

После обмена письмами Чемберлен был приглашен к Вильгельму, их беседы длились часами, Чемберлен даже составил список книг, которые рекомендовал своему гостеприимному хозяину. Уже через неделю Чемберлена воспринимали не иначе, как наставником Вильгельма. Еще через неделю окружение Вильгельма забеспокоилось, особенно генералитет, последние считали, что Чемберлен уводит своего нового знакомого от решения важнейших государственных задач.

С Чемберленом провели соответствующие беседы, он обиделся и покинул Берлин, отправившись в Вену (хотя переписка с Вильгельмом продолжалась).

Будучи в Вене, Чемберлен постоянно посещал Хофбург, часами рассматривал копье Лонгина и «ощущал дух Времени». В переписке он внушал Вильгельму необходимость овладеть копьем. Тот собирался убедить австрийского императора прислать копье якобы для демонстрации реликвии, чтобы присвоить ее. Но Франц-Иосиф I оказался недоверчивым и ответил вежливым отказом.

В 1910 году он встретил у витрины с копьем Гитлера. Общение с ним прервала мировая война и последующие за ней революции в Германии и Венгрии, распад Австро-Венгрии,

Будучи уже полупарализованным, Чемберлен увиделся с Адольфом Гитлером в 1923 году в Байрейте, городке, где жила семья Вагнеров и где проходили знаменитые вагнеровские фестивали (Байрейтский фестиваль – музыкальные праздники, ежегодно проводившиеся с 1882 года в честь всемирно известного немецкого композитора Рихарда Вагнера, который жил и был похоронен в городке Байрейт (Бавария). После прихода к власти нацистов А. Гитлер, как страстный поклонник творчества Вагнера, решил превратить фестиваль в настоящее идеологическое действо: на него съезжались все высокопоставленные деятели Третьего рейха. Последний фестиваль при нацистах прошел летом 1944 года. После окончания Второй мировой войны организацией и проведением фестиваля руководил внук композитора Виланд Вагнер, а после его смерти в 1966 году – его брат Вольфганг Вагнер. Финансовую поддержку оказывали федеральные власти. Здесь же в Байрейте Гитлер познакомился с «наследницей» Рихарда Вагнера «по прямой линии», с Винифрид Вагнер (урожденная Вильямс) (1894–1980). Воспитывалась в семье немецкого просветителя и искусствоведа Карла Клиндворта. Жена Зигфрида Вагнера, сына известного

композитора. Через мужа познакомилась с А. Гитлером, который стал частым гостем семьи Зигфрида и Винифрида, постоянно бывал на Байрейтских фестивалях, поскольку считал себя поклонником вагнеровской музыки. С 1930 года Винифрида практически взяла на себя всю подготовку и проведение фестивалей. После прихода нацистов к власти В. Вагнер выступила в их поддержку, заявив, что только Гитлер возродит униженную и оскорбленную Германию. После окончания Второй мировой войны она была отстранена от руководства фестивалями по обвинению в сотрудничестве с нацистской партией. Однако руководство приняло на себя ее сыновья, которые полностью разделяли взгляды матери на возможное общественное устройство.).

Последние три года жизни Чемберлен вел с нацистским фюрером переписку. Он писал: «Одним касанием вы преобразили состояние моей души. То, что в час глубочайшей необходимости Германия способна порождать таких, как Гитлер, доказывает ее жизнеспособность» (Замойский Л.П. За фасадами масонского храма. М., 1990. С. 28; См. также: Holtorf I. Die verschwiegene Bruderschaft. Munchen, 1984. S.15.).

*** * ***

«Чем больше знакомился я с внешней историей социал-демократии, тем более страстно хотелось мне понять и внутреннюю сущность ее учения. Официальная партийная литература могла мне в этом отношении помочь, конечно, лишь немного. Поскольку официальная литература касается экономических тем, она оперирует неправильными утверждениями и столь же неправильными доказательствами; поскольку же дело идет о политических целях, она просто лжива насквозь. К тому же и весь крючкотворческий стиль этой литературы отталкивал меня до последней степени. Их книжки полны фраз и непонятной болтовни, полны претензий на остроумие, а на деле крайне глупы. Только вырождающаяся богема наших больших городов может испытывать удовольствие от такой духовной пищи и находить приятное занятие в том, чтобы отыскивать жемчужное зерно в навозных кучах этой литературной китайщины. Но ведь известно, что есть часть людей, которые считают ту книгу более умной, которую они менее всего понимают. Сопоставляя теоретическую лживость и нелепость учения социал-демократии с фактами живой действительности, я постепенно получал все более ясную картину ее подлинных стремлений. В такие минуты мною овладевали не только тяжелые предчувствия, но и сознание грозящей с этой стороны громадной опасности, я видел ясно, что это учение, сотканное из эгоизма и ненависти, с математической точностью может одержать победу и тем самым привести человечество к неслыханному краху. В это именно время я понял, что это разрушительное учение тесно и неразрывно связано с национальными свойствами одного определенного народа, чего я до сих пор совершенно не подозревал. Только знакомство с еврейством дает в руки ключ к пониманию внутренних, то есть действительных намерений социал-демократии. Только когда познакомишься с этим народом, у тебя раскрываются глаза на подлинные цели этой партии, и из тумана неясных социальных фраз отчетливо вырисовывается оскалившаяся маска марксизма».

*** * ***

Антисемитизм, в какие бы одежды он ни рядился, свидетельствует о деградации личности, о полном отсутствии способностей оценивать социальный вопрос беспристрастно. И это прекрасно демонстрирует Гитлер, когда от критики строя переходит к ругани в адрес нации. И в этом он находит свое Копье Судьбы:

«Теперь мне трудно, если не невозможно, сказать точно, когда же именно я в первый раз в своей жизни услышал слово „еврей“. Я совершенно не припомню, чтобы в доме моих родителей, по крайней мере при жизни отца, я хоть раз слышал это слово. Мой старик, я думаю, в самом подчеркивании слова „еврей“ увидел бы признак культурной отсталости. В

течение всей своей сознательной жизни отец в общем усвоил себе взгляды так называемой передовой буржуазии. И хотя он был тверд и непреклонен в своих национальных чувствах, он все же оставался верен своим „передовым“ взглядам и даже вначале передал их отчасти и мне. В школе я тоже сначала не находил повода, чтобы изменить эти унаследованные мною взгляды. Правда, в реальном училище мне пришлось познакомиться с одним еврейским мальчиком, к которому все мы относились с известной осторожностью, но только потому, что он был слишком молчалив, а мы, наученные горьким опытом, не очень доверяли таким мальчикам. Однако я, как и все при этом, никаких обобщений еще не делал. Только в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет я стал частенько наталкиваться на слово „еврей“ – отчасти в политических беседах. И однако же, хорошо помню, что и в это время меня сильно отталкивало, когда в моем присутствии разыгрывались споры и раздоры на религиозной почве. Еврейский же вопрос в те времена казался мне не чем иным, как вопросом религии. В Линце евреев жило совсем мало. Внешность проживающих там евреев в течение веков совершенно европеизировалась, и они стали похожи на людей; я считал их даже немцами. Нелепость такого представления мне была совершенно неясна именно потому, что единственным признаком я считал разницу в религии. Я думал тогда, что евреи подвергаются гонениям именно из-за религии, это не только отталкивало меня от тех, кто плохо относился к евреям, но даже внушало мне иногда почти отвращение к таким отзываются. О том, что существует уже какая-то планомерная организованная борьба против еврейства, я не имел представления. В таком умонастроении приехал я в Вену.

Увлеченный массой впечатлений в сфере архитектуры, подавленный тяжестью своей собственной судьбы, я в первое время вообще не был в состоянии сколько-нибудь внимательно присмотреться к различным слоям народа в этом гигантском городе.

В Вене на два миллиона населения в это время было уже почти двести тысяч евреев, но я не замечал их. В первые недели на меня обрушилось так много новых идей и новых явлений, что мне трудно было с ними справиться. Только когда я постепенно успокоился и от первых впечатлений перешел к более детальному и конкретному ознакомлению с окружающей средой, я огляделся кругом и наткнулся также на еврейский вопрос. Я отнюдь не хочу утверждать, что первое знакомство с этим вопросом было для меня особенно приятным. Я все еще продолжал видеть в еврее только носителя определенной религии и по мотивам терпимости и гуманности продолжал относиться отрицательно ко всяким религиозным гонениям. Тон, в котором венская антисемитская пресса обличала евреев, казался мне недостойным культурных традиций великого народа. Надо мною тяготели воспоминания об известных событиях средневековой истории, и я вовсе не хотел быть свидетелем повторения таких эпизодов. Антисемитские газеты тогда отнюдь не причислялись к лучшей части прессы, – откуда я это тогда взял, я теперь и сам не знаю, – и поэтому в борьбе этой прессы против евреев я склонен был тогда усматривать продукт озлобленной ненависти, а вовсе не результат принципиальных, хотя, быть может, и неправильных взглядов. В таком мнении меня укрепляло еще и то, что действительно большая пресса отвечала антисемитам на их нападки в тоне бесконечно более достойном, а иногда и не отвечала вовсе – что тогда казалось мне еще более подходящим. Я стал усердно читать так называемую мировую прессу («Нейе фрейе прессе», «Нейес винер тагблат») и на первых порах изумлялся той громадной массе материала, которую они дают читателю, и той объективности, с которой они подходят ко всем вопросам. Я относился с большим уважением к благородному тону этой прессы, и только изредка напыщенность стиля оставляла во мне некоторое внутреннее недовольство или даже причиняло неприятность. Но, думал я, такой стиль соответствует всему стилю большого мирового города. А так как я Вену считал именно мировой столицей, то такое придуманное мною же объяснение меня до поры до времени удовлетворяло. Но что меня частенько отталкивало, так это недостойная форма, в которой эта пресса лебезила перед венским двором. Малейшие события во дворце немедленно

расписывались во всех деталях либо в тоне восхищенного энтузиазма, либо в тоне безмерного огорчения и душевного сочувствия, когда дело шло о соответствующих «событиях». Но когда дело шло о чем-либо, касающемся самого «мудрейшего монарха всех времен», тогда эта пресса просто не находила достаточно сладких слов. Мне все это казалось деланным. Уже одно это заставило меня подумать, что и на либеральной демократии есть пятна. Заискивать перед этим двором да еще в таких недостойных формах в моих глазах означало унижать достоинство нации. Это было той первой тенью, которая омрачила мое отношение к «большой» венской прессе.

Как и раньше, я в Вене с большим рвением следил за всеми событиями культурной и политической жизни Германии. С гордостью и восхищением сравнивал я подъем, наблюдавшийся в Германии, с упадком в австрийском государстве. Но если внешние политические события вызывали во мне непрерывную радость, то этого далеко нельзя было сказать о событиях внутренней жизни. Борьбу, которая в ту эпоху началась против Вильгельма II, я одобрить не мог. Я видел в Вильгельме не только немецкого императора, но прежде всего создателя немецкого флота. Когда германский рейхстаг стал чинить Вильгельму II препятствия в его публичных выступлениях, это меня огорчало чрезвычайным образом, особенно потому, что в моих глазах к этому не было никакого повода. И это заслуживало осуждения тем более, что ведь сами господа парламентские болтуны в течение какой-нибудь одной сессии всегда наговорят гораздо больше глупостей, чем целая династия королей в течение нескольких столетий, включая сюда и самых глупых из них. Я был возмущен тем, что в государстве, где всякий дурак не только пользуется свободой слова, но и может попасть в рейхстаг и стать «законодателем», носитель императорской короны становится объектом запрещений, и какая-то парламентская говорильня может «ставить ему на вид». Еще больше я возмущался тем, что та самая венская пресса, которая так лебезит перед каждым придворным ослом, если дело идет о габсбургской монархии, пишет совсем по-иному о германском кайзере. Тут она делает озабоченное лицо и с плохо скрываемой злобной миной тоже присоединяется к мнениям и опасениям по поводу речей Вильгельма II. Конечно, она далека от того, чтобы вмешиваться во внутренние дела германской империи – о, упаси боже! – но, прикасаясь дружественными перстами к ранам Германии, «мы» ведь только исполняем свой долг, возлагаемый на нас фактом союза между двумя государствами! К тому же для журналистики правда ведь прежде всего и т. д. После этих лицемерных слов можно было не только «прикасаться дружественными перстами» к ране, но и прямо копать в ней сколько влезет. В таких случаях мне прямо бросалась кровь в голову. И это заставляло меня постепенно начать относиться все более осторожно к так называемой большой прессе. В один прекрасный день я убедился, что одна из антисемитских газет – «Немецкая народная газета» – в таких случаях держится куда приличнее. Далее, мне действовало на нервы то, что большая венская пресса в ту пору самым противным образом создавала культ Франции. Эти сладкие гимны в честь «великой культурной нации» порой заставляли прямо стыдиться того, что ты являешься немцем. Это жалкое кокетничанье со всем, что есть французского, не раз заставляло меня с негодованием ронять из рук ту или другую газету. Теперь я все чаще стал читать антисемитскую «Народную газету», которая казалась мне, конечно, гораздо более слабой, но в то же время в некоторых вопросах более чистой. С ее резким антисемитским тоном я не был согласен, но все внимательнее стал я читать ее статьи, которые заставляли меня теперь больше задумываться. Все это вместе взятое заставило меня постепенно ознакомиться с тем движением и с теми вождями, которые тогда определяли судьбы Вены. Я говорю о христианско-социальной партии и о докторе Карле Люэгере. Когда я приехал в Вену, я был настроен враждебно и к этой партии и к ее вождю. И вождь и самое движение казались мне тогда «реакционными». Но элементарное чувство справедливости заставляло изменить это мнение. По мере ознакомления с делом я стал ценить их и наконец проникся чувством полного поклонения. Теперь я вижу, что значение этого человека было

еще больше, нежели я думал тогда. Это был действительно самый могущественный из немецких бургомистров всех времен. Сколько же однако моих предвзятых мнений по поводу христианско-социального движения было опрокинуто этой переменной во мне!

Постепенно изменились мои взгляды и на антисемитизм – это была одна из самых трудных для меня операций. В течение долгих месяцев чувство боролось во мне с разумом, и только после очень длительной внутренней борьбы разум одержал верх. Спустя два года и чувство последовало за разумом, и с тех пор оно стоит на страже окончательно сложившихся во мне взглядов. В эту пору тяжелой внутренней борьбы между унаследованным чувством и холодным рассудком неоценимую услугу оказали мне те наглядные уроки, которые я получал на улицах Вены. Пришла пора, когда я уже умел различать на улицах Вены не только красивые строения, как в первые дни моего пребывания в ней, но также и людей. Проходя однажды по оживленным улицам центральной части города, я внезапно наткнулся на фигуру в длиннополом кафтане с черными локонами. Первой моей мыслью было: и это тоже еврей? В Линце у евреев был другой вид. Украдкой, осторожно разглядывал я эту фигуру. И чем больше я вглядывался во все его черты, тем больше прежний вопрос принимал в моем мозгу другую формулировку. И это тоже немец? Как всегда в этих случаях, я по своему обыкновению стал рыться в книгах, чтобы найти ответ на свои сомнения. За небольшие деньги я купил себе тогда первые антисемитские брошюры, какие я прочитал в своей жизни. К сожалению, все эти книжки считали само собою разумеющимся, что читатель уже в известной степени знаком с еврейским вопросом или по крайней мере понимает, в чем состоит эта проблема. Форма и тон изложения были, к сожалению, таковы, что они опять возбудили во мне прежние сомнения: аргументация была слишком уж ненаучна и местами страшно упрощена. Опять у меня возникли прежние настроения. Это продолжалось недели и даже месяцы.

Постановка вопроса казалась мне такой ужасной, обвинения, предъявляемые к еврейству, такими острыми, что мучимый боязнью сделать несправедливость, я опять испугался выводов и заколебался. Одно было достигнуто. Теперь уж я не мог сомневаться в том, что дело идет вовсе не о немцах, только имеющих другую религию, но о самостоятельном народе. С тех пор как я стал заниматься этим вопросом и начал пристально присматриваться к евреям, я увидел Вену в совершенно новом свете. Куда бы я ни пошел, я встречал евреев. И чем больше я приглядывался к ним, тем рельефнее отделялись они в моих глазах от всех остальных людей. В особенности центральная часть города и северные кварталы его кишели людьми, которые уже по внешности ничего общего не имели с немцами. Но если бы я продолжал сомневаться в этом, то самое поведение по крайней мере части евреев неизбежно должно было бы положить конец моим колебаниям. В это время возникло движение, которое в Вене имело значительное влияние и которое самым настойчивым образом доказывало, что евреи представляют собою именно самостоятельную нацию. Я говорю о сионизме. Правда, на первый взгляд могло показаться, что такую позицию занимает только часть евреев, а большинство их осуждает и всем своим существом отвергает ее. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывалось, что это только мыльный пузырь и что эта вторая часть евреев руководствуется простыми соображениями целесообразности или даже просто сознательно лжет. Еврейство так называемого либерального образа мыслей отвергало сионизм не с точки зрения отказа от еврейства вообще, а лишь исходя из того взгляда, что открытое выставление символа веры непрактично и даже прямо опасно. По сути дела обе эти части еврейства были заодно. Эта показная борьба между евреями сионистского и либерального толков в скором времени стала мне прямо противна. Борьба эта была насквозь неправдива, зачастую просто лжива. Во всяком случае она очень мало походила на ту нравственную высоту и чистоту помышлений, которую любят приписывать этой нации. Что касается нравственной чистоты, да и чистоты вообще, то в применении к евреям об этом можно говорить лишь с большим трудом. Что люди эти не особенно любят мыться, это можно

было видеть уже по их внешности и ощущать, к сожалению, часто даже с закрытыми глазами. Меня по крайней мере часто начинало тошнить от одного запаха этих господ в длинных кафтанах. Прибавьте к этому неопрятность костюма и малогероическую внешность. Все это вместе не могло быть очень привлекательно. Но окончательно оттолкнуло меня от евреев, когда я познакомился не только с физической неопрятностью, но и с моральной грязью этого избранного народа. Ничто не заставило меня в скором времени так резко изменить мнение о них, как мое знакомство с родом деятельности евреев в известных областях. Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта и прежде всего в области культурной жизни народов, в которой не был бы замешан по крайней мере один еврей? Как в любом гнойнике найдешь червя или личинку его, так в любой грязной истории непременно натолкнешься на еврейчика. Когда я познакомился с деятельностью еврейства в прессе, в искусстве, в литературе, в театре, это неизбежно должно было усилить мое отрицательное отношение к евреям. Никакие добродетельные заверения тут не могли помочь. Достаточно было подойти к любому киоску, познакомиться с именами духовных отцов всех этих отвратительных пьес для кино и театра, чтобы ожесточиться против этих господ. Это чума, чума, настоящая духовная чума, хуже той черной смерти, которой когда-то пугали народ. А в каких несметных количествах производился и распространялся этот яд! Конечно, чем ниже умственный и моральный уровень такого фабриканта низостей, тем безграничнее его плодовитость. Этаким субъект плодит такие гадости без конца и забрасывает ими весь город. Подумайте при этом еще о том, как велико количество таких субъектов. Не забудьте, что на одного Гете природа всегда дарит нам десять тысяч таких пачкунов, а каждый из этих пачкунов разносит худшего вида бациллы на весь мир. Ужасно было убедиться, что именно евреям природа предопределила эту позорную роль. Уж не в этом ли следует искать «избранность» этого народа! Я начал тогда самым старательным образом собирать имена авторов всех этих грязных сочинений. И чем больше увеличивалась моя коллекция, тем хуже было для евреев. Сколько бы мое чувство ни продолжало сопротивляться, разум вынужден был сделать непреклонные выводы. Факт остается фактом, что хотя евреи составляли максимум сотую часть населения этой страны, среди авторов указанных грязнейших произведений девять десятых евреи. Теперь я начал с этой точки зрения присматриваться и к моей дорогой «большой прессе». Чем пристальнее я присматривался к ней, тем резче менялось мое мнение и в этой области. Стиль ее становился для меня все более несносным, содержание начинало мне казаться все более пустым и внутренне фальшивым. Под так называемой объективностью изложения я стал обнаруживать не честную правду, а большую частью простую ложь. Авторы же оказались... евреями. Теперь я стал видеть тысячи вещей, которых я раньше не замечал вовсе. Теперь я научился понимать то, над чем раньше едва задумывался. Так называемый либеральный образ мыслей этой прессы я стал видеть теперь в совершенно другом свете. Благородный тон в возражениях противникам или отсутствие ответа на нападки последних – все это оказалось не чем иным, как низким и хитрым маневром. Одобрительные театральные рецензии всегда относились только к еврейским авторам. Резкая критика никогда не обрушивалась ни на кого другого, кроме как на немцев. Уколы против Вильгельма II становились системой так же, как специальное подчеркивание французской культуры и цивилизации. Пикантность литературной новеллы эти органы возводили до степени простого неприличия. Даже в их немецком языке было что-то чужое. Все это вместе взятое настолько должно было отталкивать от всего немецкого, что это могло делаться только сознательно. Кто же был заинтересован в этом? Была ли это только случайность? Так продолжал я размышлять по этому поводу. Но мой окончательный вывод был ускорен рядом других обстоятельств. Нравы и обычаи значительной части евреев настолько беззастенчивы, что их нельзя не заметить. Улица зачастую дает и в этом отношении достаточно наглядные уроки.

Например отношение евреев к проституции и еще больше к торговле девушками можно наблюдать в Вене лучше, чем где бы то ни было в Западной Европе, за исключением, быть может, некоторых портов на юге Франции. Стоило выйти ночью на улицу, чтобы натолкнуться в некоторых кварталах Вены на каждом шагу на отвратительные сцены, которые большинству немецкого народа были совершенно неизвестны вплоть до самой мировой войны, когда часть наших германских солдат на восточном фронте имела возможность или, точнее сказать, вынуждена была познакомиться с таким зрелищем. А затем пришло и возмущение. Теперь я уж больше не старался избежать обсуждения еврейского вопроса. Нет, теперь я сам искал его. Я знал теперь, что тлетворное влияние еврейства можно открыть в любой сфере культурной и художественной жизни, и тем не менее я не раз внезапно наталкивался на еврея и там, где менее всего ожидал его встретить. Когда я увидел, что евреи являются и вождями социал-демократии, с глаз моих упала пелена. Тогда пришел конец полосе длительной внутренней борьбы. Уже в повседневном общении с моими товарищами по постройке меня часто поражало то хамелеонство, с которым они по одному и тому же вопросу высказывали совершенно разные мнения иногда на протяжении нескольких дней и даже нескольких часов. Мне трудно было понять, каким образом люди, которые с глазу на глаз высказывают довольно рассудительные взгляды, внезапно теряют свои убеждения, как только они оказываются в кругу массы. Часто я приходил в отчаяние. Иногда после нескольких часов мне казалось, что я переубедил на этот раз того или другого из них, что мне наконец удалось сломить лед и доказать им нелепость того или иного взгляда. Едва успевал я порадоваться своей победе, как на следующий же день, к моему горю, приходилось начинать сначала. Все было напрасно. Как раскачивающийся маятник возвращается к своей исходной точке, так и они возвращались к своим прежним нелепым взглядам. Я еще мог понять, что они недовольны своей судьбой; что они проклинают ее за то, что она зачастую обходится с ними довольно жестко; что они ненавидят предпринимателей, в которых видят бессердечных виновников этой судьбы; что они ругают представителей власти, которые в их глазах являются виновниками их положения; что они устраивают демонстрации против роста цен; что они выходят на улицу с провозглашением своих требований, – все это кое-как еще можно было понять. Но что было совершенно непонятно, так это та безграничная ненависть, с которой они относятся к собственной народности, к величию своего народа, та ненависть, с которой они бесчестят историю собственной страны и вываливают в грязи имена ее великих деятелей. Эта борьба против собственной страны, собственного гнезда, собственного очага бессмысленна и непонятна. Это просто противоестественно. От этого порока их можно было излечить иногда на несколько дней, максимум на несколько недель. В скором времени при встрече с тем, кто казался тебе излеченным, приходилось убеждаться, что он остался прежним, что он опять во власти противоестественного».

Без комментария!

*** * ***

«Постепенно я убедился в том, что и социал-демократическая пресса в преобладающей части находится в руках евреев. Этому обстоятельству я не придавал особенно большого значения, так как ведь и с другими газетами дело обстояло так же. Одно обстоятельство, однако, приходилось отметить: среди тех газет, которые находились в еврейских руках, нельзя было найти ни одной подлинно национальной газеты в том смысле, в каком я привык понимать это с детства. Я превозмог себя и стал теперь систематически читать эти произведения марксистской печати. Мое отрицательное отношение к ним стало бесконечно возрастать. Тогда я поставил себе задачу поближе узнать, кто же фабриканты этих концентрированных подлостей. Начиная с издателя, все до одного были евреи. Все это имело ту хорошую сторону, что по мере того, как мне выяснились подлинные носители или распространители идей социал-демократии, моя любовь к собственному народу стала

возрастать. Видя такую дьявольскую ловкость обманщиков, мог ли я продолжать проклинать тех простых немецких людей, которые становились жертвой обмана. Ведь сам я лишь с трудом избавился от тех пут, которые расставляла мне лживая диалектика этой расы. И сам же я убедился, как трудно иметь дело с этими людьми, которым ничего не стоит лгать на каждом шагу, начисто отрицать только что сказанное, через одну минуту переменить свое мнение и т. д.

Нет, чем больше я узнавал еврея, тем больше я должен был прощать рабочего. Всю тяжесть вины я возлагал теперь не на рядового рабочего, а на тех, кто не хочет взять на себя труд сжалиться над ними и дать сыну народа то, что по всей справедливости ему принадлежит, и кто не старается вместе с тем прижать к стенке обманщика и вредителя. Опыт повседневной жизни побудил меня теперь пристальней заняться изучением самих источников марксистского учения. Влияние этого учения стало мне ясным, его успехи бросались в глаза каждый день. Последствия этих успехов также можно было легко себе представить, если иметь хоть немножко фантазии. Для меня оставался только еще неясным вопрос о том, понимали ли сами создатели этого учения, к каким именно результатам должно оно привести, видели ли они сами неизбежные окончательные последствия их злого дела или сами они были жертвой ошибки. Возможным казалось мне тогда и то и другое. В первом случае обязанностью каждого мыслящего человека было войти в лагерь этого несчастного движения, чтобы таким образом все-таки помочь избежать наибольшего зла; во втором случае первые виновники этой народной болезни должны были быть исчадием ада, ибо только в мозгу чудовища, а не человека мог возникнуть конкретный план создания такой организации, деятельность которой должна привести к краху человеческой культуры, к уничтожению мира. В этом последнем случае спасти могла только борьба; борьба всеми средствами, которые только знают человеческий дух, человеческий разум и воля, независимо от того, какой стороне судьба принесет окончательную победу. Вот что привело меня к мысли о необходимости поближе познакомиться с основателями этого учения и таким образом изучить его истоки. Своей цели я достиг, быть может, скорей, чем надеялся сам. Это произошло благодаря тому, что я имел уже тогда некоторые, хотя я и стал скупать все доступные мне социал-демократические брошюры и добиваться, кто же их авторы. Одни евреи! Я стал приглядываться к именам почти всех вождей. В подавляющем большинстве – тоже сыны «избранного» народа. Кого ни возьми – депутатов рейхсрата, секретарей профсоюзов, председателей местных организаций, уличных агитаторов – все евреи. Куда ни глянешь – все та же тяжелая картина. Имена всех этих Аустерлицев, Давидов, Адлеров, Эленбогенов навеки останутся в моей памяти. Одно мне стало теперь совершенно ясным: та партия, с рядовыми представителями которой я в течение ряда месяцев вел упорную борьбу, находилась под полным, исключительным руководством чужого народа, ибо что еврей не является немцем, это я теперь знал окончательно и бесповоротно. Только теперь я окончательно узнал, кто является обманщиком нашего народа. Уже одного года моего пребывания в Вене было достаточно, чтобы прийти к убеждению: ни один рабочий не является настолько ограниченным, чтобы нельзя было переубедить его, если подойти к нему с лучшим знанием дела и лучшим умением объяснить ему суть. Постепенно я хорошо ознакомился с учением социал-демократии, и теперь это знание я мог хорошо использовать в борьбе за свои убеждения. Почти всегда успех оказывался на моей стороне. Основную часть массы можно было спасти. Но только ценой долгого времени и терпения. Еврея же никогда нельзя было отклонить от его взгляда. В те времена я был еще достаточно наивным, чтобы пытаться доказать им все безумие их учения. В моем маленьком кругу я спорил с ними до хрипоты, до мозолей на языке в полной уверенности, что должен же я их убедить во вредоносности их марксистских нелепостей. Результат получался противоположный. Иногда казалось, что чем больше они начинают понимать уничтожающее действие социал-демократических теорий в их применении к жизни, тем упрямей продолжают они их

отстаивать. Чем больше я спорил с ними, тем больше я знакомился с их диалектикой. Сначала они считают каждого своего противника дураком. Когда же они убеждаются, что это не так, они начинают сами прикидываться дураками. Если все это не помогает, они делают вид, что не понимают, в чем дело, или перескакивают совсем в другую область. Или они с жаром начинают настаивать на том, что само собою разумеется, и как только вы соглашаетесь с ними в этом, они немедленно применяют это совсем к другому вопросу. Как только вы их поймали на этом, они опять ускользают от сути спора и не желают даже слушать, о чем же в действительности идет речь. Как вы ни пытаетесь ухватить такого апостола, рука ваша как будто уходит в жидкую грязь. Грязь эта уходит сквозь пальцы и тотчас же каким-то образом опять облегает ваши руки. Но вот вам, хотя и с трудом, удалось побить одного из этих людей настолько уничтожающе, что ему ничего не остается больше делать, как согласиться с вами. Вы думаете, что вам удалось сделать по крайней мере один шаг вперед. Но каково же ваше удивление на следующий день! На завтра же этот еврей совершенно забывает все, что произошло вчера, он продолжает рассказывать свои сказки и дальше, как ни в чем не бывало. Если вы, возмущенный этим бесстыдством, указываете ему на это обстоятельство, он делает вид искренне изумленного человека; он совершенно не может ничего вспомнить из вчерашних споров, кроме того, что он вчера как дважды два четыре доказал вам свою правоту. Иногда это меня совершенно обезоруживало. Я просто не знал, чему удивляться: хорошо привешенному языку или искусству лжи. Постепенно я начал их ненавидеть. Я научился уже понимать язык еврейского народа, и именно это обстоятельство помогло мне отделить теоретическую болтовню апостолов этого учения от их реальной практики. Еврей говорит для того, чтобы скрывать свои мысли или, по меньшей мере, для того, чтобы их завуалировать. Его подлинную цель надо искать не в том, что у него сказано или написано, а в том, что тщательно запрячено между строк. Для меня наступила пора наибольшего внутреннего переворота, какой мне когда-либо пришлось пережить. Из расслабленного «гражданина мира» я стал фанатиком антисемитизма. Еще только один раз – это было в последний раз – я в глубине души пережил тяжелый момент. Когда я стал глубже изучать всю роль еврейского народа во всемирной истории, у меня однажды внезапно опять промелькнула мысль, что, может быть, неисповедимые судьбы по причинам, которые нам, бедным людям, остаются еще неизвестными, все-таки предназначтали окончательную победу именно этому маленькому народу.

Может быть, этому народу, который испокон веков живет на этой земле, все же в награду достанется вся земля?

Имеем ли мы объективное право бороться за самосохранение или это право имеет только субъективное обоснование?

Когда я окончательно углубился в изучение марксизма и со спокойной ясностью подвел итог деятельности еврейского народа, судьба сама дала мне свой ответ. Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает таким образом у человечества предпосылки его существования и его культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы конец их существования. Если бы еврею с помощью его марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле всего человечества. Тогда наша планета, как было с ней миллионы лет назад, носилась бы в эфире, опять безлюдная и пустая. Вечная природа безжалостно мстит за нарушение ее законов. Ныне я уверен, что действую вполне в духе творца всемогущего: борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело божие».

«Из расслабленного „гражданина мира“ я стал фанатиком антисемитизма», – в этом весь Гитлер, ничего не понявший, ничему не научившийся. Он даже не удосужился внимательно вчитаться в историю христианства, историю, истоки которой уходят в землю Палестины, в историю именно еврейского народа. Для Гитлера все значение Копья Судьбы свелось к патологическому антисемитизму, не способному ничего дать тем, кто ищет ответа на вопрос: в чем смысл жизни...

Кассиус Гай и другие

Для жителей Иерусалима оставалось загадкой, чем зарабатывал себе на жизнь отставной легионер Гай Кассиус, из-за катаракты глаз он был списан с военной службы и дни свои, казалось, проводил в праздном шатании по площадям, улицам и рынкам. Его видели везде и везде он лишь лениво прожигал собственное время.

Кассиус был доволен, что именно такое впечатление складывалось о его персоне у обывателя. Он считал себя большим артистом, ведь никто и не замечал, как внимательно Кассиус прислушивался к разговорам, присматривался к людям, зорко вглядываясь в лица приезжих. Особенно интересовал его молодой выходец из Назарета, высокий, худощавый, с печальным взглядом. Его часто можно было видеть в самой гуще горожан, он постоянно что-то неторопливо объяснял, словно втолковывал непонятливым самую простую истину, зачастую его окружение составляли полтора десятка молодых людей, внешне чем-то даже похожих на него. И их постоянно можно было встретить на рынках, среди шумной толпы горожан, и они вели неторопливые разговоры с ремесленниками, торговцами или мелкими чиновниками местной администрации. Уроженца Назарета звали Иисус, а Кассиус имел самые точные указания от своего начальства – собрать на него «компромат».

«Арест не за горами», – так думал Гай, провожая глазами худую фигуру Иисуса. Но, чем дольше Кассиус наблюдал за назаретцем, чем внимательнее прислушивался к его речам, тем чаще он ловил себя на мысли, что речи Иисуса, ход мысли, логика, захватывает его самого, и, что главное, он верит словам проповедника.

Арест Иисуса застал Кассиуса врасплох, ночь отставной легионер не спал, а утром попытался задействовать все известные ему «рычаги», дабы добиться освобождения арестованного. Но, увы, слишком серьезные фигуры были использованы в игре, и рядовому служителю «плаща и кинжала» оставалось удовлетвориться, по крайней мере, ролью командира отряда легионеров, сопровождавшего Иисуса на пути к Голгофе. Весь этот путь Кассиус проделал молча, стараясь не оборачиваться назад, дабы не видеть страдания идущего на казнь.

...Кассиус запретил римским воинам перебивать Иисусу ноги (казненные в тот же день и час Гестас и Дисмас подобной пытки не избежали), кости у Мессии не должны быть переломаны, иначе будет невозможным его второе пришествие.

И еще одно, что в силах был сделать для обреченного Иисуса Кассиус – он облегчил его страдания ударом копья в бок, между четвертым и пятым ребром. Такой удар в римской армии считался «милосердным», он избавлял смертельно раненного противника от мучений.

В ту же самую секунду, когда сильным рывком Кассиус выдернул из бездыханного тела казненного оружие, и из раны хлынула кровь и вода, Гай почувствовал, как глаза его освобождаются от той тяжести, что давила на них многие годы. Катаракта оставила измученного римлянина.

Через несколько дней после казни Иисуса, оставил службу. Он поселился в Кападокии, где проповедовал идеи христианства.

*** * ***

«Потом он так говорил:

Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью.

Опасно прохождение, опасно быть в пути, опасен взор, обращенный назад, опасны страх и остановка.

В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель.

Я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо идут они по мосту.

Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы тоски по другому берегу.

Я люблю тех, кто не ищет за звездами основания, чтобы погибнуть и сделаться жертвою – а приносит себя в жертву земле, чтобы земля некогда стала землею сверхчеловека.

Я люблю того, кто живет для познания и кто хочет познавать для того, чтобы когда-нибудь жил сверхчеловек. Ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто трудится и изобретает, чтобы построить жилище для сверхчеловека и приготовить к приходу его землю, животных и растения: ибо так хочет он своей гибели.

Я люблю того, кто любит свою добродетель: ибо добродетель есть воля к гибели и стрела тоски.

Я люблю того, кто не бережет для себя ни капли духа, но хочет всецело быть духом своей добродетели: ибо так, подобно духу, проходит он по мосту.

Я люблю того, кто из своей добродетели делает свое тяготение и свою напасть: ибо так хочет он ради своей добродетели еще жить и не жить более.

Я люблю того, кто не хочет иметь слишком много добродетелей. Одна добродетель есть больше добродетель, чем две, ибо она в большей мере есть тот узел, на котором держится напасть.

Я люблю того, чья душа расточается, кто не хочет благодарности и не воздаст ее: ибо он постоянно дарит и не хочет беречь себя.

Я люблю того, кто стыдится, когда игральная кость выпадает ему на счастье, и кто тогда спрашивает: неужели я игрок-обманщик? – ибо он хочет гибели.

Я люблю того, кто бросает золотые слова впереди своих дел и исполняет всегда еще больше, чем обещает: ибо он хочет своей гибели.

Я люблю того, кто оправдывает людей будущего и искупляет людей прошлого: ибо он хочет гибели от людей настоящего.

Я люблю того, кто карает своего Бога, так как он любит своего Бога: ибо он должен погибнуть от гнева своего Бога.

Я люблю того, чья душа глубока даже в ранах и кто может погибнуть при малейшем испытании: так охотно идет он по мосту.

Я люблю того, чья душа переполнена, так что он забывает самого себя, и все вещи содержатся в нем: так становятся все вещи его гибелью.

Я люблю того, кто свободен духом и свободен сердцем: так голова его есть только труба сердца его, а сердце его влечет его к гибели.

Я люблю всех тех, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут, как провозвестники.

Смотрите, я провозвестник молнии и тяжелая капля из тучи; но эта молния называется сверхчеловек».

* * *

Слава о проповедях Кассиуса разошлась далеко за пределы Римской империи. Мало того, что речи его сурово обличали власти, проповеди Лонгина-копейщика (под таким именем знали его последователи и сторонники) взяли на вооружение бунтовщики, чьи выступления сотрясали империю последние годы.

Был отдан приказ о его аресте и суде, но Лонгин, как старый солдат, умер не распятым на кресте, а под ударами мечей: выйдя из окруженного легионерами своего дома, он, согласно легенде, криво усмехнулся и, пользуясь замешательством молодых неопытных командиров, взмахнул рукой:

– Руби, ребята!

* * *

Истошный вопль, протяжный стон.

А это вот что означало:

Все человечество кричало

И в иступлении звало

Избыть содеянное зло,

Все беды, горести, потери!...

Оруженосец в зал вбегает,

И крови красная струя

С копья струится, с острия

По рукаву его стекая.

И, не смолкая, не стихая,

Разносится со всех сторон...

Вольфрам фон Эшенбах

* * *

Историк Николай Лисовой видит историю с Кассиусом-Лонгином в ином свете, в иной трактовке:

«...Лонгин в латинском языке попросту „длинный“. В римскую армию вообще отбирались парни повыше, тем более в командный состав. Напрасно иногда думают, что воинская служба несовместима с религиозной верой. Скорее наоборот: чувство долга, обостренное до готовности отдать свою жизнь и взять чужую, ближе всего подводит человека к проблеме христианского выбора.

Каким был он в жизни, этот командир римской центурии, прибывший в Иерусалим в апреле 33 года с отрядом префекта Иудеи Понтия Пилата? Наверное, крутой и честный вояка, привычный к дисциплине, служивший не за страх, а за совесть. Может быть, он был свидетелем, как в крепости Антонии, на мощной мостовой Лифостротона, солдаты маршировали, играли в кости, избивали узников, как в любом гарнизоне. Может, был участником этих игр и жестоких забав...»

Так или иначе, спор идет лишь о «предыстории», о том, кем был Кассиус-Лонгин до появления в Иерусалиме. Но, может быть, этого не так и важно.

Важно другое:

«В храме Гроба Господня, за алтарем греческого кафоликона, находится православный придел, посвященный святому Лонгину Сотнику.

Это о нем сказано в Евангелии: «Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение (в момент смерти Спасителя на Кресте) и все бывшие, устрашились весьма и говорили: воистину Он был Сын Божий» (Мф. 27,54).

Этот стих из евангелия начертан на мраморной балюстраде придела. Некоторые из святых отцов считали, что Лонгина имеет в виду и евангелист Иоанн Богослов в рассказе о том, как пронзены были ребра Иисуса:

«Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух.

Но так как тогда была пятница, то Иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, – ибо та суббота была день великий, – просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их.

Итак, пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним.

Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени,

Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода.

И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили.

Ибо сие произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится.

Также и в другом месте Писание говорит: воззрят на Того, Которого пронзили». (Ин. 19, 30—34).

Матфей:

«Сотник же и те, которые с ним стерегли Иисуса, видя землетрясение и все большее, устрашились весьма и говорили – воистину Он был Сын Божий» (27.54).

Марк:

«Сотник, стоящий напротив Его, увидел как Он, так возгласив, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий» (15.39).

Лука:

«Сотник же, видев происходившее, прославил Бога и сказал: истинно Человек этот был праведник» (23.47).

*** * ***

О Копье и мастере его изготовившем (Финеес или Финей) найдем свидетельство в Библии, 25-я глава:

1. И жил Израиль в Ситтимае и начал народ блудодействовать с дочерьми Моава,
2. и приглашали они народ к жертвам богов своих, и ел народ жертвы их и кланялся богам их.
3. И прилепился Израиль к Ваал-Фегору. И воспламенился гнев Господень на Израиля.
4. И сказал Господь Моисею: возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем, и отвратится от Израиля ярость гнева Господня.
5. И сказал Моисей судьям Израилевым: убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору.
6. И вот некто из сынов Израилевых пришел и привел к братьям своим Маданитянку, в глазах Моисея и в глазах всего общества сынов Израилевых, когда они плакали у входа скинии собрания.
7. Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копье,
8. и вошел вслед за Израильянином в спальню и пронзил обоих их, Израильянина и женщину в чрево ее: и прекратилось поражение сынов Израилевых.
9. Умерших же от поражения было двадцать четыре тысячи.
10. И сказал Господь Моисею, говоря:

11. Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, отвратил ярость Мою от сынов Израилевых, возревновав по Мне среди их, и Я не истребил сынов Израилевых в ревности Моей;

12. посему скажи: вот, Я даю ему Мой завет мира,

13. и будет он ему и потомству его по нем заветом священства вечного, за то, что он показал ревность по Боге своем и заступил сынов Израилевых.

14. Имя убитого Израильянина, который убит с Мадиянитянкою, было Зимри, сын Салу, начальник поколения Симеонова;

15. а имя убитой Мадиянитянки Хазва; она была дочь Цура, начальника Оммофа, племени Мадиямского.

16. И сказал Господь Моисею, говоря:

17. враждуйте с Мадиянитянами, и поражайте их,

18. ибо они враждебно поступили с вами в коварстве своем, прельстив вас Фегором и Хазвою, дочерью начальника Мадиямского, сестрою своею, убитою в день поражения за Фегора.

Среди обывателей в средние века существовало убеждение что Копье Лонгина состоит из двух составляющих его стержней, закрученных в спираль, что может служить признаком органического происхождения Копья, которое «способно летать, закручиваться и раскручиваться с двух концов, но все же действует только по воле того, кто им в данный момент обладает».

Но, в таком случае, спорным является утверждение о том, что Копье первоначально принадлежало римскому легионеру (даже и командиру, и слуге «плаща и кинжала»). Или, быть может, Кассиус воспользовался этим копьём только раз – в день казни Иисуса? Или Копье приобрело такую форму после соприкосновения металла с кровью Иисуса, хлынувшей из ран?

Иудейские легенды пошли в своих фантазиях еще дальше: Копье сотворил Бог для первой жены Адама Лилит, чтобы она могла рожать детей, отсекая от себя плоть ударами Священного копья. Этой легендой, по всей видимости, можно объяснить отсутствие у Лилит обеих ног.

*** * ***

Описание Копья сохранила «История» Лиутпранда Кремонского (закончена в 961 году):

С библейских времен утекло немало времени. Сорок пять монархов владели Копьем – библейские и вполне реальные личности. И с каждым из владельцев связаны легенды и реальные истории: царь Соломон, царь Саул, Иисус Навин, Ирод Великий, Цезарь; затем оно оказалось у Кассиуса.

От Кассиуса (канонизирован как «Лонгин-копейщик») Копье Судьбы попало к Иосифу Аримафейскому, который вместе со Святым Граалем вывез его в Бретань, передав эти реликвии «Королю-рыболову».

Затем Копье «всплыло» во времена Константина Великого, который заложил Константинополь (согласно легенде, именно удар копья послужил сигналом к тому, где возводить крепостные стены этого славного города). Константин Великий приказал вделать в наконечник гвоздь, один из тех, что был вбит в тело Иисуса.

Следующий владелец Копья – Диоклетиан, потом – король вестготов Одокара, правитель готов Алларих (414—507 годы), который взял Рим и сокрушил Западную римскую империю, чуть позднее – Теодосий, Теодорих (который остановил воинственного и, казалось, непобедимого вождя гуннов Аттилу), Юстиниан.

Затем – Копье у Хлодвига (Меровинги) и переходит к Карлу Великому (ему подарил бесценную реликвию патриарх Иерусалимский; по другим данным, он получил от римского папы в качестве священной инсигнии «победную ромфею» /копье императора Константина/). Карл считал, что во многом благодаря Копью Судьбы он выиграл более пятидесяти сражений.

Известно несколько копий Копья Судьбы:

Одно хранится в Ватикане, второе – Кракове (без вставки в виде гвоздя), еще одно – в Париже (сюда его привез в XIII веке Людовик Святой, тот самый, что громил еретиков – катаров-альбигойцев, организовав крестовый поход против собственного народа).

Самое известное Копье – то, что хранится в Вене, в Хофбургском музее: его происхождение датировано III веком.

Реальная – «задокументированная» – история Копья Лонгина начинается 14 июня 1098 года в Антиохии. События описал летописец и каноник Раймунд Агильский. Одному из участников Крестового похода, простолыдину Петру Бартоломею несколько раз являлся святой Андрей и указывал место, где было зарыто Копье Судьбы. Он также требовал, чтобы об этом было сообщено непосредственно Раймунду, графу Тулузскому. Самое интересное, что место, где было зарыто копье, оказалось достаточно неожиданным – в соборе Святого Петра. Считается, что с помощью копья был взят почти что неприступный Иерусалим и еще многие иные сильно укрепленные города «неверных».

По не совсем понятным причинам крестоносцы начали сомневаться в святости копья. И тогда Петру Бартоломею во сне вновь пришел ангел Господень и предложил показать неверующим силу Копья. Был разведен большой костер, и Петр прошел через него, держа в складках одежды «Копье Лонгина», и вышел цел и невредим. Это происходило накануне пятницы (то есть Страстной, в апреле 1099 года, при осаде Арки). Свидетелей было несколько тысяч. Опять-таки по непонятным причинам сразу же после костра на него кинулась толпа. Если бы не четыре рыцаря, попытавшихся защитить его, то Петра разорвали бы на куски непосредственно на месте. В любом случае ему нанесли несколько тяжелых ран, от которых он через пару дней скончался (Trackers. su. Копье судьбы. Часть 1. [\[11\]](#)).

Этот, хофбургский, экземпляр связывают с именами и других, также широко известных в мировой истории императоров:

Побывало Копье Судьбы и в руках Фридриха Барбаросса, от него перешло к Генриху I (Адольф Гитлер отсчитывал историю «тысячелетнего Рейха» от правления Генриха I. Гитлер не раз отмечал: «Копье – перст судьбы». (См., также: Власть магических культов в нацистской Германии. М., 1992.)) «Птицелову», от него к Оттону I, затем – к Оттону III, после – к Сигизмунду I. (Император Священной Римской империи, издал указ, согласно которому Копье никогда не должно было покидать границы империи).

Генрих I (король Саксонии) держал копье во время битвы с венграми при Унтрусте. Сын Генриха I, владетель Копья, разбил монгольские орды под Лехом.

Еще при Сигизмунде было определено место хранения Копья Судьбы – собор Святой Екатерины в Нюрнберге, однако при Габсбургах перевезено в Вену.

До XX века оно лишь однажды покидало венское хранилище, его пытался присвоить Бонапарт Наполеон, но оно у него пропало самым таинственным образом. После окончательного разгрома Наполеона в 1815 года Копье вновь заняло свое почетное место в Хофбурге, упокоившись на красном бархате.

*** * ***

Хофбургский дворец – прекраснейший архитектурный памятник. Вот что найдем мы в любом из путеводителей по австрийской столице:

Главный вход в Хофбург находится на площади Михаэлерплац: огромные ворота, построенные в 1889 году по планам еще XVIII века. Они имеют зеленые (подобно

мусульманским) купола, четыре скульптурные группы с одним и тем же «накачанным» Геркулесом, разящим своих многочисленных врагов, и справа и слева – еще два фонтана – «Австрия, покоряющая море» и, соответственно, «Австрия, покоряющая сушу». Правда, к моменту сооружения фонтанов покорение и того и другого было настоящей фантазией, поскольку огромная австро-венгерская империя потеряла свои прекрасные венецианские владения и с позором проиграла тяжелейшую австро-прусскую войну.

Внутри арки – купольный вестибюль, а в нем (справа) – вход в королевские апартаменты, куда и устремляется все время основная масса любопытствующих. Любителям роскошной архитектуры там, правда, смотреть абсолютно нечего: в поисках прекрасных архитектурных ансамблей лучше всего проехать в Шенбрунн. А здесь интерес представляет, прежде всего, лишь многочисленные комнаты Франца-Иосифа, вид которого в свое время заставил героя романа Музиля «Человек без свойств» «подумать об адвокате или зубном враче, живущем без достаточной изоляции между кабинетом и частной квартирой», настолько все казалось простым.

Эти скромные апартаменты дают прекрасное представление об образе жизни австрийского императора Франца-Иосифа и его супруги Сисси: можно представить себе, как он и она с утра до вечера занимались физкультурой, много читали, принимали гостей, управляли государством.

Стоит остановиться и на площади Ин-дер-Бург (дословно: «в городе»; или «в крепости»). И снова перед вами откроется удивительная простота жизни австрийского двора в конце XIX – начале XX веков. Простота эта шла из средних веков, когда, в силу окружающего мира, роскошь была уделом немногих, даже в среде высшего света.

«Ин-дер-Бург», название это означает «в крепости», но никакой крепости здесь сейчас нет. Остатки ее (в виде подъемного механизма от моста) можно отыскать внутри красно-черных Швейцарских ворот. Первый укрепленный замок был поставлен на этом месте в XIII веке, когда вымершую династию Бабенбергов (чей дворец стоял на площади Ам-Хоф /то есть, «во дворе»/) сменил известный богемский правитель Отокар Пшемисл.

Его австрийский земельный участок, правда, буквально через пару лет (в 1278 году) мечом и огнем оторвал себе граф Рудольф Габсбург, зарубив незадачливого Отокара в бою.

Поскольку Габсбург хотел доказать правомерность своих действий, он оставил резиденцию на прежнем месте.

Венские жители, впрочем, думали по-другому: убийство Отокара они оценили как покушение на собственную независимость и подняли вооруженное восстание. Восстание было утоплено в крови, счет казненных шел на тысячи. Династия Габсбургов утвердилась в Вене более чем на шестьсот лет.

Настоящую осаду эта крепость переживала всего один раз, когда в 1481 году молодой и наглый венгерский властитель Матиаш Корвин объявил Вене войну, заставив тогдашнего императора Фридриха III переловить и съесть всех венских собак, кошек и крыс (когда поймали последнюю мышь, Фридрих, дабы дело не дошло до людоедства, отдал приказ капитулировать).

Матиаш Корвин был милостлив, он выпустил Габсбургов из Хофбурга, Через несколько лет они вернулись, чтобы в 1683 году бежать от турок, а в 1805-м и 1809 году – от Наполеона, и, наконец, в 1848 году – от очередного восстания разгневанных жителей Вены.

Вспомним еще раз Швейцарские ворота, они были построены в 1552 году первым Габсбургом, который еще и первым поселился в Хофбурге, – Фердинандом I. Он получил Австрию в подарок от старшего брата, тогдашнего испанского короля Карла.

На воротах золотыми буквами выведен длиннющий список владений удачливого в жизни и неутомимого на «шутки» Фердинанда, среди которых упомянуты и Испания (где вообще-то правил Карл), и Рим (где вообще-то правил папа), и Венгрия, которую Фердинанд очень

успешно присоединил к своим владениям через наследство (неповоротливые и тяжелые на подъем Габсбурги всегда увеличивали свои территории путем бумажных дел, включая браки и наследство, и лишь крайне редко путем меча и огня).

Заканчивается список Фердинанда сочетанием «ZC», что означает «и т. д.». Но Швейцарии в списке этом нет, просто позднее эти ворота охраняла швейцарская гвардия. Отсюда и такое название.

Часть зданий, образующих площадь Ин-дер-Бург, построена в XVI веке, но идея сделать из них парадное каре принадлежала веку XVII, эпохе барокко, когда Хофбург переживал наибольший расцвет. Произошло это при Леопольде I, который, избавив Вену навсегда от турецкой опасности, предался своим артистическим маниям. Столица приобрела вид строительной площадки. В Хофбурге он построил огромный театр для исполнения собственных музыкальных произведений, где сам же временами играл главные роли. Но театр был деревянным и не сохранился, сгорел, как всегда, от грошевой свечи.

В центре площади Ин-дер-Бург стоит памятник – не рачительному Фердинанду и не талантливому Леопольду, но человеку, при котором престижу страны был нанесен непоправимый урон, – императору Францу I, который успел побывать еще и Францем II, причем Вторым раньше, чем Первым.

Эта удивительная история связана с тем, что с XV века Габсбурги были не только правителями Австрии, но и императорами Священной Римской империи – «престижной фикции, которая, по справедливой формулировке уже упомянутого Матиаша Корвина, не была ни священной, ни римской, ни империей».

Фактически это было условное обозначение единой германской империи. Поскольку Габсбурги добились благодаря своим династическим связям неофициальной монополии на этот титул, правителями одной, совершенно крошечной Австрии им называться было просто неудобно. Но когда в начале 1800-х годов Наполеон стал всерьез обсуждать планы объединения Европы под французскими знаменами, император Франц II на всякий случай выдумал себе титул «кайзера австрийского Франца I», стремясь, тем самым, обезопасить себя от нападок воинственного соседа. Но он не учел характера Наполеона, выходца из плебейской среды, для которого и титулы, и звания, и происхождение значения не имели.

Трещавшую по швам и существующую более на бумаге Священную Римскую империю Наполеон упразднил в 1806 году одним росчерком пера (пост фактум все было оформлено юридически).

А связь с новой империей неутомимый и боязливый Франц решил иным, то же не оригинальным, а проверенным способом выдав за Наполеона свою дочь. Дипломатическим способностям венского властителя пришлось удивляться еще не раз, например тогда, когда для всех в Европе стало ясным – Наполеоновская империя вот-вот рухнет, а самого незадачливого корсиканца отправят в ссылку. Франц взял на себя в то время другую роль – хозяина исторического Венского конгресса (1815 год), в ходе которого не столько решались судьбы будущей Европы, сколько протанцовывались и проедались деньги новоявленной Австрийской империи (ежевечерне в Хофбурге накрывался ужин на несколько тысяч гостей). Памятник Францу поставили уже в «тишайшие» 1840-е годы, когда «хороший аппетит в сочетании с умеренностью амбиций (столь ярко проявленные пораженцем Францем) были возведены в статус наивысших добродетелей».^[12]

Вот и вся история Хофбурга, который и без хранившегося в его стенах Копья Судьбы мог бы рассчитывать на титул «реликвия».

*** * ***

В 1224 году для венчания на царство Генриха II был изготовлен уникальный царственный реликварий – «Имперский Крест» (хранится в Хофбурге).

Имперский крест – большой крест-реликварий, высотой 78 см и длиной перекладины 71 см, стоящий на дубовой, покрытой золотой фольгой подставке и украшенный с обеих сторон драгоценными камнями и жемчугом. По форме крест равноконечный, греческий, с квадратными накладками по концам и в средокостии.

Созданный немецкими ювелирами, Имперский крест был с самого начала предназначен для хранения императорских реликвий. Внутри креста имеются открывающиеся с передней стороны пеналы-ковчежцы, в которых хранились частицы Животворящего Креста (в нижней вертикальной части), Святое Копье (в перекладине) и другие реликвии.

Копье Святого Лонгина хранится в настоящее время отдельно.

Копье Лонгина – стальной наконечник, состоящий из двух частей, скрепленных серебряной проволокой и стянутых золотой муфтой. Длина копья – 50 см. Надпись на золотой муфте гласит: «Копье и Гвоздь Господни». На внутреннем серебряном обруче – текст:

«Генрих III, милостию Божией римский император, август, приказал сделать сей обруч, дабы скрепить Гвоздь Господень и Копье святого Маврикия».

*** * ***

Кто только не любовался Копьем, кто только не испытывал желания покорить мир, лишь выйдя за стены Хофбурга?

Политики и военные, философы и пииты, авантюристы и священники...

Известна история посещения в 1878 году Хофбурга двумя великими представителями рода человеческого – философом и композитором, Фридрихом Ницше (1844—1900) и Рихардом Вагнером (1813—1883):

Ницше и Вагнер стоят у витрины с Копьем в Хофбурге.

Ницше:

– Бог умер... Его убили и ты и я...

Вагнер ответил ему словами, вложенными самим же Ницше в уста Заратустры:

– Бог умер, и вместе с ним умерли и эти хулители...

Кого имел в виду Вагнер:

Себя и Ницше?

Или иных?

После появления на свет вагнеровского «Парсифаля» (1882 год) дороги этих двух людей разошлись. Каждый из них пошел своей дорогой, что, впрочем, закономерно... (Считается, что Ницше разгневался на Вагнера за «христианские нотки» в «Парсифале». Ницше возражает против христианства, потому что оно принимает, как он выражается, «рабскую мораль»... Согласно его оценкам, Французская революция и социализм, в сущности, по духу своему тождественны христианству. Все это он отрицает и все по той же причине: он не желает рассматривать всех людей как равных ни в каком отношении. /Бертран Рассел/)

Вагнер – один из немногих, кто прикоснулся к тайным евангелическим реликвиям, его «Парсифаль» – тому доказательство.

– Немецкий народ, – отмечал Вагнер, – созданы для великой миссии, о которой их соседи – славяне, французы или скандинавы – не имеют никакого представления. Миссия немцев – избавить мир от поклонения «золотому тельцу». И это – не сугубо «национальная миссия», а – вселенская.

Гитлер был хорошо знаком с музыкой и литературными трудами Рихарда Вагнера. Знал он и о том, что Вагнер, вместе с Ницше, побывал в Хофбурге. В библиотеке фюрера хранилось несколько книг автора, в том числе и та, на страницах которой Вагнер

опубликовал свою знаменитую статью «Иудаизм в музыке» (Впервые опубликована в издании: «Neu Zeitschrift fur Musik» в сентябре 1850 года.).

Гитлер внимательно читал Вагнера, подчеркивая карандашом наиболее интересные, на его взгляд, самые значимые высказывания:

«В государстве общество обязано жертвовать частью собственного эгоизма ради благополучия большинства. Непосредственной целью государства является стабильность, достижение спокойствия».

* * *

«Народ составляют те, кто думает инстинктивно. Народ ведет себя бессознательно и на этом основании природно-инстинктивно».

* * *

«Демократия – это вообще не немецкое, а откуда-то заимствованное понятие. Франко-иудейская демократия – омерзительная вещь».

* * *

...Вспомнил Новалиса: «Наверное, никто не отклоняется так далеко от цели, как тот, кто воображает себя уже знающим необычайное царство и умеющим в немногих словах изложить его устройство и найти верный путь. Никому, кто объединился и сделался как бы островом, не дается само собой понимание... Долгое непрестанное общение, свободное и искусное созерцание, чуткость к тихим знакам и приметам, внутренняя поэтическая жизнь, развитые чувства, простая и благочестивая душа – вот что по существу требуется от настоящего друга природы...»

(Как оказалось, и у Новалиса «искали» Грааль: символ германского романтизма «Голубой цветок» Новалиса сравнивали со Священной Чашей.)

Двадцатый век – начало

«И мир разоблачит себя перед тобой, он не сможет поступить иначе...»

Франц Кафка

До начала Первой мировой войны Гитлеру еще неоднократно посчастливилось бывать в Хофбурге и соотносить свои мысли с тем внутренним голосом, что появлялся у него в момент лицезрения Копья.

Наиболее полные свидетельства о так называемом «венском периоде» жизни Гитлера оставил публицист Вальтер Иоганн Штайн (1891—1957). Штайн – уроженец Вены, здесь он окончил университет и стал доктором философии.

Еще в 1909 году Штайн сблизился в австрийской столице с Гитлером на основе общего интереса к средневековым реликвиям – копью Кассиуса-Лонгина, «Парцифалю», захватывающим воображение событиям и легендам IX века, интереса, который своими корнями уходил в поэму Вольфрама фон Эшенбаха. И Штайн, и Гитлер усмотрели в «Парцифале» учение о посвящении в «избранные» (коиими они считали и себя). Оба восхищались безумными, нечеловеческими мотивами Вагнера и упивались изложением Ницше.

Гитлер попытался систематизировать символику ступеней посвящения, заложенную в «Парцифале» Эшенбаха и «Парсифале» Вагнера.

Так, на первую ступень он поместил ворона, являвшегося постоянным спутником «Парсифаля» (и Фридриха Барбароссы, которого будущий нацистский фюрер считал едва ли не своим учителем в военном искусстве). Ворон олицетворял «перст судьбы».

На вторую ступень претендовал павлин, потом шли – лебедь (третья ступень), пеликан (четвертая ступень), лев (пятая ступень).

А на самой последней, шестой ступени, Гитлер водрузил орла, птицу, аналогичную устрашающему имперскому орлу Германии. Орел означал «всемирную судьбу», мировое господство.

Ворон, павлин, лебедь, пеликан, лев, орел, – что общего между этой шестеркой животного мира? И что еще мог почерпнуть будущий вождь германских наци из символического ряда?

Лебедь – символ верной и чистой любви, грации, совершенства, чистоты и невинности. Пара лебедей стала расхожим символом верности и неразлучности. Символика лебеда практически однородна у большинства народов мира. В Древней Греции он обозначал Зевса, который превращался в лебедя, сочетаясь в браке с Немесидой и Ледой. С этим образом связываются также изящество и поэзия. Не случайно Вергилия называли «мантуанским лебедем», Мартина Опица – «боберфельдским», а известного русского поэта Василия Жуковского – «царскосельским».

Лебедь иногда выступает символом тайны. Так, Царевна-лебедь покидает своего супруга, когда тому удастся подсмотреть, как она сбрасывает перья. «Рыцарь Лебеда» Лоэнгрин улетает от своей жены на серебряной повозке, запряженной семью лебедями, когда ей удастся узнать о его происхождении.

Античные легенды гласят, что лебедь поет только перед смертью (отсюда выражение «лебединая песня»), и потому он символизирует конец жизни. Возможно, по этой причине он ассоциировался с Аполлоном и через него с некоторыми музами, например Эрато и Клио.

Благодаря своей красоте лебедь стал атрибутом Венеры: пара лебедей везет ее колесницу. Греческий миф повествует о том, как в жену спартанского царя Тиндарея Леду влюбился Зевс, который приплыл к ней по реке в образе лебеда. В лебеда превратился друг погибшего Фаэтона Кик. Эти птицы, олицетворявшие мистерии, были символами чистоты инициированных. В этом смысле трактуется аллегория воплощения богов (секретная мудрость) в тело лебеда (инициированный).

В христианской символике лебедь служит знаком Девы Марии. Вполне сопоставим с традиционной христианской символикой известный образ славянского фольклора – Царевна-лебедь.

Однако он еще и символ лицемерия, поскольку его белоснежное оперение скрывает черное тело. Популярный на вывесках ирландских пабов «лебедь с двумя шеями» служит также символом подкупа, развращенности и продажности (Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М., 1994. С. 301; Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. Пер. с англ. М., 1999. С. 330–331, 581; Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2001. С. 120; Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В.Андреева и др. М., 1999. С. 272–273; См. также: Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. М., 2003.).

Орел – король птиц, самый распространенный символ из всей фауны, связанный с божественностью, храбростью, верой, победой, величием и властью, особенно имперской. Подобно льву среди зверей, орел воспринимается как королевская птица. Ее иногда изображают с львиной головой.

Данте не случайно назвал орла птицей Бога. Орел олицетворялся с греческим Зевсом и римским Юпитером. Орел был послан Юпитером, чтобы клевать печень Прометея. Кроме того, сам превратившийся в орла бог унес на Олимп полюбившегося ему сына легендарного царя Трои Троса Ганимеда, где сделал его своим виночерпием. Обряд апофеоза (с греческого «обожествление») римских императоров, начиная с Юлия Цезаря, включал отпускание на волю орла, который, как считалось, уносит на небо душу умершего, подобно тому, как орел унес на Олимп Ганимеда.

Орел широко используется в системе символизации в связи с солнцем и небом. У греков он был посвящен Солнцу, у египтян, под именем Ах, – Гору. В египетской иероглифике буква «А», означающая начало, солнечное тепло дня, была представлена орлом. Копты поклонялись орлу по имени Ахом. Благодаря скорости и отваге полета он ассоциируется с молнией и громом и относится к стихиям воздуха и огня.

В ведической традиции орел известен как посланник. В восточном искусстве его часто изображают сражающимся в виде птицы Гаруды, нападающей на змею. В древней Сирии орел с человеческими руками символизировал поклонение солнцу.

Орел был древним символом силы и победы и часто изображался в этом качестве на штандартах римских легионов. В том же значении он изображался и на оружии многих наций. На римских монетах орел предстал в качестве эмблемы императорской власти и легионов, а в римском искусстве он изображался восхищающим душу императора на небо. В одной из валлийских легенд о короле Артуре спящего в пещере героя охраняют орлы.

В Библии орел означает величие и всемогущество Бога. Орел, несущий жертву, рассматривался как знак победы высокого над низким. В средние века орел стал символом крещения и возрождения, а также Иисуса Христа и его вознесения. Мистики сравнивали образ взлетающего в небо орла с возносящейся к небу молитвой. В христианстве орел, как символ созерцания и духовного знания, связан с Иоанном Богословом. Аристотель утверждал, что орел может прямо смотреть на восходящее солнце. Поскольку в полете птица смотрит на «солнце славы», она стала также символом Вознесения. Со змеей в клюве орел обозначает триумф Христа над сатаной.

По легенде, орел никогда не стареет, потому что умеет обновлять свою юность. Для этого каждые десять лет он поднимается к солнцу, потом падает вниз, окунается три раза в море. Поэтому он символизирует Воскресение, а баптисты используют его изображение для обозначения новой жизни. На церковном аналое, на который кладут Библию, изображают орла с распростертыми в стороны крыльями, что символизирует божественное вдохновение и духовную силу.

В Уэльсе считалось, что крики орла предвещают несчастье или, наоборот, какое-нибудь великое событие. Если орлы кружили низко над равниной, люди ожидали угрозы смерти или эпидемии, а если парили высоко над землей, это сулило удачу. Плохой приметой считается разграбить орлиное гнездо, хотя с другой стороны, считалось, что орлиные яйца обладают магической силой. Одного яйца, съеденного на двоих, было достаточно, чтобы защититься от злых чар. Поскольку птицы обладают очень острым зрением, в народной медицине желчь орла, смешанная с медом, считалась хорошим средством против потери зрения.

В алхимической традиции орел уподобляется воздуху и обозначается треугольником вершиной вверх с поперечиной посередине. Он является герметическим символом серы и означает таинственный огонь Скорпиона и так называемые «Ворота „Великой мистерии“». Двойной орел в алхимии обозначает ртуть (Меркурия). Алхимический орел, терзающий льва, означает возвышение переменчивого над постоянным. Крылья расцениваются как знак духа, а полет орла как символ победы воображения или одухотворенной деятельности над материальными тенденциями.

В астрологии созвездие Орла находится над Водолеем, который буквально следит за движениями птицы. Водолея отождествляют с Ганимедом и комментируют этот миф как нужду богов в уранических силах жизни в лице похищенного юноши. В знаке Близнецов орел претерпевает удвоение, то есть возникает двуглавый орел – один из знаков Януса. Подобно гермафродиту, такой орел изображается в двух цветах – красном и белом.

Психологически орел обозначает гордость среди семи смертных грехов. В аллегорических сюжетах орел является атрибутом гордыни и одного из пяти чувств – зрения. Из четырех основных добродетелей орел знаменует справедливость и правосудие.

Изображение орла использовалось в геральдике многих стран. Он является геральдическим символом власти, господства, великодушия и прозорливости. На гербах чаще всего изображается летящим грудью вперед с поднятыми вверх или парящими крыльями. Он входил в состав эмблемы мантуанской династии Гонзага – покровителей искусства в эпоху Возрождения. В США он изображен на государственной печати, принятой в 1782 году. Коронованные властители Европы (России, Польши, Германии, Австрии и Наполеон Бонапарт) сделали двуглавого орла своим символом. Впервые двуглавого орла использовал император Константин, чтобы показать единство развалившейся империи. Кружок над головой орла описывают как «орел в диадеме» (Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М., 1994. С. 296; Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999. С. 81–82, 148, 405–406; Хоул К. Энциклопедия примет и суеверий. М., 1999. С. 283–284; Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2001. С. 120; Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. М., 1999. С. 361–363; См. также: Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. М., 2003.).

Лев – царь зверей, один из самых часто встречающихся символов храбрости, быстроты, стойкости, силы и величия на протяжении тысяч лет. Львиные фигуры изображаются на царских тронах в Индии и на львиных воротах в Микенах. Каменные изваяния львов встречаются у входа в буддийские храмы в Китае. В Древнем Египте даже ключи от храмов были сделаны в форме льва. Трон царя Соломона был украшен золотыми львами, да и сам он был уподоблен царю зверей с ключом мудрости в зубах.

Символика льва вскрывает древнюю мистерию жертвы и законы воздаяния. Лев также является светоносным символом огня и Солнца. Не случайно в Египте, где его шкура была атрибутом Солнца, фараона обычно изображали в виде льва. В Древней Греции лев также считался проводником солнца. Изображения льва как символа духа часто появлялись на амулетах и талисманах.

Лев как знак Солнца нередко ассоциируется с идеей всепожирающего времени. Непобедимый лев означает непобедимость времени. «Кронос Митры» – божество, олицетворяющее бесконечное время, имеет фигуру человека с головой льва или изображается человеком с головой льва на груди. Цербер, охраняющий в подземном царстве реку Стикс, имел три головы: посредине голову льва, а по краям – волка и собаки. Это были знаки трех аспектов времени: непобедимый лев отражал настоящее, волк изображал прошлое, которое охотится за воспоминаниями, а преданная собака указывала на будущее. Лев в виде змея с головой льва как знак настоящего времени помещался у ног Аполлона, выступающего повелителем небесных сфер и времени.

Тем не менее, каждая традиционная культура преломляла этот символ по-своему. В Египте лев был связан с богами Ра, Осирисом и Гором, а также выступал воплощением богинь Тефнут и Хатор. Древнеегипетская богиня Бастет, олицетворяющая жизнь и плодородие, изображалась в виде женщины с головой львицы или кошки. Амт – лев с головой крокодила – пожирал грешников. Священные коровы – проекции Исиды, – разгневавшись, также превращались в львицу. Сирийская богиня Аллат в городе Пальмира была представлена львом, держащим в когтях ягненка. В Греции лев был календарной эмблемой: весной Дионис мог являться в образе льва.

В Индии лев был воплощением хранителя мирового порядка Вишну, а человек-лев (нарасимха) – олицетворение силы и мужества – означал веру в Вишну. Дурга – жена Шивы – как женский аспект духовной мощи изображалась сидящей на льве. В странах с буддийской традицией лев означал храбрость и благородство. Он также символизировал Север, с которым связан приход Будды и его царствование. В Китае Будда почитался «львом среди людей», а львиный рык связывался с голосом Будды. В исламе святой Али – «царь святых» – именовался «львом Аллаха».

У славянского племени лютичей лев был символом бога войны Радогоста, который почитался как третье воплощение Дажьдбога. Главный храм лютичей – Ретры – был украшен многочисленными изображениями львов.

В Ветхом Завете со львом сравниваются Иуда, Дан, Саул и Даниил. Лев – один из четырех явленных Иезекиилю животных. Пророчество Исаяи дает библейскую символику льва, мирно покоящегося рядом с овцой, что означает человека, трансформировавшего свою необузданную волю в мужество, силу и любовь. В Новом Завете крылатый лев стал символом святого Марка и, соответственно, с XII века, Венеции, покровителем которой считается святой Марк. Также знак отшельничества и одиночества, ввиду чего соотносится со многими христианскими святыми. Согласно популярной притче, Иероним вынул занозу из лапы льва, который с тех пор стал его преданным другом. Лев, как символ силы духа, изображается у ног святого покровителя солдат и мясников, защитника от чумы Адриана. Лев является атрибутом великомучениц Евфимии и Феклы, брошенных на съедение львам, пощадившим их. Лев ассоциируется и с Христом, называемым в Откровении Иоанна «Львом от колена Иудина».

На раннехристианских погребениях льва изображали как символ Воскресения. В средние века существовало представление, что львята рождаются бездыханными и оживают только через три дня, после того, как лев-отец возвращал их к жизни посредством своего дыхания. Именно это поверье сделало льва символом воскресения.

Поскольку в античные и средние века верили, что лев спит с открытыми глазами, он стал символизировать бдительность и, таким образом, его символ стал идеальным стражем на дверях церквей, могилах, монументах и мостах. Статуи львов охраняют двери дворцов и усыпальниц по всему свету, а голова льва с вдетым в ноздри кольцом часто является формой дверных ручек. В греческой и римской архитектуре изображения львов использовали как ксенофилаксы – охранители источников.

Лев отождествляет своим знаком красоту и совершенство. Выражение «светский лев» означает человека безупречных светских манер. Знак верности льва известен по басне о благородном льве, умирающем на могиле своего хозяина Андрокла.

Лев является традиционным символическим животным в религиозном и светском искусстве со многими приписываемыми ему значениями. Шкура льва является атрибутом Геркулеса и потому иногда персонифицированной Храбрости. Также лев символизирует одну из персонифицированных сторон света – Африку, выступает атрибутом гордыни, гнева и холерического темперамента. В христианском искусстве лев, борющийся с драконом, обозначает борьбу со злом.

Но с другой стороны, лев, держащий человека или ягненка, служит символом зла. В негативном плане лев служит эмблемой Антихриста, который должен родиться от колена Дана. В Псалтири победа над князем тьмы интерпретировалась как победа над львом и драконом. Для Юнга лев в диком состоянии является символом диких страстей и может указывать на опасность бытия, поглощаемого бессознательным.

Воображение Египта породило сфинкса – существо с телом льва, головой и верхней частью женщины, хвостом быка и крыльями орла. В стране гипербореев, согласно греческим мифам, грифоны – чудовищные птицы с орлиным клювом и телом льва – стерегли золото. Изображения грифонов встречаются на вавилонских стенах. Грифон, подобно дракону, охраняет путь к спасению. Он – знак взаимосвязи психических сил и космической энергии. В христианской символике в грифоне сочетается орел Иоанна и лев Марка – символ мужества и славы.

В масонстве лев олицетворяет мощь и славу, вершину Королевской Арки – Небесной Дуги, куда возвращается Солнце во время летнего солнцестояния.

В алхимии он служит символом сырой необработанной материи и знаком золота. Зеленый лев ассоциируется с мышьяком и свинцом, а красный – с герметическим золотом. Лев – земной противник небесного орла, хозяин природы, выразитель силы и носитель мужского принципа. Он символизирует непрерывную борьбу, солнечный свет, утро, королевский сан, победу. Крылатый лев выражает элемент огня – «философский огонь».

В антропософии лев выступает как «страж порога», встречающий каждого, желающего постигнуть сверхчувственный мир. Охранительные функции льва в эзотеризме получают дополнение в виде посвячительного смысла. Так, крылатая Артемида иногда изображается держащей за ноги укрощенных львов в окружении изображений восьми «Печатей сокрытых» как символа магической власти над циклом времени.

Как наиболее популярный зверь в геральдике, лев встречается в самых разных положениях в гербах многих фамилий, муниципалитетов и государств. В геральдических системах лев обозначает благоразумие, твердость и стойкость. На его солнечный символизм указывает лишь золотой цвет. Основная геральдическая форма – лев на задних лапах в профиль. При том обозначаются один глаз и одно ухо, а из пасти выходит окровавленный язык. Различаются и другие варианты изображения. Лев изображается вооруженным (его атрибутами могут быть лук со стрелами, сабля, меч, секира, алебарда и т. п.), коронованным, смиренным (без зубов, когтей и высунутого языка), бесхвостым или с хвостом дракона. Рождающимся называется лев, когда видна только верхняя половина его тела, а выходящим, если видны голова, плечи, передние лапы и хвост.

На эмблематическом уровне лев – знак отваги, силы, храбрости, великодушия и милости. Лев изображен на государственных гербах Швеции, Великобритании, Нидерландов, Чехословакии, Болгарии, Ирана, Канады и Испании. Со времен Ричарда I (1157—1199), которого за храбрость называли «Львиное Сердце», три льва являются эмблемой английских монархов. С другой стороны, символ британского суверена может также означать и тиранию: к примеру, на реверсе печати штата Пенсильвания, принятой в 1787 году, изображена фигура Свободы, попирающей льва, с надписью: «Жить может только один». На эмблематическом уровне символ льва часто разыгрывался в различных сочетаниях с другими знаками и атрибутами: например, лев, держащий в зубах крест.

Одним из самых загадочных примеров символизма с фигурами животных является рекламный знак «Лев и осы», который шотландский бизнесмен Абрам Лиль выбрал для изобретенного им в 1883 году «Золотого сиропа», основываясь на библейской истории со львом, убитым Самсоном, и осами, сделавшими из сот гробницу вокруг сгнившего зверя (Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М., 1994. С. 288—290; Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999. С. 55, 228, 259, 331, 582; Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2001. С. 92; Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. М., 1999. С. 273—279; См. также: Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. М., 2003.).

Многое мог почерпнуть из этого длинного символического ряда нацистский фюрер...

*** * ***

Пути Штайна и Гитлера разошлись перед самым началом Первой мировой войны. Старые приятели даже не переписывались. По мнению самого Штайна, написавшего ряд работ о «Парцифале» и об отраженных в нем событиях IX века (работ интересных, но ныне совершенно забытых), Гитлер стал «воплощением злых мировых начал», адептом бесовства, современным Антихристом. Штайн считал, что восприняв общеизвестную схему мифов, Гитлер перетолковал ее в своем, только ему понятном ключе. Так, Иисус Христос, по его утверждению, был «в основном арийцем», так же как и Гай Кассиус (Лонгин), владелец магического копья.

В середине 1930-х годов Штайн (бабаушка его была еврейкой) бежал из Австрии в Англию, где в годы Второй мировой войны являлся личным советником Уинстона Черчилля и внештатным консультантом британской разведки. Он консультировал британского премьер-министра в той области, которую знал как никто другой, – мировоззрении самого нацистского фюрера (Замойский Л.П. За фасадами масонского храма. М., 1990.).

В 1972 году вышла в свет книга Тренора Равенскрофта «Копье Судьбы». На страницах этого огромного фолианта главный рассказчик автора – Штайн поведал о многих секретах уходящего – двадцатого – века, рассказав подробно о своих приятельских отношениях с Адольфом Гитлером, которого, как требовали законы жанра, характеризовал не иначе как тирана и страшное чудовище. Свою же дружбу с ним объяснял собственной молодостью, неумением разбираться в людях и тем, что Гитлер до Первой мировой войны – это совсем не то «чудовище», которым пугали людей впоследствии.

В книге Н.Гудрика-Кларка мы найдем несколько иные данные о месте и роли Штайна во время венского периода жизни Гитлера.

«Еще один исследователь эзотеризма – Тревор Равенскрофт, связывает нацизм с антропософией. Несколько лет спустя после Второй мировой войны Равенскрофт встретил Вальтера Йоханнеса Штайна (1891—1957) (Такая „транскрипция“ имени Штайна – у Гудрика-Кларка.), австрийца, в 1933 году эмигрировавшего из Германии в Великобританию. Незадолго до установления Третьего рейха Штайн учился в вальдорфской школе в Штутгарте, созданной в соответствии с антропософскими принципами Рудольфа Штайнера. Во время своего пребывания там Штайн написал любопытную и серьезную книгу, „Weltgeschichte im Lichte des Heiligen Gral“ (1928 год) („Мировая история в свете Святого Грааля“.), которая опиралась на антропософскую интерпретацию средневековой литературы и истории. Штайн доказывал, что роман о Чаше Грааля Вольфрама фон Эшенбаха „Парцифаль“ (1200 год) написан по реальным историческим событиям девятого века и что вымышленные имена соответствуют реальным людям, жившим в империи Каролингов.

Например, король Грааля Анфортас был известен как король Карл Лысый, внук Шарлемана; Кундри, колдунья и посланница Грааля, носила имя Рисильды Злой; самим Парцифалем был «Luitward of Vercelli» – канцлер при дворе франков; Клингзор, злой волшебник и владелец Замка чудес, был не кем иным, как Ландульфом II из Капуи, человеком с дурной репутацией, которую он заслужил своими связями с темными исламскими силами на оккупированной арабами Сицилии. Бой между христианскими рыцарями и их противниками воспринимался как аллегория продолжающейся борьбы за обладание Священным копьём, предположительно протыкавшим Христа на распятии.

Тревор Равенскрофт свою оккультную версию нацизма основал на работах Штайна. В «Копье судьбы» (1972 год) он поведал о том, как молодой студент Штайн разыскал в оккультной книжной лавке старого квартала Вены экземпляр «Парцифаля». Эта книга содержала в себе многочисленные пометки и комментарии к тексту, интерпретирующие эпическую поэму как испытание посвященных, открывающее им путь к достижению трансцендентных вершин сознания. Интерпретация сопровождалась огромным количеством ссылок на труды по восточным религиям, алхимии, астрологии и мистицизму. Штайн также отметил, что через весь комментарий проходит тема расовой ненависти и пангерманизма, порой принимающего формы откровенного фанатизма. Имя, написанное на первой странице этой несколько затрепанной книжки, указывало на то, что ее прежним владельцем был не кто иной, как Адольф Гитлер. Любопытство Штайна было сильно возбуждено и на следующий день он вновь появился в лавке, чтобы расспросить ее хозяина о человеке по имени Гитлер. Эрнст Прецше, владелец лавки, сообщил Штайну, что Гитлер – прожигатель жизни, хотя и прилежно занимается изучением оккультных наук и дал ему его адрес. Штайн тут же разыскал Гитлера. В ходе их частых встреч, проходивших в конце 1912 года и начале 1913-го, Штайн понял, что Гитлер верит в то, что Священное копьё наделяет его обладателя

неограниченной властью, способной, однако, и к хорошему, и к дурному. Его предшествующими владельцами были известные Константин Великий, Карл Смелый, Генри Птицелов, Отто Великий, император Гогенштауфен. Как собственность габсбургской династии Копье хранится во дворце Хофбург, в Вене. Гитлер также стремился к обладанию Копьем для того, чтобы поддержать свои претензии.

Равенскрофт включил в свои сенсационные книги сообщение о том, что Гитлер ускорял свое оккультное развитие употреблением так называемой «галлюциногенной пейоты», с которой его познакомил... Эрнст Прецше, работавший до начала 1890-х годов помощником аптекаря в немецкой колонии в Центральной Америке» (Гудрик-Кларк Н.Окультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. Б.м., б.г. С. 238—240.).

Последние годы жизни Штайн провел в уединении, стараясь избегать общения с навязчивыми журналистами и графоманской публикой. Лишь изредка, крайне редко его удавалось убедить рассказать что-либо в добавление к уже напечатанному. И то, что он нехотя излагал, носило характер разорвавшейся информационной бомбы.

Так, он поведал о планируемой английскими спецслужбами операции по похищению из собора Святой Екатерины Копья Судьбы. Планы эти разрабатывались еще в 1941 году, однако в силу различных причин осуществление их на практике постоянно откладывалось. Ставя перед собой задачу похищения Копья англичане почему-то рассчитывали вывести, тем самым, Гитлера из равновесия, лишит его одного из душевных стержней, привести элемент хаоса.

Для осуществления столь дерзкой операции была подготовлена десантная группа, состоящая из прошедших «огонь, воду и медные трубы» британских коммандос. Двенадцать человек, затянутых в маскировочные костюмы и вооруженные до зубов, в течение целого месяца ждали команды. Но, увы, Черчилль так и не рискнул пойти ва-банк.

Американцы (об этом несколько ниже) оказались смелее.

*** * ***

Нацистам повезло с Копьем Судьбы. Его не надо было, подобно Чаше Грааля, искать в лабиринтах подземелий или в далеких от Германии странах. Оно, Копье, было совсем рядом, в австрийской столице.

1938 год, аншлюсс Австрии. Вена, Адольф Гитлер в зале, где хранится Копье. Попросил всех выйти, даже Гимmlера. Один на один с судьбой. Вышел, окинул взглядом сподвижников:

– Завоевание мира, вот моя цель.

В том же 1938 году Копье переправили из Хофбурга в собор Святой Екатерины (Нюрнберг), где оно хранилось под присмотром главы «Аненербе» В.Зиверса. Однако на него претендовали многие – например Г.Гимmlер, рассчитывая заполучить его для замка Вевельсбурга.

Между Гимmlером и Зиверсом даже произошла словесная дуэль, едва не стоившая последнему кресла руководителя «Аненербе»:

– Мой дорогой, – такое начало речи Гимmlера не предвещало ничего хорошего, – до меня дошли слухи, что вы настойчивы в стремлении заполучить Копье для своих каких-то странных экспериментов?

– Рейхсфюрер, я не скрываю своей позиции! Для организации, которую я возглавляю...

– И которой я руковожу...

– Да, да, и которой вы руководите, было бы желательно иметь эту реликвию на постоянном хранении. Мы долго ждали, когда Копье станет собственностью всего германского народа, когда его сила послужит на пользу Рейха, когда, наконец...

– Зиверс, остановитесь. Вслушайтесь в то, о чем вы говорите... Здесь все решает не мы с вами, а наш фюрер. И ему виднее, слышите, виднее, где хранить Копье. Если это Нюрнберг, то на то есть свои резоны, если Мюнхен – свои... Вы меня поняли?

– Да...

– И не стройте из себя невинную девицу, которая краснеет от каждого острого словечка.

– Рейхсфюрер...

– Не надо, Зиверс, не надо... И еще... Пока вы служите в моем ведомстве, потрудитесь соблюдать субординацию и не исходить словесным поносом. Вы меня поняли?

– Так точно!

– Хайль!

*** * ***

Но Гиммлер так и не дождался Копья, да и Зиверс лишь числился «ответственным за хранение», но от решений о Копье был отстранен. Лишь сам Гитлер имел право в любое время дня и ночи лицезреть священную реликвию. Он часто бывал в Нюрнберге (там проводились партийные нацистские съезды), и каждый раз находил время побывать в соборе Святой Екатерины (при этом религиозным человеком он никогда не был, и все, что было связано с религиозным культом, презирал, но лучшее хранилище для Копья найти было трудно).

Здесь, в соборе Святой Екатерины, Гитлер вновь и вновь возвращался к ушедшему времени, к его венскому отрезку, который он – нацистский фюрер – считал поворотным в своей жизни. И Святое Копье сыграло в этом повороте свою важнейшую роль.

Именно с конца 1930-х годов понятие «Копье Судьбы» принимает для Гитлера окончательно иной, чем просто реликвия, смысл.

Это – поиск пути, определение мировоззрения, система взглядов, иерархия оценок окружающего мира.

Гитлер, говоря о Копье Судьбы, тут же переходил на более сложные темы – судьба мира, расизм, соотношение демократии и диктатуры, цена человеческой жизни, ответственность правителя за вверенное ему государство...

Читая его – нацистского фюрера – рассуждения, ловишь себя на мысли, что Копье Судьбы трансформировалось, может быть, правильнее сказать – распалось на составные элементы – определяющие метаморфозу, произошедшую с Гитлером во время так называемого «венского периода», градирующие его личность, дающие представление о его ментальности, сочетавшей в себе взаимоисключающие моменты.

Вне всякого сомнения (не стоит рисовать Гитлера тупицей) фюрер разбирался и в искусстве и чарующих человеческую душу явлениях природы, но все это перечеркивало крест накрест черной краской поразительная мизантропия, породившая столько горя и страдания для всего мира.

Из Гитлера мог бы получиться неплохой художник (конечно, не гений, но – середнячок, коих немало существует в искусстве). Но он по-своему понял, расшифровал символику Копья Судьбы: как знак, как предопределение его судьбы – претендента на мировое господство. Таким претендентом он и остался в истории (и слава Богу!), таким же претендентом (не более того) оставались все, кто видел в Копье исключительно символ мирового господства.

Однако Гитлер, в отличие от своих многочисленных предшественников, претендовал еще на роль «гуру» (по крайней мере для граждан Германии), уже чуть ли не с тридцати лет способного дать точный и исчерпывающий ответ на все жизненно важные вопросы.

Именно этим и отличается его единственная книга «Майн кампф», которую не стоит запрещать, а необходимо читать, внимательно изучать, дабы понять, как и почему мир не в состоянии избежать появления маниакальных претендентов на мировое господство.

* * *

«Ныне я убежден, что, как правило, – я не говорю о случаях исключительной одаренности, – человек должен начать принимать участие в политической жизни не раньше тридцатилетнего возраста. Не следует делать этого раньше. В громадном большинстве случаев только к этому именно времени человек вырабатывает себе, так сказать, общую платформу, с точки зрения которой он может определять свое отношение к той или другой политической проблеме. Только после того как человек выработал себе основы такого мирозерцания и приобрел твердую почву под ногами, он может более или менее прочно занимать позицию в злободневных вопросах. Лишь тогда этот более или менее созревший человек имеет право принимать участие в политическом руководстве обществом. В ином случае существует опасность, что человеку придется либо менять свою точку зрения в очень существенных вопросах, либо остаться при старых взглядах тогда, когда разум и убеждение давно уже говорят против них. (Тридцать лет – возраст, когда сам Христос ринулся на политическую арену, став проповедником. – В.Т.)

В первом случае это очень неприятно для данного лица, ибо, обнаруживая сам колебания, он не может ожидать, чтобы его сторонники верили в него с прежней твердостью. Такой поворот руководителя ставит в беспомощное положение тех, кто следовал за ним, и нередко заставляет их испытывать чувство стыда перед противником.

Во втором же случае наступает то, что приходится особенно часто наблюдать теперь: чем больше руководитель сам потерял веру в то, что он говорил, тем более пустой и плоской становится его аргументация и тем более неразборчив он в выборе средств. Чем менее сам он теперь намерен серьезно защищать свои откровения (человек не склонен умереть за то, во что он сам перестал верить), тем более настойчивые и в конце бесстыдные требования начинает он предъявлять своим сторонникам. Наконец дело доходит до того, что он теряет последнее качество вождя и становится просто «политиканом», то есть примыкает к тому сорту людей, единственным принципом которых является беспринципность, сочетаемая с грубой навязчивостью и зачастую развитым до бесстыдства искусством лжи. Ну, а если такой все еще продолжает оставаться руководителем целого общества, то вы можете быть наперед уверены, что для него политика превратилась только в «героическую» борьбу за возможно более продолжительное обладание местечком. На парламент он смотрит, как на дойную корову для себя и своей семьи. Чем больше эта «должность» нравится жене и родственникам, тем более цепко будет он держаться за свой мандат. Уже по одному этому каждый человек, обладающий здоровым политическим инстинктом, будет казаться ему личным врагом. В каждом новом свежем движении он видит возможное начало своего собственного конца. В каждом более крупном человеке – угрозу своему личному существованию. Ниже мне придется еще более подробно говорить об этом виде парламентских клопов. (Очень удачное, на наш взгляд, определение политиканства; оно актуально и сегодня. – В.Т.)

Конечно, и тридцатилетнему в течение его дальнейшей жизни придется еще многому учиться, но для него это будет только пополнением знаний в рамках того мирозерцания, которое он уже себе составил. Ему уже не придется теперь переучиваться в основном и принципиальном, ему придется лишь пополнять свое образование, и сторонникам его не придется испытывать тягостное чувство от сознания того, что руководитель до сих пор вел их по неправильному пути. Напротив, для всех очевидный органический рост руководителя принесет удовлетворение его сторонникам, ибо углубление образования руководителя будет означать углубление их собственного образования. В их глазах это может быть только

доказательством правильности усвоенных взглядов. Тот руководитель, который вынужден отказаться от своей платформы, так как убедился в ее неправильности, поступит достойно лишь в том случае, если он сумеет сделать из этого надлежащие выводы да конца. В этом случае он должен отказаться по крайней мере от открытой политической деятельности. Если ему случилось один раз впасть в ошибки в основных вопросах, то это может и повториться. Он уже ни в коем случае не имеет права рассчитывать на дальнейшее доверие со стороны своих сограждан, а тем более не имеет права требовать такого доверия. Как мало теперь думают о таких требованиях простого приличия, можно судить хотя бы уже по тому, как низок уровень тех дрянных субъектов, которые в наше время чувствуют себя призванными «делать политику». Много званых, да мало избранных. В годы моей молодости я решительно воздерживался принимать участие в открытой политической деятельности, хотя я думаю, что политикой я занимался и в те времена больше, чем многие другие. Лишь в небольших кружках я решался тогда выступать по поводу всего того, что меня интересовало и привлекало. Эти выступления в узком кругу имели в себе много хорошего. Тут приходилось не столько учиться «говорить», сколько изучать рядового собеседника с его иногда бесконечно примитивными воззрениями и возражениями. При этом я продолжал заниматься своим собственным самообразованием, не теряя времени и не упуская ни одной возможности. Нигде в Германии эти возможности в те времена не были так благоприятны, как в Вене». (Вот она, оценка венского периода. – В.Т.)

*** * ***

«Общеполитическая мысль в те времена билась в придунайской монархии интенсивнее, нежели в старой Германии, если не считать отдельных частей Пруссии, Гамбурга и побережья Северного моря. Говоря об „Австрии“, я в данном случае имею в виду ту часть великого государства Габсбургов, которая в силу заселения ее немцами дала возможность этому государству вообще сложиться, я говорю о той части населения, которая одна только и была в состоянии на многие столетия наполнить внутренним содержанием политическую и культурную жизнь этого столь искусственного государственного образования.

Чем дальше, тем больше будущность государства и самое его существование зависели именно от этого немецкого ядра. Если старые наследственные провинции Австрии составляли сердце государства, то есть обеспечивали правильный приток свежей крови в жилы культурной и государственной жизни страны, то Вена была одновременно и мозгом и волей государства. Уже одна прекрасная внешность Вены давала ей известное право царствовать над этим конгломератом народов. Чудесная красота Вены хоть немного заставляла забывать о ветхости государства в целом. За границей и в особенности в Германии знали только прелестную Вену. За ней забывалась и кровавая борьба между отдельными национальностями внутри габсбургской монархии и судороги всего государства. В эту иллюзию можно было впасть тем легче, что Вена в ту пору переживала последнюю полосу своего расцвета. Под руководством тогдашнего поистине гениального бургомистра Вена вновь проснулась к чудесной юной жизни и превращалась в достойную резиденцию старого царства. Последний великий выходец из рядов немцев, колонизировавших Восток, не считался так называемым общепризнанным «государственным деятелем», но именно доктор Люэгер в качестве бургомистра «столицы и резиденции» – Вены добился огромных успехов во всех областях коммунальной, хозяйственной и культурной политики. Этим он в небывалой степени укрепил сердце всей империи и благодаря этому стал на деле гораздо более великим государственным деятелем, чем все тогдашние «дипломаты» вместе взятые. Если конгломерат народностей, называемый Австрией, в конце концов все-таки погиб, то это не говорит против политических качеств немецкой части этого государства. Это только неизбежный результат того, что десять миллионов не могут в течение слишком долгого времени управлять пятидесятимиллионным государством, состоящим из различных наций,

если своевременно не созданы совершенно определенные предпосылки для этого. Австрийский немец мыслил в масштабах более чем крупных. Он всегда привык жить в рамках большого государства и никогда не терял сознания тех задач, которые отсюда вытекают. Он был единственным в этом государстве, кто мыслил не только в рамках своей национальной провинции, но и в рамках всего государства. Даже в тот момент, когда ему уже угрожала судьба быть оторванным от общего отечества, он все еще продолжал думать и бороться за то, чтобы удержать для немецкого народа те позиции, которые в тяжелой борьбе завоевали на Востоке его предки. При этом надо еще не забывать и того, что силы его были расколоты: лучшая часть австрийских немцев в сердце и в помышлении никогда не теряла связи с общей родиной, и только часть австрийских немцев целиком отдавала себя австрийской родине. Общий кругозор австрийских немцев всегда был относительно велик. Их экономические отношения часто обнимали почти всю многонациональную империю. Почти все действительно крупные предприятия находились в руках немцев. Весь руководящий персонал техников, чиновников большею частью составляли немцы. В их же руках находилась и внешняя торговля, поскольку на нее не успели наложить руку евреи, для которых торговля – родная стихия. В политическом отношении только немцы и объединяли всю империю. Уже в годы военной службы немецкая молодежь рассылалась по всем частям страны. Австро-немецкие рекруты попадали, правда, в немецкий полк, но самый этот полк отлично мог попасть и в Герцеговину, и в Галицию, не только в Вену. Офицерский корпус все еще состоял почти исключительно из немцев, а высшее чиновничество – в преобладающей части из них. Искусство и наука также представлены были главным образом немцами. Если не считать халтуры в области новейшего «искусства», на которую способен был даже такой народ как негры, то можно смело сказать, что носителями действительного искусства в это время в Австрии были только немцы. Вена представляла собою живой и неиссякаемый источник для всей Австро-Венгрии как в области музыки, так и в области скульптуры, как в области художества, так и в области строительного искусства. Наконец немцы были также носителями всей внешней политики монархии, если не говорить об очень небольшой группе венгров. И тем не менее всякая попытка сохранить это государство была тщетной. Не хватало самой существенной предпосылки. Австрийское национальное государство располагало только одной возможностью преодоления центробежных сил отдельных наций. Государство должно было образоваться и управляться либо самым централизованным образом, либо оно не могло существовать вовсе. (Выделено мной. – В.Т.)

В отдельные светлые минуты понимание этого обстоятельства становилось достоянием также «самых высоких» сфер. Но уже через короткое время забывали это или откладывали практическое проведение в жизнь ввиду сопряженных с ним трудностей. Всякая мысль о построении государства на более или менее федеративных началах неизбежно должна была потерпеть крушение по причине отсутствия такого государственного ядра, которое имело бы заведомо преобладающее значение. (Судьба любой империи, не только Австро-Венгрии. – В.Т.) К этому надо прибавить, что внутренние предпосылки австрийского государства вообще были совершенно иными, нежели в германской империи времен Бисмарка. В Германии дело шло только о преодолении известных политических традиций, ибо в культурном отношении общая почва существовала всегда. Прежде всего было важно то обстоятельство, что германское государство, если не считать небольших чуженациональных осколков, объединяло людей только одной нации. В Австрии обстоятельства были прямо противоположные. Политические воспоминания о собственном прежнем величии здесь совершенно отсутствовали у отдельных наций, если не считать венгров. Во всяком случае эти воспоминания принадлежали лишь очень отдаленному периоду и были стерты временем почти окончательно. С другой стороны, в эпоху, когда национальный принцип начал играть крупную роль, в отдельных частях австро-венгерской монархии начали формироваться националистические силы, преодолеть которые было тем трудней, что в пределах Австро-

Венгрии на деле начали образовываться национальные государства. Притом внутри этих национальных государств преобладающая нация в силу своего родства с отдельными национальными осколками в Австрии имела теперь большую притягательную силу для этих последних, нежели австрийские немцы. Даже Вена теперь не могла на продолжительное время состязаться в этом отношении со столицами провинций. С тех пор как Будапешт сам стал крупным центром, у Вены впервые появился соперник, задачей которого было не усиление монархии в целом, а лишь укрепление одной из ее частей. В скором времени этому примеру последовали также Прага, затем Лемберг, Лайбах и т. д. Когда эти прежние провинциальные города поднялись и превратились в национальные центры отдельных провинций, тем самым созданы были средоточия все более и более самостоятельного культурного развития. Национально-политические устремления теперь получили глубокую духовную базу. Приближался момент, когда движущая сила отдельных наций стала сильнее, чем сила общих интересов монархии. (Одна из причин распада империи. – В.Т.) Тем самым решалась судьба Австрии. Со времени смерти Иосифа II этот ход развития прослеживается очень явственно. Быстрота этого развития зависела от целого ряда факторов, одни из которых заложены были в самой монархии, другие же были результатом той внешней политики, которую в разные периоды вела Австрия. Чтобы серьезно начать и завершить борьбу за единство этого государства, оставалось только вести упорную и беспощадную политику централизации. Для этого нужно было прежде всего принципиально провести единый государственный язык. Этим подчеркнут был бы хотя бы принцип формальной принадлежности к единому государству, а административным органам было бы дано в руки техническое средство, без которого единое государство вообще существовать не может. Только таким путем могла быть создана возможность через школу воспитать в течение длительного времени традиции государственного единства. Конечно этого нельзя было достигнуть в течение десяти или двадцати лет. Тут нужны столетия. В вопросах колонизации вообще решают не быстрота и натиск, а настойчивость и долгий период. (Удивительное наблюдение. – В.Т.)

Само собою разумеется, что при этом не только администрирование, но и все политическое руководство должно было бы вестись в строгом единстве. И вот для меня тогда было бесконечно поучительно констатировать: почему всего этого не произошло или, лучше сказать, почему все это не было сделано. Виновниками краха австро-венгерской империи являются только те, кто виновен в этом упущении. Более чем какое бы то ни было другое государство старая Австрия зависела от кругозора своих правителей. Здесь отсутствовал фундамент национального государства, которое само по себе обладает большой силой самосохранения даже тогда, когда руководители государства оказываются совершенно не на высоте. Государство единой национальности иногда в течение удивительно долгих периодов может переносить режим плохого управления, не погибая при этом. Часто может показаться, что в организме не осталось уже совершенно никакой жизни, что он уже умер или отмирает, и вдруг оказывается, что приговоренный к смерти опять поднялся и стал подавать признаки изумительной несокрушимой жизненности. Совсем другое дело такое государство, которое состоит из различных народностей, в жилах которых не течет одна и та же кровь, а еще важней – над которыми не занесен один общий кулак. Тут слабость руководства приведет не просто к зимней спячке государства, тут она пробудит все индивидуальные инстинкты наций в зависимости от их крови и лишит их возможности развиваться под эгидой одной могущественной воли.

Эта опасность может быть смягчена только в течение столетий общего воспитания, общих традиций, общих интересов и т. д. Вот почему такие государственные образования, чем моложе, тем больше зависят от качеств своих руководителей. Более того, зачастую они бывают прямым творением из ряда выходящих могущественных руководителей и героев духа и нередко после смерти их творца они просто распадаются. Пройдут столетия, и все же эти

опасности еще не преодолены, они находятся только в дремлющем состоянии. И как только слабость руководства скажется очень сильно, эта опасность часто внезапно просыпается, и тогда уже не поможет ни сила воспитания, ни самые высокие традиции; над всем этим возьмут верх центробежные силы различных племен. Самой большой и, быть может, трагической виной дома Габсбургов является то, что они не поняли этого. Одному-единственному счастливцу среди них судьба осветила факелом будущее его страны, но затем этот факел погас и навсегда. Иосиф II, этот римский император германской нации, с тревогой увидел, что его дом, выдвинутый на самый крайний пункт государства, неизбежно погибнет в потоке этого Вавилона народов, если не удастся исправить то, что запустили предки. С нечеловеческой энергией этот «друг людей» начал борьбу против слабостей прошлого и попытался в течение десятилетия исправить то, что было запущено в течение столетий. Если бы ему дано было на это хотя бы только сорок лет и если бы после него по крайней мере два поколения продолжали то же дело, чудо это, вероятно, удалось бы. Но на деле ему было дано только десять лет. И когда он, надорвавшись душой и телом, сошел в могилу, вместе с ним в могилу сошло и его дело. Ни в духовном отношении, ни по силе воли его преемники не оказались на высоте задачи. Когда пришло время и в Европе показались первые признаки революционной грозы, огонь стал медленно распространяться и в старой Австрии. Но когда в Австрии вспыхнул пожар, то оказалось, что пламя это вызвано не столько социальными, общественными и вообще общеполитическими причинами, сколько факторами национального происхождения. Во всех других странах революция 1848 года была борьбой классов, в Австрии же она была уже началом борьбы рас. Австрийские немцы сразу забыли тогда или не поняли вовсе происхождения этого пожара. Они отдали свои силы на службу революционным восстаниям и этим сами подписали себе приговор. Своими руками немцы помогли пробудить дух западной демократии, который через короткое время лишил их основ их собственного существования. Парламентская представительная система была создана, и этому не предшествовало создание государственного – обязательного языка.

Тем самым предопределена была гибель господствующего положения немцев в австрийской монархии. С этого момента погибло и само государство. Все, что последовало за этим, было только историческим распадом этого государства. Наблюдать этот распад было зрелищем не только поучительным, но и потрясающим. В тысячах и тысячах форм свершалась историческая судьба этого государства. Что большая часть человечества была слепа к этому процессу и не замечала, что распад начался, в этом сказались только воля богов к уничтожению Австрии. Не стану тут распространяться о деталях. Это не является задачей моей книги. Я остановлюсь подробно только на круге тех событий, которые общезначимы для всех народов и государств и которые имеют таким образом большое значение и для современности. Именно эти кардинальные события помогли мне заложить основы моего политического мышления». (Выделено мной. – В.Т.)

*** * ***

«Среди тех учреждений, которые обнаружили процесс распада австрийской монархии особенно наглядно – настолько наглядно, что даже не слишком дальновидный мещанин не мог этого не заметить, – следует назвать прежде всего австрийский парламент или, как он назывался в Австрии, рейхсрат. Это учреждение было построено заведомо по методу заимствования из Англии – страны классической „демократии“. Всю эту спасительную систему позаимствовали из Лондона, а в Вене старались только скопировать ее с очень большой точностью. Английская двухпалатная система была скопирована в форме палаты депутатов и палаты господ. Однако здания самих палат выглядели в Вене и в Лондоне по-разному. Когда Барри, строитель здания английской палаты на берегах Темзы, закончил свою постройку, он взял сюжеты для украшения – 1200 ниш, колонн и консолей своего чудесного здания – из истории британской империи, обнимавшей тогда полмира. С точки зрения

архитектурного и художественного искусства здание палаты лордов и палаты депутатов стало таким образом храмом славы для всей нации. В Вене в этом отношении пришлось натолкнуться на первую трудность. Когда датчанин Ганзен закончил последний фронто́н в мраморном здании народного представительства, ему ничего не оставалось сделать, как позаимствовать сюжеты для украшения здания из истории древнего мира. Это театральное здание „западной демократии“ расписано портретами римских и греческих государственных деятелей и философов. Над обоими зданиями высятся четыре гигантские фигуры, указывающие в четырех противоположных направлениях. В этом была своеобразная символическая ирония. Этот символ как бы олицетворял ту внутреннюю борьбу центробежных сил, которая уже тогда заполняла Австрию. „Национальности“ воспринимали как оскорбление и провокацию, когда им говорили, что это здание олицетворяет австрийскую историю.

Когда я, едва имея двадцать лет от роду, впервые посетил роскошное здание на Франценринге, чтобы побывать в качестве зрителя на заседании палаты депутатов, я был во власти самых противоречивых настроений. Уже издавна я ненавидел парламент, но, конечно, не как учреждение само по себе. Напротив, в качестве свободолюбивого человека я не мог представить себе никакой другой формы правления. Идея какой бы то ни было диктатуры при моем отношении к дому Габсбургов показалась бы мне тогда преступлением против дела свободы и разума. Немало содействовало этому и то, что во мне, молодом человеке, много читавшем газеты, жило бессознательное поклонение английскому парламенту. (Ценное признание. – В.Т.) От этого чувства я не мог так легко освободиться. Английская нижняя палата вела дела с большим достоинством (по крайней мере наша пресса изображала это так прекрасно), и это импонировало мне в высшей степени. Можно ли было даже только представить себе более возвышенную форму самоуправления народа? Но именно поэтому я был врагом австрийского парламента. Внешние формы работы австрийского рейхсрата казались мне совершенно недостойными великого образца. К этому прибавлялось еще следующее. Судьбы австрийских немцев в австрийском государстве зависели от их позиции в рейхсрате. До введения всеобщего и тайного избирательного права парламент имел хотя и небольшое немецкое большинство. Это положение вещей было достаточно сомнительным: это немецкое большинство уже и тогда зависело от социал-демократии, которая во всех коренных вопросах была ненадежна и всегда готова была предать немецкое дело, лишь бы не потерять популярность среди других национальностей. Социал-демократию уже тогда нельзя было считать немецкой партией. Но с момента введения всеобщего избирательного права в парламенте уже не могло быть и цифрового немецкого большинства. Теперь ничто уже не мешало дальнейшему разнемециванию государства. Чувство национального самосохранения ввиду этого уже тогда внушало мне лишь очень небольшую симпатию к такому национальному представительству, в котором интересы немцев были не столько представлены, сколько задавлены. Однако все это еще были такие грехи, которые, как и многое другое, можно было приписать не самой системе, а только формам ее применения в австрийском государстве. Я тогда еще верил в то, что если восстановить опять немецкое большинство в представительных органах, то принципиально возражать против самой представительной системы, пока существует старое государство, вообще нет оснований. В таких настроениях попал я впервые в это священное здание, где кипели страсти. Правда, священным дом этот казался мне главным образом благодаря необычайной красоте его чудесной архитектуры. Превосходное произведение греческого искусства на немецкой почве. Как скоро, однако, это чувство сменилось чувством возмущения, вызванным той жалкой комедией, которая разыгрывалась на моих глазах. Налицо было несколько сот господ народных представителей, которые как раз заняты были обсуждением одного из вопросов крупнейшего экономического значения. Одного этого дня было для меня достаточно, чтобы дать мне материал для размышления на целые недели. Идейное содержание речей,

насколько их вообще можно было понять, стояло поистине на ужасной «высоте». Некоторые из господ законодателей не говорили вовсе по-немецки, а изъяснялись на славянских языках или, вернее, диалектах. То, что я знал до сих пор из газет, я имел теперь случай услышать своими собственными ушами. Жестикулирующая, кричащая на разные голоса полудикая толпа. Над нею в качестве председателя старенький добродушный дядюшка в поте лица изо всех сил работает колокольчиком и, обращаясь к господам депутатам, то в добродушной, то в увещательной форме умоляет их сохранить достоинство высокого собрания. Все это заставляло только смеяться.

Несколько недель спустя я опять попал в рейхсрат. Картина была другая, совершенно неузнаваемая. Зал был совершенно пуст. Внизу спали. Небольшое количество депутатов сидели на своих местах и зевали друг другу в лицо. Один из них «выступал» на трибуне. На председательском месте сидел один из вице-президентов рейхсрата и явно скучал. Меня посетили первые сомнения. Когда у меня было время, я все чаще стал отправляться на заседания рейхсрата и в тиши наблюдал все происходящее там. Я вслушивался в речи, поскольку их вообще можно было понять, изучал более или менее интеллигентные физиономии «избранных» представителей народов, составлявших это печальное государство, и постепенно составлял себе свое собственное заключение. Одного года спокойных наблюдений оказалось достаточно, чтобы в корне изменить мои прежние взгляды на это учреждение. Мое внутреннее существо протестовало теперь уже не только против извращенной формы, которую эта идея приняла в Австрии. Нет, теперь я не мог уже признавать и самого парламента как такового. До сих пор я видел несчастье австрийского парламента только в том, что в нем отсутствует немецкое большинство. Теперь я убедился, что само существо этого учреждения обречено. Предо мной встал тогда целый ряд вопросов. Я начал глубже размышлять относительно демократического принципа решения по большинству голосов как основы всего парламентского строя. Вместе с тем я немало внимания посвятил и изучению умственных и моральных достоинств этих избранников народа. Так изучил я и систему, и ее носителей. В течение ближайших нескольких лет я с совершенной точностью уяснил себе, что представляет собою «высокоуважаемый» тип новейшего времени – парламентарий. Я составил себе о нем то представление, которое впоследствии уже не нуждалось в серьезных видоизменениях. И в данном случае метод наглядного обучения, знакомство с практической действительностью избавили меня от опасности утонуть в теории, которая на первый взгляд кажется столь соблазнительной, но которая тем не менее принадлежит к несомненным продуктам распада.

Демократия современного Запада является спутницей марксизма, который вообще невыносим без нее. Именно она составляет ту почву, на которой произрастает эта чума. Ее самое грязное внешнее проявление – парламентаризм. Я должен быть благодарен судьбе за то, что и этот вопрос она поставила передо мной в Вене, ибо я боюсь, что в тогдашней Германии мне было бы слишком легко ответить себе на эту проблему. Если бы ничтожество этого учреждения, называемого «парламентом», мне впервые пришлось увидеть в Берлине, я, быть может, впал бы в обратную крайность. В этом случае у меня могли найтись некоторые как бы хорошие побудительные мотивы стать на сторону тех, кто видел благо государства исключительно в усилении центральной власти в Германии. Если бы это со мной случилось, это ведь тоже означало бы до некоторой степени ослепнуть, стать чуждым эпохе и людям. В Австрии эта опасность мне не угрожала. Здесь не так легко было впасть из одной крайности в другую. Если никуда не годился парламент, то тем паче никуда не годились Габсбурги – это уж во всяком случае. Осудив «парламентаризм», мы еще нисколько не разрешили проблему. Возникал вопрос: а что же делать? Если уничтожить рейхсрат, то ведь единственной правительственной властью осталась бы династия Габсбургов, а эта мысль для меня была особенно невыносимой. Этот очень трудный случай побудил меня к основательному изучению проблемы в целом. При других обстоятельствах я бы в столь

раннем возрасте едва ли призадумался над такими вопросами. Что мне прежде всего бросалось в глаза, так это полное отсутствие личной ответственности. Парламент принимает какое-либо решение, последствия которого могут оказаться роковыми.

И что же?

Никто за это не отвечает, никого нельзя привлечь к ответственности. Разве в самом деле можно считать ответственностью то, что после какого-нибудь отчаянного краха виновное в этом правительство вынуждено уйти?

Или что соответственная коалиция партий распадается и создается новая коалиция?

Или далее, что распускается палата?

Да разве вообще колеблющееся большинство людей может всерьез нести какую-либо ответственность?

Разве не ясно, что сама идея ответственности связана с лицом!

Ну, а можно ли сделать ответственным практического руководителя правительства за те действия, которые возникли и были проведены исключительно вследствие желания или склонности целого множества людей?

Ведь все мы знаем, что задачу руководящего государственного деятеля в наши времена видят не столько в том, чтобы он обладал творческой мыслью и творческим планом, сколько в том, чтобы он умел популяризировать свои идеи перед стадом баранов и дураков и затем выклянчить у них их милостивое согласие на проведение его планов. Разве вообще можно подходить к государственному деятелю с тем критерием, что он обязательно должен в такой же мере обладать искусством переубедить массу, как и способностью принимать государственно мудрые решения и планы?

Да разве вообще когда-нибудь видно было, чтобы эта толпа людей поняла крупную идею раньше, чем практический успех этой идеи стал говорить сам за себя?

Да разве вообще любое гениальное действие в нашем мире не является наглядным протестом гения против косности массы?

Ну, а что делать государственному деятелю, которому не удалось даже какой угодно лестью завоевать благоволение этой толпы?

Что же ему остается – купить это благоволение?

Или ввиду глупости своих сограждан он должен отказаться от проведения того, что он считает жизненно необходимым?

Или он должен уйти?

Или тем не менее остаться?

Человек с характером в таком случае попадает в неразрешимый конфликт между тем, что он считает необходимым, и простым приличием или, лучше сказать, простой честностью. Где здесь найти границу между той обязанностью, которую возлагает на тебя общество, и той обязанностью, которую возлагает на тебя личная честь?

Ведь каждому действительному вождю приходится решительно бороться против всех попыток унижить его до роли простого политика. И наоборот, разве не ясно, что именно политикан при таких условиях будет чувствовать себя призванным «делать» политику как раз потому, что в последнем счете ответственность несет не он, а какая-то неуловимая кучка людей?

Разве не ясно, что наш парламентарный принцип большинства неизбежно подкапывается под самую идею вождя?

Или неужели в самом деле найдутся такие, кто поверит, что в этом мире прогресс обязан не интеллекту отдельных индивидуумов, а мозгу большинства?

Или, может быть, кто-нибудь надеется на то, что в будущем мы сможем обойтись без этой основной предпосылки человеческой культуры?

Разве не ясно, наоборот, что именно сейчас эта предпосылка нужней, чем когда бы то ни было. Парламентарный принцип решения по большинству голосов уничтожает авторитет личности и ставит на ее место количество, заключенное в той или другой толпе. Этим самым парламентаризм грешит против основной идеи аристократизма в природе, причем конечно аристократизм вовсе не обязательно должен олицетворяться современной вырождающейся общественной верхушкой. Современный наблюдатель, вынужденный читать почти исключительно газеты, не может себе представить, какие опустошительные последствия имеет это господство парламентаризма. Разве что только самостоятельное мышление и наблюдения помогут ему понять суть происходящего. (Выделено мной. – В.Т.)

Прежде всего парламентаризм является причиной того невероятного наплыва самых ничтожных фигур, которыми отличается современная политическая жизнь. Подлинный политический руководитель постарается отойти подальше от такой политической деятельности, которая в главной своей части состоит вовсе не из творческой работы, а из интриг и фальши, имеющих целью завоевать большинство. А нищих духом людей как раз именно это обстоятельство и будет привлекать. Чем мельче этакий духовный карлик и политический торгаш, чем ясней ему самому его собственное убожество, тем больше он будет ценить ту систему, которая отнюдь не требует от него ни гениальности, ни силы великана, которая вообще ценит хитрость сельского старосты выше, чем мудрость Перикла. При этом такому типу ни капельки не приходится мучиться над вопросом об ответственности. Это тем меньше доставляет ему забот, что он заранее точно знает, что независимо от тех или других результатов его «государственной» пачкотни конец его карьеры будет один и тот же: в один прекрасный день он все равно должен будет уступить свое место такому же могущественному уму, как и он сам. Для сборища таких «народных представителей» всегда является большим утешением видеть во главе человека, умственные качества которого стоят на том же уровне, что их собственные. Только в этом случае каждый из этих господ может доставить себе дешевую радость время от времени показать, что и он не лыком шит. А главное, тогда каждый из них имеет право думать: если возглавлять нас может любой икс, то почему же не любой игрек, чем «Ганс» хуже «Фридриха»?

Эта демократическая традиция в наибольшей степени соответствует позорящему явлению наших дней, а именно: отчаянной трусости большого числа наших так называемых «руководителей». В самом деле, какое счастье для таких людей во всех случаях серьезных решений иметь возможность спрятаться за спину так называемого большинства. В самом деле, посмотрите на такого политического воришку, как он в поте лица «работает», чтобы в каждом отдельном случае кое-как наскрести большинство и получить возможность в любой момент спастись от какой-либо ответственности. Именно это обстоятельство, конечно, отталкивает всякого сколько-нибудь уважающего себя политика и вообще мужественного человека от такой деятельности. Любое же ничтожество радо поступить именно так. С нашей точки зрения дело ясно: кто не хочет нести личной ответственности за свои действия, кто ищет для себя прикрытия, тот трусливый негодяй. Ну, а когда руководители нации вербуются из таких несчастных трусов, то рано или поздно за это придется дорого расплачиваться. Дело доходит до того, что у нас не оказывается мужества предпринять какое бы то ни было решительное действие, и мы предпочитаем скорее примириться с любым позором и бесчестием, чем найти в себе силы для нужного решения. Ведь нет уже никого, кто готов был бы свою личность, свою голову отдать за проведение решительного шага. Ибо одно надо помнить и не забывать: большинство и здесь никогда не может заменить собою одного. Большинство не только всегда является представителем глупости, но и представителем трусости. Соберите вместе сто дураков и вы никак не получите одного умного. Соберите вместе сто трусов и вы никак не получите в результате героического решения. Но чем

меньше становится ответственность отдельного руководителя, тем больше будет расти число таких типов, которые, не обладая даже минимальнейшими данными, тем не менее чувствуют себя призванными отдать в распоряжение народа свои бессмертные таланты. Многим из них просто невтерпеж, когда же наконец очередь дойдет до них. Они становятся в очередь в длинном хвосте и со смертельной тоской глядят, как медленно приближается их судьба. Они рады поэтому каждой смене лиц в том ведомстве, в которое они метят попасть. Они благодарны каждому скандалу, который может вытолкнуть из стоящих в хвосте впереди них хоть нескольких конкурентов.

Когда тот или другой из счастливцев, ранее попавших на теплое местечко, не хочет так скоро расстаться с этим местом, остальные смотрят на это, как на нарушение священных традиций и общей солидарности. Тогда они начинают сердиться и будут уже, не покладая рук, вести борьбу хотя бы самыми бесстыдными средствами вплоть до того момента, когда им удастся прогнать конкурента с теплого местечка, которое должно теперь перейти в руки других. Низвергнутый божок уже не так скоро попадает на то же самое место. Когда эта фигура снята с поста, ей придется опять стать в очередь в длинном хвосте, если только там не подыметесь такой крик и брань, которые помешают вновь занять очередь. Результатом всего этого является ужасающе быстрая смена лиц на важнейших государственных должностях. Результаты этого всегда неблагоприятны, а иногда прямо-таки катастрофичны. Чаще всего оказывается, что не только дурак и неспособный падает жертвой таких обычаев, но как раз способный человек, поскольку только судьба вообще дает возможность способному человеку попасть на руководящий пост. Против способного руководителя сейчас же образуется общий фронт. Как же, ведь он вышел не из «наших» рядов. Мелкие людишки принципиально хотят быть только в своей собственной компании. Они рассматривают как общего врага всякого человека с головой, всякого, кто способен среди нулей играть роль единицы. В этой области инстинкт самосохранения у них особенно обострен. Результатом всего этого неизбежно является все прогрессирующее умственное обеднение руководящих слоев. Какой результат при этом получается для нации и государства, это легко понимает всякий, если только он сам не принадлежит к этому же сорту «вождей». (Выделено мной. – В.Т.)

Старая Австрия имела сомнительное счастье пользоваться благами парламентского режима в его чистейшем виде. Правда, министр-президент назначался еще императором, но и эти назначения на деле были не чем иным, как простым выполнением воли парламентского большинства. Что касается торгов и переторжек вокруг назначения руководителей отдельных министерств, то здесь мы имели уже обычай западной демократии чистой воды. В соответствии с этим были и результаты. Смена отдельных лиц происходила все быстрее и быстрее. В конце концов это выродилось в чистейший спорт. В той же мере все больше снижался масштаб этих быстро сменяющихся «государственных деятелей»; в конце концов на поверхности остался только тип парламентского интригана, вся государственная мудрость которого теперь измерялась только его способностью склеить ту или другую коалицию, то есть способностью к мелкому политическому торгашеству, которая теперь одна могла стать базой для практической работы этих, с позволения сказать, народных представителей. Таким образом именно венская школа давала в этой области самые лучшие наглядные уроки. Что меня интересовало не в меньшей степени, так это сопоставление способностей и знаний этих народных представителей с теми задачами, которые стояли перед ними. Уже по одному этому я вынужден был начать знакомиться с умственным горизонтом этих избранных народа. Попутно пришлось знакомиться и с теми происшествиями, которые вообще этим великолепным фигурам позволили вынырнуть на политической арене. Небезынтересно было познакомиться также и с техникой их работы. Это позволяло видеть во всех деталях то служение отечеству, на которое только и способны были изучаемые фигуры. Чем больше я вникал во внутренние отношения в парламенте, с чем большей объективностью я изучал

людей и их образ действий, тем отвратительнее становилась в моих глазах общая картина парламентской жизни. Пристальное изучение было необходимо для меня, если я хотел по-настоящему ознакомиться с этим учреждением, где каждый из законодателей через каждые три слова ссылается на свою «объективность». Когда хорошенько изучишь этих господ и познакомишься с законами их собственного гнусного существования, то двух мнений уже быть не может. На свете вообще трудно найти какой-либо другой принцип, который, говоря объективно, был бы столь же неправилен, как принцип парламентаризма. Мы не говорим уже о том, в каких условиях происходят самые выборы господ народных представителей, какими средствами они достигают своего высокого звания. Только в совершенно ничтожном числе случаев выборы являются результатом действительно общего желания. Это ясно уже из одного того, что политическое понимание широкой массы вовсе не настолько уже развито, чтобы она сама могла выразить свое общеполитическое желание и подобрать для этого соответствующих людей. То, что мы постоянно обозначаем словами «общественное мнение», только в очень небольшой части покоится на результатах собственного опыта или знания. По большей же части так называемое «общественное мнение» является результатом так называемой «просветительной» работы. Религиозная потребность сама по себе глубоко заложена в душе человека, но выбор определенной религии есть результат воспитания. Политическое же мнение массы является только результатом обработки ее души и ее разума – обработки, которая зачастую ведется с совершенно невероятной настойчивостью. Наибольшая часть политического воспитания, которое в этом случае очень хорошо обозначается словом пропаганда, падает на прессу. В первую очередь именно она ведет эту «просветительную» работу. Она в этом смысле представляет собою как бы школу для взрослых. Беда лишь в том, что «преподавание» в данном случае находится не в руках государства, а в руках зачастую очень низменных сил.

Именно в Вене еще в своей ранней молодости я имел наилучшую возможность хорошо познакомиться с монополистами этих орудий воспитания масс и их фабрикатами. Вначале мне не раз приходилось изумляться тому, как в течение кратчайшего времени эта наихудшая из великих держав умела создать определенное мнение, притом даже в таких случаях, когда дело шло о заведомой фальсификации подлинных взглядов и желаний массы. В течение всего каких-нибудь нескольких дней печать ухитрялась из какого-нибудь смешного пустяка сделать величайшее государственное дело; и наоборот, в такой же короткий срок она умела заставить забыть, прямо как бы выкрасть из памяти массы такие проблемы, которые для массы, казалось бы, имеют важнейшее жизненное значение. Прессе удавалось в течение каких-нибудь нескольких недель вытащить на свет божий никому неизвестные детали, имена, каким-то волшебством заставить широкие массы связать с этими именами невероятные надежды, словом, создать этим именам такую популярность, которая никогда и не снилась людям действительно крупным. Имена, которые всего какой-нибудь месяц назад еще никто и не знал или знал только понаслышке, получали громадную известность. В то же время старые, испытанные деятели разных областей государственной и общественной жизни как бы совершенно умирали для общественного мнения или их засыпали таким количеством гнуснейших клевет, что имена их в кратчайший срок становились символом неслыханной низости и мошенничества. Надо видеть эту низкую еврейскую манеру: сразу же, как по мановению волшебной палочки, начинают поливать честного человека грязью из сотен и тысяч ведер; нет той самой низкой клеветы, которая не обрушилась бы на голову такой ни в чем неповинной жертвы; надо ближе ознакомиться с таким методом покушения на политическую честь противника, чтобы убедиться в том, насколько опасны эти негодяи прессы. Для этих разбойников печати нет ничего такого, что не годилось бы как средство к его грязной цели. Он постарается проникнуть в самые интимные семейные обстоятельства и не успокоится до тех пор, пока в своих гнусных поисках не найдет какой-нибудь мелочи, которую он раздует в тысячу крат и использует для того, чтобы нанести удар своей

несчастной жертве. А если, несмотря на все изыскания, он не найдет ни в общественной, ни в частной жизни своего противника ничего такого, что можно было бы использовать, тогда этот негодяй прибегнет к простой выдумке. И он при этом твердо убежден, что если даже последует тысяча опровержений, все равно кое-что останется. От простого повторения что-нибудь да прилипнет к жертве. При этом такой мерзавец никогда не действует так, чтобы его мотивы было легко понять и разоблачить. Боже упаси! Он всегда напустит на себя серьезность и «объективность». Он будет болтать об обязанностях журналиста и т. п. Более того, он будет говорить о журналистской «чести» – в особенности, если получит возможность выступить на заседаниях съездов и конгрессов, т. е. будет иметь возможность воспользоваться теми поводами, вокруг которых эти насекомые собираются в особенно большом числе. Именно эти негодяи более чем на две трети фабрикуют так называемое «общественное мнение». Из этой именно грязной пены потом выходит парламентская Афродита. Чтобы подробно обрисовать это действо во всей его невероятной лживости, нужно было бы написать целые тома. Мне кажется, однако, что достаточно хотя бы только поверхностно познакомиться с этой прессой и с этим парламентаризмом, чтобы понять, насколько бессмыслен весь этот институт. Чтобы понять бессмысленность и опасность этого человеческого заблуждения, лучше всего сопоставить вышеочерченный мною демократический парламентаризм с демократией истинно германского образца. Самым характерным в демократическом парламентаризме является то, что определенной группе людей – скажем, пятистам депутатам, а в последнее время и депутаткам – предоставляется окончательное разрешение всех возможных проблем, какие только возникают. На деле именно они и составляют правительство. Если из их числа и выбирается кабинет, на который возлагается руководство государственными делами, то ведь это только одна внешность. На деле это так называемое правительство не может ведь сделать ни одного шага, не заручившись предварительным согласием общего собрания. Но тем самым правительство это освобождается от всякой реальной ответственности, так как в последнем счете решение зависит не от него, а от большинства парламента. В каждом отдельном случае правительство это является только исполнителем воли данного большинства. О политических способностях правительства судят, в сущности, только по тому, насколько искусно оно умеет приспособляться к воле большинства или перетягивать на свою сторону большинство. Но тем самым с высоты подлинного правительства оно опускается до роли нищего, выпрашивающего милостыню у большинства. Всякому ясно, что важнейшая из задач правительства состоит только в том, чтобы от случая к случаю выпрашивать себе милость большинства данного парламента или заботиться о том, чтобы создать себе иное, более благосклонное большинство. Если это удастся правительству, оно может в течение короткого времени «править» дальше; если это не удастся ему, оно должно уйти. Правильность или неправильность его намерений не играет при этом никакой роли. Но именно таким образом практически уничтожается всякая его ответственность. К каким последствиям все это ведет, ясно уже из следующего. Состав пятисот избранных народных представителей с точки зрения их профессии, не говоря уже об их способностях, крайне пестр. Никто ведь не поверит всерьез, что эти избранники нации являются также избранниками духа и разума. Никто ведь не поверит, что в избирательных урнах десятками или сотнями произрастают подлинные государственные деятели. Все знают, что бюллетени подаются избирательной массой, которую можно подозревать в чем угодно, только не в избытке ума. Вообще трудно найти достаточно резкие слова, чтобы заклеить ту нелепость, будто гении рождаются из всеобщих выборов. (Выделено мной. – В.Т.)

Во-первых, подлинные государственные деятели вообще рождаются в стране только раз в очень крупный отрезок времени, а во-вторых, масса всегда имеет вполне определенное предубеждение как раз против каждого сколько-нибудь выдающегося ума. Скорей верблюд пройдет через игольное ушко, чем великий человек будет «открыт» путем выборов. Те

личности, которые превосходят обычный масштаб золотой середины, большую часть сами прокладывали себе дорогу на арене мировой истории.

Что же происходит в парламенте?

Пятьсот человек золотой середины голосуют и разрешают все важнейшие вопросы, касающиеся судеб государства. Они назначают правительство, которое затем в каждом отдельном случае вынуждено добиваться согласия этого просвещенного большинства. Таким образом вся политика делается этими пятьюстами. По их образу и подобию эта политика большую часть и ведется. Но если мы даже оставим в стороне вопрос о степени гениальности этих пятисот народных представителей, подумайте только о том, сколь различны те проблемы, которые ждут своего разрешения от этих людей. Представьте себе только, какие различные области возникают перед ними, и вы сразу поймете, насколько непригодно такое правительственное учреждение, в котором последнее слово предоставляется массовому собранию, где лишь очень немногие обладают подлинными знаниями и опытом в разрешении тех вопросов, которые там возникают. Все действительно важнейшие экономические вопросы ставятся на разрешение в таком собрании, где только едва десятая часть членов обладает каким-нибудь экономическим образованием. Но ведь это и значит отдать судьбы страны в руки людей, которые не имеют самых элементарных предпосылок для разрешения этих вопросов. Так обстоит дело и со всяким другим вопросом. Какой бы вопрос ни возник, все равно решать будет большинство людей несведущих и неумелых. Ведь состав собрания остается один и тот же, между тем как подлежащие обсуждению вопросы меняются каждый день. Ведь невозможно же в самом деле предположить, что одни и те же люди располагают достаточными сведениями, скажем, и в вопросах транспорта и в вопросах высокой внешней политики.

Иначе оставалось бы предположить, что мы имеем дело лишь исключительно с универсальными гениями, а ведь мы знаем, что действительные гении рождаются, быть может, раз в столетие. На самом деле в парламентах находятся не «голова», а только люди крайне ограниченные, с раздутыми претензиями дилетантов, умственный суррогат худшего сорта. Только этим и можно объяснить то неслыханное легкомыслие, с которым эти господа зачастую рассуждают (и разрешают) о проблемах, которые заставили бы очень и очень призадуматься даже самые крупные умы. Мероприятия величайшей важности, имеющие гигантское значение для всего будущего государства и нации, разрешаются господами парламентариями с такой легкостью, как будто дело идет не о судьбах целой расы, а о партии в домино. Конечно, было бы совершенно несправедливо предположить, что каждый из депутатов уже заранее родился с атрофированным чувством. Но нынешняя система принуждает отдельного человека занимать позицию по таким вопросам, в которых он совершенно не сведущ, и этим постепенно развращает человека. Никто не наберется храбрости сказать открыто: господа депутаты, я думаю, что мы по такому-то и такому-то вопросу ничего не понимаем, по крайней мере, я лично заявляю, что не понимаю. Если бы такой человек и нашелся, то все равно не помогло бы. Такого рода откровенность была бы совершенно не понятна. Про этого человека сказали бы, что он честный осел, но ослу все-таки нельзя позволять испортить всю игру. Однако, кто знает характер людей, тот поймет, что в таком «высоком» обществе не найдется лица, которое согласилось бы прослыть самым глупым из всех собравшихся. В известных кругах честность всегда считается глупостью. Таким образом, если даже и найдется среди депутатов честный человек, он постепенно тоже переходит на накатанные рельсы лжи и обмана. В конце концов у каждого из них есть сознание того, что, какую бы позицию ни занял отдельный из них, — изменить ничего не удастся. Именно это сознание убивает каждое честное побуждение, которое иногда возникает у того или другого из них. Ведь в утешение он скажет себе, что он лично еще не самый худший из депутатов и что его участие в высокой палате помогает избежать худшего из зол. Может быть, мне возразят, что хотя отдельный депутат в том или другом вопросе не

сведущ, но ведь его позиция обсуждается и определяется во фракции, которая политически руководит и данным лицом; а фракция-де имеет свои комиссии, которые собирают материал через сведущих лиц и т. д. На первый взгляд кажется, что это в самом деле так, но тут возникает вопрос: зачем же тогда выбирать пятьсот человек, раз на деле необходимой мудростью, которой в действительности определяются принимаемые решения, обладают лишь немногие. Да, именно в этом существо вопроса. В том-то и дело, что идеалом современного демократического парламентаризма является не собрание мудрецов, а толпа идейно зависимых нулей, руководить которыми в определенном направлении будет тем легче, чем более ограниченными являются эти людишки. Только на таких путях ныне делается так называемая партийная политика – в самом худом смысле этого слова. И только благодаря этому стало возможным, что действительный дирижер всегда осторожно прячется за кулисами и никогда не может быть привлечен к личной ответственности. Так и получается, что за самые вредные для нации решения ныне отвечает не негодяй, в действительности навязавший это решение, а целая фракция. Но таким образом всякая практическая ответственность отпадает, ибо такая ответственность могла бы заключаться только в определенных обязанностях отдельного лица, а вовсе не всей парламентской говорильни. Это учреждение может быть приятно только тем лживым субъектам, которые как черт ладана боятся божьего света. Каждому же честному, прямодушному деятелю, всегда готовому нести личную ответственность за свои действия, этот институт может быть только ненавистным. Вот почему этот вид демократии и стал орудием той расы, которая по своим внутренним целям не может не бояться божьего света ныне и присно. (Выделено мной. – В.Т.)

*** * ***

Сравните с этим истинно германскую демократию, заключающуюся в свободном выборе вождя с обязательностью для последнего – взять на себя всю личную ответственность за свои действия. Тут нет места голосованиям большинства по отдельным вопросам, тут надо наметить только одно лицо, которое потом отвечает за свои решения всем своим имуществом и жизнью. Если мне возразят, что при таких условиях трудно найти человека, который посвятит себя такой рискованной задаче, то я на это отвечаю:

– Слава богу, в этом и заключается весь смысл германской демократии, что при ней к власти не может прийти первый попавшийся недостойный карьерист и моральный трус; громадность ответственности отпугивает невежд и трусов.

Ну, а если бы неожиданно иногда этакому человеку и удалось взобраться на такое место, тогда его сразу обнаружат и без всякой церемонии скажут ему: «Руки прочь, трусливый негодяй, убирайся прочь, не грязни ступеней этого великого здания, ибо по ступеням Пантеона истории проходят не проныры, а только герои!»

(Да, Копье будоражило мозг, превращало человека в орудие для исполнения его же замыслов, причем в орудие безжалостное... – В.Т.)

*** * ***

«До этих взглядов доработался я в течение моих двухлетних посещений венского парламента. После этого я перестал ходить в рейхсрат. В последние годы слабость габсбургского государства все более и более увеличивалась, и в этом была одна из главных заслуг парламентского режима. Чем больше благодаря этому режиму ослаблялись позиции немцев, тем больше в Австрии открывалась дорога для системы использования одних национальностей против других. В самом рейхсрате эта игра всегда происходила за счет немцев, а тем самым в конце концов за счет государства. Ибо в конце XIX столетия было ясно даже слепым, что притягательная сила монархии настолько мала, что не может больше справляться с центробежными тенденциями отдельных национальных областей.

Напротив!

Чем больше выяснялось, что государство располагает только жалкими средствами к своему самосохранению, тем большим становилось всеобщее презрение по его адресу. Уже не только Венгрия, но и отдельные славянские провинции не отождествляли себя больше с единой монархией, и слабость последней никто уже не воспринимал как свой собственный позор. Признаки наступающей старости монархии скорее радовали; в это время на ее смерть возлагалось уже гораздо больше надежд, нежели на возможное ее выздоровление. В парламенте еще удавалось избежать полного краха только ценой недостойных уступок любому шантажу, издержки которого падали в конце концов на немцев. В общегосударственной же жизни краха избегали только при помощи более или менее искусного разыгрывания одной национальности против другой. (Понимал ли сам Гитлер, что он писал? Впоследствии он так и поступал сам. – В.Т.) Однако, сталкивая лбами отдельные национальности, правительство направляло общую линию политики против немцев. Политика сознательной чехизации страны сверху проводилась особенно организованно с того момента, когда наследником престола стал эрцгерцог Франц-Фердинанд, получивший значительное влияние на государственные дела. Этот будущий властитель государства всеми доступными ему средствами оказывал содействие разномечиванию австро-венгерской монархии. Эту политику он проводил открыто или по крайней мере поддерживал негласно. Всеми правдами и неправдами чисто немецкие территории включались благодаря махинациям государственной администрации в опасную зону смешанных языков. Даже в Нижней Австрии этот процесс стал развиваться все быстрее. Многие чехи стали уже смотреть на Вену, как на самый крупный чешский город. Супруга эрцгерцога была чешской графиней. Она происходила из семьи, в которой враждебное отношение к немцам стало прочной традицией. С Францем-Фердинандом она была в мorganатическом браке. Руководящая идея этого нового Габсбурга, в чьей семье разговаривали только по-чешски, состояла в том, что в центре Европы нужно постепенно создать славянское государство, построенное на строго католической базе, с тем чтобы оно стало опорой против православной России. У Габсбургов давно уже стало обычаем употреблять религию на службе чисто политических идей. Но в данном случае дело шло об идее достаточно несчастливой – по крайней мере с немецкой точки зрения. Результат получился во многих отношениях более чем печальный. Ни дом Габсбургов, ни католическая церковь не получили ожидаемого вознаграждения. Габсбурги потеряли трон, Рим потерял крупное государство. Привлекши на службу своим политическим планам религиозные моменты, корона вызвала к жизни таких духов, о существовании которых она раньше и сама не подозревала. Попытки всеми средствами искоренить немецкое начало в старой монархии вызвали в качестве ответа всенемецкое национальное движение в Австрии. К 80-м годам XIX столетия манчестерский либерализм еврейской ориентировки перешел уже через свой кульминационный пункт и пошел вниз также и в австро-венгерской монархии. Но в Австрии реакция против него, как и все вообще в австро-венгерской монархии, возникла не из моментов социальных, а национальных. Чувство самосохранения побудило немцев оказать сопротивление в самой острой форме. Постепенно начали оказывать решающее влияние также и экономические мотивы – но только во вторую очередь. На этих путях из политического хаоса и создались две новых политические партии, из которых одна базировалась больше на национальном моменте, а другая больше на социальном. Оба новых партийных образования представляли громадный интерес и были поучительны для будущего. Непосредственно после войны 1866 года, окончившейся для Австрии тяжелым поражением, габсбургский дом носился с идеей военного реванша. Сотрудничеству с Францией помешала только история с неудачной экспедицией Макса в Мексику. Ответственность за эту экспедицию возлагали главным образом на Наполеона III и чрезвычайно возмущались тем, что французы оставили экспедицию на произвол судьбы. Тем не менее Габсбурги находились тогда в состоянии прямого выжидания. Если бы война 1870—

1871 годов не превратилась в сплошное победное шествие Пруссии, то венский двор наверняка попытался бы ввязаться в кровавую игру и отомстить за Садовую. Но когда с поля битвы стали приходиться изумительные, сказочные и тем не менее совершенно точные известия о немецких победах, тогда «мудрейший» из монархов понял, насколько неблагоприятен момент для каких бы то ни было попыток реванша. Габсбургам ничего не оставалось как сделать хорошую мину при плохой игре. Но героические победы 1870—1871 годов совершили еще одно великое чудо. Перемена позиции у Габсбургов никогда не определялась побуждениями сердца, а диктовалась только горькой необходимостью. Что же касается немецкого народа в Австрии, то для него победы немецкого оружия были истинным праздником. С глубоким воодушевлением и подъемом австрийские немцы следили за тем, как великая мечта отцов снова становилась прекрасной действительностью. Ибо не надо заблуждаться: действительно национально настроенные австрийские немцы уже сразу после Кенигреца увидели, что в эти тяжелые и трагические минуты создается необходимая предпосылка к возрождению нового государства, которое было бы свободно от гнилостного маразма старого союза. Австрийские немцы на собственной шкуре чувствовали весьма осязательно, что династия Габсбургов закончила свое историческое предназначение и что создающееся теперь новое государство должно искать себе императора, действительно достойного «короны Рейна». Такой немец тем больше благословлял грядущую судьбу, что в германском императоре он видел потомка Фридриха Великого – того, кто в тяжелые времена уже однажды указал народу дорогу к великому подъему, кто навеки вписал в историю одну из самых светлых страниц. Когда после окончания великой войны дом Габсбургов решил продолжить борьбу против «своих» немцев (настроение которых было вполне очевидным), австрийские немцы организовали такое могучее сопротивление, какого не знала еще новейшая немецкая история. В этом не было ничего удивительного, ибо народ чувствовал, что логическим последствием политики славянизации неизбежно было бы полное уничтожение немецкого влияния. Впервые дело сложилось так, что люди, настроенные национально и патриотически, вынуждены были стать мятежниками. Мятежниками не против нации, не против государства как такового, но против такого управления страной, которое по глубокому убеждению восставших неизбежно привело бы к гибели немецкую народность. Впервые в новейшей истории немецкого народа дело сложилось так, что любовь к отечеству и любовь к народу оказались во вражде с династическим патриотизмом в его старом понимании. Одной из крупнейших заслуг всенемецкого национального движения в Австрии в 90-х годах было то, что оно доказало: лишь та государственная власть имеет право на уважение и на поддержку, которая выражает стремления и чувства народа или по крайней мере не приносит ему вреда. Не может быть государственной власти как самоцели. В этом последнем случае любая тирания оказалась бы в нашем грешном мире навеки неприкосновенной и освященной. Когда правительственная власть все те средства, какими она располагает, употребляет на то, чтобы вести целый народ к гибели, тогда не только правом, но и обязанностью каждого сына народа является бунт. Ну, а вопрос о том, где именно можно говорить о подобном казусе, – этот вопрос разрешается не теоретическими дискуссиями, а силой и успехом. Каждая правительственная власть, конечно, будет настаивать на том, чтобы сохранить свой государственный авторитет, как бы плохо она ни выражала стремления народа и как бы ни предавала она его направо и налево. Что же остается делать действительным выразителям народных чаяний и стремлений? Инстинкт самосохранения в этом случае подскажет народному движению, что в борьбе за свободу и независимость следует применить и те средства, при помощи которых сам противник пытается удержать свое господство. Из этого вытекает, что борьба будет вестись «легальными» средствами лишь до тех пор, пока правительство держится легальных рамок, но движение не испугается и нелегальных средств борьбы, раз угнетатели народа также прибегают к ним. Главное же, чего не следует забывать: высшей целью человечества является ни в коем случае не сохранение данной государственной формы или тем более

данного правительства, а сохранение народного начала. Раз создается такое положение, которое угрожает свободе или даже самому существованию народа, – вопрос о легальности или нелегальности играет только подчиненную роль. Пусть господствующая власть тысячу раз божится «легальностью», а инстинкт самосохранения угнетенных все равно признает, что при таком положении священным правом народа является борьба всеми средствами. Только благодаря этому принципу возможны были те великие освободительные битвы против внутреннего и внешнего порабощения народов на земле, которые стали величайшими событиями мировой истории. Человеческое право ломает государственное право. Если же окажется, что тот или другой народ в своей борьбе за права человека потерпел поражение, то это значит, что он был слишком легковесен и недостойн сохраниться как целое на земле. Вечно справедливое провидение уже заранее обрекло на гибель тех, кто не обнаружил достаточной готовности или способности бороться за продолжение своего существования. Для трусливых народов нет места на земле».

(Человек, который рассчитывал стать художником (то есть умевшим через краски, кисти и бумагу передавать красоту окружающего мира), вдруг оказался во власти совершенно уродливых мыслей. Что это – патология, результат увлечения далекими от реальности идеями, помешательство – в результате сильного потрясения от увиденного или услышанного? – В.Т.)

*** * ***

«Как легко тирания облачается в мантию так называемой „легальности“, ясней и нагляднее всего доказывается опять-таки австрийским примером. Легальная государственная власть опиралась в то время на антинемецки настроенный парламент с его не-немецкими большинами, а также на палату господ, настроенную столь же враждебно к немцам. Этими двумя факторами олицетворялась вся государственная власть. Попытаться в рамках этих учреждений изменить судьбу австро-немецкого народа было бы нелепостью. Наши современные политики, которые умеют только молиться на „легальность“, сделали бы из этого, конечно, тот вывод, что раз нельзя сопротивляться легально, то надо попросту оставить всякое сопротивление. В тогдашней австрийской обстановке это означало бы с неизбежной необходимостью гибель немецкого народа и притом в кратчайший срок. И в самом деле: ведь судьба немецкого народа в Австрии была спасена только благодаря тому, что австро-венгерское государство крахнуло. Ограниченный теоретик в шорах скорей умрет за свою доктрину, чем за свой народ. (И Гитлер своей судьбой сам доказал, что это именно так. – В.Т.) Люди создают для себя законы, из чего этот теоретик заключает, что не законы для людей, а люди для закона. Одной из крупнейших заслуг тогдашнего всенемецкого национального движения в Австрии было то, что к ужасу всех фетишистов государственности и идолопоклонников теории оно раз и навсегда покончило с этой нелепостью. В ответ на попытки Габсбургов всеми средствами повести борьбу против немецкого начала названная партия беспощадно напала на „высокую“ династию. Немецко-национальное движение показало гнилость этого государства и открыло глаза сотням тысяч на подлинную сущность Габсбургов. Заслугой этой партии является то, что она спасла великую идею любви к отечеству, вырвав ее из рук этой печальной династии. Когда эта партия начинала борьбу, число ее сторонников было необычайно велико и нарастало прямо как лавина. Однако успех этот не оказался длительным. Когда я приехал в Вену, это движение пошло уже на убыль и почти потеряло всякое значение, после того как к власти пришла христианско-социальная партия. Каким образом возникло и вместе с тем так быстро пошло к своему закату всегерманское национальное движение, с одной стороны, и каким образом с такой неслыханной быстротой поднялась христианско-социальная партия, с другой, – вот над чем стал я думать, вот что стало для меня классической проблемой, достойной самого глубокого

изучения. Когда я приехал в Вену, все мои симпатии были целиком на стороне всегерманской национальной партии.

Мне ни капельки не импонировало и тем более не радовало поведение тех, кто приходил в австрийский парламент с возгласом «да здравствуют Гогенцоллерны», но меня очень радовало и внушало самые гордые надежды то обстоятельство, что австрийские немцы стали сознавать себя только на время оторванной от всегерманского государства частью народа и теперь уже заявляли об этом открыто. Я видел, что единственным спасением является то, что теперь австрийские немцы открыто занимают позицию по всем вопросам, связанным с национальной проблемой, и решительно отказываются от беспринципных компромиссов. Именно ввиду всего этого я совершенно не мог понять, почему это движение после столь великолепного начала так быстро пошло вниз. Еще меньше я мог понять, почему в то же самое время христианско-социальная партия смогла стать такой большой силой. А христианско-социальная партия как раз в то время и достигала высшего пункта своей славы. Я начал сравнивать оба эти движения. Судьба опять дала мне лучшие наглядные уроки и помогла мне разрешить эту загадку. Мое личное печальное положение только помогло мне в этом отношении. Я начал с того, что стал сравнивать фигуры обоих вождей и основателей этих двух партий: с одной стороны, Георга фон Шенерера и, с другой стороны, доктора Карла Люэгера. Как индивидуальности оба они стояли несравненно выше средних парламентских деятелей. В обстановке всеобщей политической коррупции оба они остались совершенно чистыми и недосыгаемыми. Тем не менее мои личные симпатии вначале были на стороне вождя всегерманской национальной партии Шенерера и лишь постепенно склонились на сторону вождя христианско-социальной партии Люэгера. Сравнивая личные дарования того и другого, я приходил тогда к выводу, что более глубоким мыслителем и более принципиальным борцом является Шенерер. Ясней и правильней, чем кто бы то ни было другой, он видел и предсказывал неизбежный конец австрийского государства. Если бы его предостережения против габсбургской монархии были лучше услышаны, в особенности в Германии, то, может быть, мы избегли бы несчастья мировой войны, в которой Германия оказалась почти одна против всей Европы. Внутреннюю сущность проблем Шенерер понимал превосходно, но зато он сильно ошибался в людях. В этой последней области была как раз сильная сторона доктора Люэгера. Люэгер был редким знатоком людей. Его правилом было ни в коем случае не видеть людей в лучшем свете, чем они есть. Поэтому он гораздо лучше считался с реальными возможностями жизни, нежели Шенерер. Все идеи вождя немецкой национальной партии были, говоря теоретически, совершенно правильны, но у него не оказалось ни силы, ни умения, чтобы передать это теоретическое понимание массе. Другими словами, он не сумел придать своим идеям такую форму, которая соответствовала бы степени восприимчивости широких масс народа (а эта восприимчивость довольно ограничена). Поскольку это было так, – вся теоретическая мудрость и глубина Шенерера оставалась только мудростью умозрительной, она никогда не смогла перейти в практическую действительность. Этот недостаток практического понимания людей привел в дальнейшем к ошибочной оценке соотношения сил, к непониманию реальной силы, заложенной в целых движениях и в очень старых государственных учреждениях. Шенерер, конечно, понимал, что в конце концов тут дело шло о вопросах мирозерцания. Но он так и не понял, что носителями таких почти религиозных убеждений в первую очередь должны стать широкие массы народа. Шенерер, к сожалению, лишь очень мало отдавал себе отчет в том, насколько ограничена воля к борьбе в кругах так называемой солидной буржуазии. Он не понимал, что такое ее отношение неизбежно вытекает из ее экономических позиций: у такого буржуа есть что потерять и это заставляет его быть в таких случаях более чем сдержанным. Победа целого мировоззрения становится действительно возможной лишь в том случае, когда носительницей нового учения является сама масса, готовая взвалить на свои плечи все тяготы борьбы. Этому недостаточному пониманию того великого значения, которое имеют

низшие слои народа, вполне соответствовало тогдашнее недостаточное понимание социального вопроса вообще. (Почти по-большевистски. – В.Т.) Во всех этих отношениях доктор Люэгер был прямой противоположностью Шенерера. Основательное знание людей давало ему возможность правильно оценивать соотношение сил. Это избавляло его от опасности неправильных оценок уже существующих органов. Трезвая оценка обстановки побуждала его, напротив, стараться использовать и старые общественные учреждения в борьбе за свои цели. Он отдавал себе полный отчет в том, что в современную эпоху одних сил верхних слоев буржуазии совершенно недостаточно, чтобы дать победу новому движению, поэтому он перенес центр тяжести своей политической деятельности на завоевание тех слоев, которые условиями существования толкаются на борьбу и у которых воля не парализована. Поэтому же он склонен был с самого начала использовать и уже существующие орудия влияния и бороться за то, чтобы склонить на свою сторону уже существующие могущественные учреждения. Он ясно понимал, что необходимо извлечь возможно больше пользы для своего движения из старых источников силы. Благодаря этому пониманию Люэгер дал своей новой партии основную установку на завоевание средних классов, которым угрожала гибель. Этим он создал себе непоколебимый фундамент и резервуар сил, неизменно готовых к упорной борьбе. Его бесконечно умная тактика по отношению к католической церкви дала ему возможность в кратчайший срок завоевать молодое поколение духовенства в таких размерах, что старой клерикальной партии ничего не оставалось, как либо очистить поле, либо (что было более умно с ее стороны) примкнуть к новой партии и попытаться таким образом постепенно отвоювать себе прежние позиции. Но было бы несправедливо думать, что сказанным исчерпываются таланты этого человека. На самом деле он был не только умным тактиком, но обладал также всеми качествами действительно великого и гениального реформатора. В этой последней области он также знал точную границу существующим возможностям и отдавал себе ясный отчет в своих собственных способностях. Этот в высшей степени замечательный человек поставил себе совершенно практические цели. Он решил завоевать Вену. Вена играла роль сердца монархии. Из этого города только еще и могла исходить та жизнь, которая поддерживала существование болезненного и стареющего организма всего пошатнувшегося государства. Чем больше удалось бы оздоровить сердце, тем более свежим должен был становиться весь организм. Идея сама по себе совершенно правильная, но, конечно, и она могла найти себе применение только в течение определенного времени. В этом последнем заключалась слабая сторона Люэгера. То, что ему удалось сделать для города Вены, является бессмертным в лучшем смысле этого слова. Но спасти этим путем монархию ему не удалось – было уже слишком поздно. Эту сторону дела его соперник Шенерер видел ясней. Все практические начинания доктора Люэгера удалось ему великолепно, но те надежды, которые он связывал с этими начинаниями, увы, не исполнились. С другой стороны, то, чего хотел Шенерер, совершенно ему не удалось, а то, чего он опасался, к сожалению, исполнилось в ужасающей мере. Так и случилось, что оба эти деятеля не увидели своих конечных целей исполненными. Люэгеру не удалось уже спасти Австрию, а Шенереру не удалось предохранить немецкий народ от катастрофы. Для нашей современной эпохи бесконечно поучительно изучить подробнейшим образом причины неудачи, постигшей обе эти партии. Это особенно полезно будет для моих друзей, ибо в ряде пунктов обстановка такая же, как и тогда. Мы можем и должны теперь избежать тех ошибок, которые привели тогда к гибели одного движения и к бесплодности другого. С моей точки зрения крах немецкого национального движения в Австрии обуславливался тремя причинами: во-первых, сыграло роковую роль неясное представление партии о том значении, какое имеет социальная проблема как раз для новой, по сути своей революционной партии. Поскольку Шенерер и его ближайшие сторонники в первую очередь обращались только к буржуазным слоям, результат мог получиться лишь очень слабый и робкий. Когда дело идет о внутренних делах нации или государства, немецкое бюргерство, в особенности в его высших слоях, настроено настолько пацифистски,

что готово буквально отказаться от самого себя. (Здесь Гитлер явно заблуждался, не учитывая политической культуры немцев. – В.Т.) Отдельное лицо не всегда сознает это, но это все-таки так. В хорошие времена, то есть применительно к нашему случаю во времена хорошего правления, такие настроения делают эти слои очень ценными для государства. Во времена же плохого правления эти свойства приводят просто к ужасающим результатам. Если всенемецкое национальное движение хотело провести действительно серьезную борьбу, оно должно было прежде всего постараться завоевать массы. Этого оно сделать не сумело, и это лишило его той элементарной стихийной силы, которая нужна для того, чтобы волна не упала в самый кратчайший срок. Раз партия с самого начала не придерживалась этого принципа и не провела его в жизнь, такая новая партия впоследствии не будет уже иметь возможности наверстать потерянное. Раз партия с самого начала набрала многочисленные умеренно буржуазные элементы, это предопределяет то, что в своих внутренних установках партия будет ориентироваться уже в эту сторону. Таким образом партия уже с самого начала отрезает себе перспективу завоевания крупных сил из среды низших слоев народа. Но такое движение уже заранее осуждено на бледную немочь и вынуждено ограничиваться только критиканством. Партия уже не сможет опереться на ту почти религиозную веру, без которой нет серьезной способности к самопожертвованию. Вместо всего этого в партии возобладает стремление к «положительному» сотрудничеству с существующим режимом, то есть к признанию того, что есть. В партии постепенно возобладают стремления смягчить борьбу, чтобы в конце концов прийти к гнилому миру. Это именно и случилось с всенемецким национальным движением. Причина заключалась именно в том, что оно с самого начала не сделало центром тяжести своей деятельности борьбу за завоевание широких масс народа. Именно благодаря этому оно стало «умеренно-радикальным» и буржуазно-чопорным. Из этой первой ошибки вытекла и вторая причина быстрой гибели движения. К моменту возникновения немецко-национального движения положение немцев в Австрии было уже в сущности отчаянным. Из года в год парламент все больше становился учреждением, работающим в направлении медленного, но систематического уничтожения немецкого народа. Серьезная попытка в последнюю минуту спасти дело могла заключаться только в устранении этого учреждения. Только в этом случае открывались, да и то лишь небольшие, шансы на успех. В связи с этим для движения вставал следующий вопрос принципиального значения: надо ли идти в парламент, чтобы скорей уничтожить парламент, или, как тогда выражались, чтобы «взорвать его изнутри», или же, наоборот, в парламент не ходить, а повести на это учреждение прямо и открыто фронтальную атаку. Решили войти. Вошли и... вышли оттуда побитые. Конечно, войти при сложившихся обстоятельствах пришлось. Чтобы повести борьбу против такой силы открыто с фронта, нужно было, во-первых, обладать непоколебимым мужеством, а во-вторых, готовностью к бесчисленным жертвам. Это означало бы взять быка прямо за рога. Но при этом, конечно, приходится рисковать тем, что будешь несколько раз опрокинут. Едва подынешься с земли, должен начать борьбу снова, а победа дастся только после очень тяжелой борьбы и то лишь бойцам, обладающим безумной смелостью. Великие жертвы приведут в лагерь борьбы новые великие резервы. В конце концов упорство будет вознаграждено победой. Но для всего этого нужно, чтобы в борьбе принимали участие сыны народа, широкие массы его. Они одни могут найти в себе решимость и стойкость довести такую борьбу до конца.

А этих широких масс народа как раз и не было в рядах немецкой национальной партии. Вот почему ей ничего другого не оставалось, как пойти в парламент. Было бы неправильным предположить, что это решение явилось результатом долгих и мучительных внутренних колебаний или даже просто результатом длительных размышлений. Нет, люди не могли тебе и представить других форм борьбы. Участие в этой нелепости было только результатом общей путаницы представлений и непонимания того, какое влияние неизбежно должно было оказать участие партии в том учреждении, которое она сама решительно осудила. Обычно

рассуждение заключалось в том, что, выступая «перед лицом всей нации» на «всемирной трибуне», партия получит возможность легче просветить широкие слои народа. Борьба внутри парламента в глазах многих обещала большие результаты, нежели нападение извне. К тому же известные надежды возлагались на депутатскую неприкосновенность. Люди были уверены в том, что парламентский иммунитет только укрепит отдельных бойцов и придаст большую силу их ударам. В живой действительности все это вышло по-иному. Аудитория, перед которой теперь выступали депутаты немецкой национальной партии, стала не большей, а меньшей. Ведь каждый оратор говорит только перед тем кругом, который слушает его непосредственно, или перед тем кругом читателей, до которых доходят отчеты прессы. В действительности самой широкой аудиторией является не зал заседаний парламента, а зала больших публичных народных собраний. Ибо в стены этих последних собираются тысячи людей, пришедших сюда с единственной целью послушать то, что скажет им оратор, между тем как в зал заседаний парламента являются только несколько сот человек, да и те главным образом для того, чтобы получить полагающуюся им суточную плату, а вовсе не для того, чтобы чему-нибудь путному научиться у одного «народного представителя». Главное же: в зале заседаний парламента всегда собирается одна и та же публика, которая вовсе не считает нужным чему-либо еще доучиваться по той простой причине, что у нее нет не только понимания необходимости этого, но нет и самой скромной дозы желанья. Ни один из этих народных представителей никогда добровольно не признает правоту другого и никогда не отдаст своих сил для борьбы за дело, защищаемое его коллегой. Нет, никогда он этого не сделает, за тем единственным исключением, когда ему кажется, что, совершив такой поворот, он лучше обеспечит свой мандат в парламенте следующего созыва. Лишь тогда, когда все воробы на крышах чирикают о том, что ближайшие выборы принесут победу другой партии, столпы прежней партии, украшавшие ее до сих пор, мужественно перебегают в другой лагерь, т. е. лагерь той партии или того направления, которое по их расчетам должно завоевать более выгодную позицию. Совершая этот поворот, эти беспринципные господа, конечно, не поспеют наговорить бездну фраз «морального» содержания. Обычно так и происходит: когда народ отворачивается от какой-либо партии настолько решительно, что всякому ясно, какое уничтожающее поражение ожидает эту партию, тогда начинается великое бегство. Это парламентские крысы покидают партийный корабль. Бегство это вытекает не из велений совести, оно происходит не по доброй воле, нет, оно простой результат той «прозорливости», которая позволяет этакому парламентскому клопу как раз вовремя покинуть ставшее ненадежным место для того, чтобы достаточно своевременно усесться в более теплой постели другой партии. Говорить перед такой «аудиторией» поистине означает метать бисер перед известными животными. Право, в этом нет никакого расчета. Результат не может не быть ничтожным. Так оно и случилось. Депутаты немецкой национальной партии могли надрываться до хрипоты, все равно никакого влияния их речи не оказывали. Пресса же или совершенно замалчивала их или так извращала их речи, что нельзя было уловить никакой связи, а порой эти речи преподносились в таком искаженном виде, что общественное мнение получало очень плохое представление о намерениях новой буржуазии. Все равно, что бы ни говорили отдельные депутаты, широкая публика узнавала только то, что можно было об их речах прочесть в газетах, а «изложение» их речей в прессе было такое, что речи казались только нелепыми, если не хуже. Ну, а их непосредственная аудитория состояла только из каких-нибудь пятисот парламентариев.

Этим сказано все.

Самое плохое, однако, было следующее: всенемецкое национальное движение лишь тогда могло рассчитывать на успех, если бы оно с самого начала поняло, что дело должно идти не просто о создании новой партии, а о выработке нового мирозерцания. Только новое мирозерцание могло найти в себе достаточно сил, чтобы победить в этой исполинской борьбе. Чтобы руководить такой борьбой, нужны самые ясные, самые

мужественные головы. Если борьбой за то или другое мирозерцание не руководят готовые к самопожертвованию герои, то в ближайшем будущем движение не найдет и отважных рядовых бойцов. Кто борется за свое собственное существование, у того немного остается для общего блага. Для того чтобы создать эти предпосылки, необходимо, чтобы каждый понимал, что честь и слава ждут сторонников нового движения лишь в будущем, а в настоящем это движение никаких личных благ дать не может. Чем больше то или другое движение будет раздавать посты и должности, тем большее количество сомнительных людей устремится в этот лагерь. Если партия эта имеет большой успех, то ищущие мест политические попутчики зачастую наводняют ее в такой мере, что старый честный работник партии иногда просто не может ее узнать, а новые пришельцы отвергают самого этого старого работника как теперь уже ненужного и «непризванного». Это и означает, что «миссия» такого движения уже исчерпана. Как только немецкое национальное движение связало свою судьбу с судьбой парламента, у него вместо вождей и бойцов тоже оказались «парламентарии». Этим немецко-национальная партия опустилась до уровня обычных повседневных политических партий и потеряла ту силу, которая необходима для того, чтобы в ореоле мученичества идти навстречу трагической судьбе. Вместо того, чтобы организовать борьбу, деятелям партии теперь оставалось тоже только «выступать» и «вести переговоры». И что же – этот новый парламентарий в течение короткого времени тоже пришел к той мысли, что самой возвышенной (ибо менее рискованной) обязанностью его является защита нового мирозерцания так называемыми «духовными» средствами парламентского красноречия; что это во всяком случае будет спокойнее, чем с опасностью для собственной жизни бросаться в борьбу, исход которой неизвестен и ничего особенно хорошего принести не может. Пока вожди сидели в парламенте, сторонники партии за стенами парламента ждали чудес, а чудеса эти не наступали и, конечно, наступить не могли. Скоро люди стали терять терпение. То, что говорили собственные депутаты, ни в коей мере не соответствовало ожиданиям избирателей. Это было вполне понятно, ибо враждебная пресса делала абсолютно все возможное, чтобы помешать народу составить себе правильное представление о выступлениях депутатов немецко-национальной партии в парламенте.

В то же время происходил и другой процесс. Чем больше народные представители приобретали вкус к более мягкой форме «революционной» борьбы в парламенте и в ландтагах, тем менее оказывались они готовыми пойти назад в широкие слои народа и заняться опять более опасной просветительной работой. Массовые народные собрания отступали все больше на задний план, а между тем это единственный путь, дающий возможность непосредственного воздействия на массу и тем самым завоевания значительных кругов народа на свою сторону. Трибуна парламента все больше и больше оттесняла на задний план залы народных собраний. Вместо того, чтобы говорить с народом, депутаты заняты были излияниями перед так называемыми избранными. Все это и приводило к тому, что немецкое национальное движение все больше переставало быть народным движением и упало до уровня более или менее обыкновенного клуба, где велись академические споры. Пресса распространяла о партии самые плохие представления. Представители партии уже не старались на больших народных собраниях восстановить истину и показать действительные цели партии. В конце концов дело сложилось так, что слова «немецкое национальное движение» стали вызывать в широких кругах народа насмешку. Пусть запомнят это все тщеславные писаки нашего времени: великие перевороты в этом мире никогда не делались при помощи пера. Нет, перу предоставлялось только теоретически обосновать уже совершившийся переворот. Испокон веков лишь волшебная сила устного слова была тем фактором, который приводил в движение великие исторические лавины как религиозного, так и политического характера. Широкие массы народа подчиняются прежде всего только силе устного слова. Все великие движения являются народными движениями. Это – вулканическое извержение человеческих страстей и душевных переживаний. Их всегда

вызывает к жизни либо суровая богиня-нужда, либо пламенная сила слова. Никогда еще великие движения не были продуктами лимонадных излиятий литературных эстетов и салонных героев. Повернуть судьбы народов может только сила горячей страсти. Пробудить же страсти других может только тот, кто сам не бесстрастен. Только страсть дарит избранным ею такие слова, которые как ударами молота раскрывают ворота к сердцам народа. Кто лишен страстности, у кого уста сомкнуты, того небеса не избрали вестником их воли. Человеку, который является только писателем, можно сказать, что пусть он сидит за столом со своей чернильницей и занимается «теоретической» деятельностью, если только у него имеются для этого соответствующие способности; вождем же он не рожден и не избран. Всякому движению, ставящему себе большие цели, нужно поэтому самым тщательным образом добиваться того, чтобы оно не теряло связи с широкими слоями народа. Такое движение должно каждую проблему рассматривать в первую очередь именно под этим углом зрения. Все его решения должны определяться этим критерием. Такое движение должно далее систематически избегать всего того, что может уменьшить или даже только ослабить его влияние на массу.

И это не из каких-либо «демагогических» соображений.

Нет.

Этим надо руководствоваться по той простой причине, что без могучей силы народной массы ни одно движение, как бы превосходно и благородно ни были его намерения, не может достичь цели. Пути к нашей цели определяются жесткой необходимостью. Кто не хочет идти неприятными путями, тому приходится просто-напросто отказаться от своей цели. Это не зависит от наших добрых желаний. Так уж устроен наш грешный мир. Всенемецкое национальное движение перенесло центр тяжести своей деятельности в парламент, а не в народ, именно поэтому вышло так, что оно отказалось от своего будущего ради успехов минуты. Это движение избрало более «легкие» пути, но именно поэтому оно оказалось недостойным своей конечной победы. В Вене я продумал эти проблемы самым основательным образом и пришел к тому выводу, что именно в этом была основная причина краха немецко-национального движения. Для меня это было тем более печально, что в моих глазах это движение призвано было безраздельно руководить борьбой за дело немецкого народа. Обе ошибки, приведшие к гибели немецкое национальное движение, находились в тесной связи друг с другом. Недостаточное понимание того, что является подлинно движущей силой больших переворотов, привело к неправильному пониманию значения широкой массы народа; отсюда – недостаточный интерес к социальным вопросам, недостаточная борьба за душу низших слоев нации, но отсюда же и преувеличенная оценка парламента. Если бы эта партия поняла, какая невиданная сила заложена именно в народной массе как носительнице революционной борьбы, то партия совершенно по-иному повела бы всю свою работу и пропаганду. Тогда партия перенесла бы центр тяжести своей деятельности в предприятия и на улицу, а вовсе не в парламент. Но и третья ошибка партии в последнем счете заложена также в непонимании значения массы, в непонимании того, что сильные духом люди должны дать массе толчок в определенном направлении, а потом уже сама масса подобно маховому колесу усиливает движение и дает ему постоянство и упорство. Немецкое национальное движение повело систематическую борьбу с католической церковью. Это в свою очередь объясняется тоже только недостаточным пониманием народной психологии. Причины резкой борьбы новой партии против Рима были таковы: когда дом Габсбургов окончательно решился превратить Австрию в славянское государство, все средства показали ему для этого хороши. Бессовестная династия поставила на службу этой новой «государственной идее» также религиозные учреждения.

Для этого династия стала использовать также чешских священников, видя в них тоже одно из подходящих орудий славянизации Австрии. Дело происходило приблизительно следующим образом: в чисто немецкие общины назначались священники-чехи. Эти

последние систематически и неуклонно проводили чешскую политику, ставя интересы чехов выше интересов церкви. Чешские приходы таким образом становились ячейками разнемецивания страны. Немецкое духовенство, к сожалению, оказалось совершенно бессильным противостоять этому. Оно не только неспособно было само вести аналогичную наступательную кампанию, оно не в состоянии было даже и к оборонительной политике. Так обошли немцев с тыла. Злоупотребления религией на одной стороне, неспособность оказать какое бы то ни было сопротивление – на другой приводили к тому, что немцы вынуждены были медленно, но непрерывно отступать. Так обстояло дело в малом. Но и в большом положение было такое же. Антинемецкие попытки Габсбургов не встречали отпора и в высшем духовенстве. Защита самых элементарных прав немцев все больше отступала на задний план. Общее впечатление получалось такое, что здесь дело идет о сознательном и грубом попрании интересов немецкого народа, совершаемом католическим духовенством как таковым. Получалось так, что церковь не только отворачивается от немецкого народа, но прямо переходит на сторону его врагов. Шенерер же считал, что главная причина всего этого заложена в головке католической церкви, находящейся вне Германии. По его мнению уже из одного этого вытекало враждебное отношение руководящих кругов католической церкви к чаяниям нашего народа. Так называемые культурные проблемы отступали при этом почти целиком на задний план, как и во всем в тогдашней Австрии. Для немецкого национального движения решающим было тогда не отношение католической церкви, скажем, к науке и т. п., а более всего и прежде всего то, что она не защищала прав немецкого народа и оказывала постоянное предпочтение домогательствам и жадности славян. Георг Шенерер был человек последовательный, он ничего не делал наполовину. Он открыл кампанию против церкви в полном убеждении, что только таким путем можно еще спасти немецкий народ. Движение за эмансипацию от влияния римской церкви казалось ему самым верным путем к цели, самым могучим снарядом, направленным против крепости врага. Если бы этот удар оказался победоносным, то это означало бы, что и в Германии печальному расколу церкви был бы положен конец и что внутренние силы германской империи и всей немецкой нации выиграли бы благодаря этому чрезвычайно много. К сожалению ни предпосылки, ни выводы не были правильными. Верно то, что сила сопротивления немецкого католического духовенства в области национальной борьбы была несравненно меньше силы сопротивления их коллег ненемецкого и в особенности чешского происхождения. Только люди невежественные могли не понимать того, что немецкому духовенству и в голову не приходит взять на себя действительно смелую защиту немецких интересов.

Однако только ослепленные люди могли не понимать того, что это обстоятельство в первую очередь объясняется причинами общими для всех нас, немцев: они заложены в нашей так называемой «объективности», в нашем равнодушном отношении к проблемам нашей народности, как впрочем и к некоторым другим проблемам. Чешское духовенство относится вполне субъективно к своему народу и «объективно» к судьбам церкви. А немецкий священник наоборот: он предан со всей субъективностью церкви и остается совершенно «объективным» по отношению к своей нации. Это явление мы, к несчастью, наблюдаем среди нас и в тысячах других случаев. Это вовсе не только особое наследие католицизма. Нет, эта печальная черта разъедает у нас почти все учреждения, в особенности государственные и духовные. Попробуйте только сравнить, как относится наше чиновничество к попыткам национального возрождения и как в аналогичном случае отнеслось бы чиновничество любого другого народа. Или посмотрите, как относится наш офицерский корпус к чаяниям нашей нации. Разве можно себе представить, чтобы офицерский корпус любой другой страны в мире занял бы такую же позицию и стал бы прятаться под сенью фраз об «авторитете государства». А ведь у нас эти фразы за последние пять лет стали чем-то само собою разумеющимся и считаются даже похвальными. Ну, а возьмите еврейский вопрос. Ведь и католики и протестанты занимают у нас по отношению к

нему позицию, которая явно не соответствует ни чаяниям народа, ни действительным потребностям религии. Попробуйте сравнить позицию еврейского раввина в вопросах, имеющих хотя бы самое малое значение для еврейства как расы, с позицией громадного большинства нашего духовенства, – увы, одинаково и католического и протестантского. Это явление мы можем наблюдать у нас постоянно, когда речь идет о защите той или другой абстрактной идеи. «Государственный авторитет», «демократия», «пацифизм», «международная солидарность» и т. д. – вот понятия, которые господствуют у нас и которым придается такое прямолинейное и доктринерское истолкование, что теряется всякое здоровое понимание действительно жизненных задач нации. Этот несчастный подход ко всем чаяниям нации под углом зрения предвзятого мнения убивает всякую способность вдуматься в дело глубоко субъективно, раз это дело объективно противоречит доктрине. В конце концов отсюда получается полное извращение и целей и средств. Такие люди выскажутся против всякой попытки национального восстания только потому, что восстание предполагает насильственное устранение пусть хотя бы самого плохого и вредного правительства. Как же, ведь это было бы преступлением перед «авторитетом государства». А в глазах такого жалкого фетишиста «государственный авторитет» является не средством к цели, а самоцелью. Для его жалкого умственного обихода этого жупела вполне достаточно. (Ну, прямо второй В. Ленин! А почему бы и нет? – В.Т.) Такие герои печального образа с негодованием выскажутся, например, против попытки диктатуры, даже если бы носителем этой последней стал Фридрих Великий, а представителями современного парламентского большинства оказались самые неспособные политические лилипуты или даже просто недостойные субъекты.

А почему?

Да на том единственном основании, что для таких «принципиальных» чудаков закон демократии более священен, чем великая нация. Такой сухарь станет на защиту самой ужасной тирании, губящей его собственный народ, только потому что в этой тирании в данный момент воплощается «авторитет государства». И он откажется иметь что-либо общее с самым полезным для народа правительством, только потому что оно не соответствует его представлениям о «демократии». Так и наш немецкий пацифист отнесется совершенно безразлично к самому злодейскому насилию над его нацией – если даже насилие это будет исходить от злейших милитаристов, – только потому, что для изменения положения понадобилось бы оказать сопротивление, то есть применить силу, а это последнее, видите ли, противоречит всему его представлению о духе мирного сожительства. Интернационально настроенный немецкий социалист примет как должное, если весь остальной мир совместными усилиями будет грабить его. Он только с братскими чувствами распишется в получении соответствующих ударов и никогда не подумает о том, что грабителей надо наказать или по крайней мере надо умерить их пыл.

Никогда!

А почему?

Да единственно потому, что он – немец. Может быть, это и печально, но это так. Чтобы побороть то или другое зло, надо прежде всего установить и понять его. Это же относится и к тому равнодушию, которым отличается известная часть духовенства в деле защиты немецких чаяний. Это объясняется не его злой волей, не приказом, скажем, сверху. Нет. Эта недостаточная решимость есть результат недостатков национального воспитания с молодых лет, а затем это есть продукт некритического подчинения той или другой абстрактной идее, ставшей фетишем. Воспитание в духе демократии, интернационального социализма, пацифизма и т. д. приняло в наше время характер столь исключительный и столь, можно сказать, субъективный, что оно подчиняет себе все и целиком предопределяет взгляд на все окружающее. Что же касается отношения к нации, то оно у нас с ранней молодости только чисто «объективное». Вот и выходит, что немецкий пацифист, субъективно отдающий себя

своей идее без остатка, не станет без долгих размышлений на сторону своего народа даже в том случае, если народ подвергнется несправедливым и тяжелым угрозам. Он сначала будет искать, на чьей стороне «объективная» справедливость, и будет считать ниже своего достоинства руководиться простым чувством национального самосохранения. Насколько это одинаково относится и к католицизму и к протестантизму, видно из следующего. В сущности говоря, протестантизм лучше защищает чаяния немецкого народа, поскольку это заложено в самом его происхождении и в более поздней исторической традиции вообще. Но и он оказывается совершенно парализованным, как только приходится защищать национальные интересы в такой сфере, которая мало связана с общей линией его представлений и традиций, как только ему приходится иметь дело с требованиями, которыми он до сих пор не интересовался или которые он по тем или другим причинам отвергал. Протестантизм всегда выступит на поддержку всего немецкого, поскольку дело идет о внутренней чистоте или национальном углублении, поскольку дело идет, скажем, о защите немецкого языка и немецкой свободы. Все эти вещи глубоко заложены в самой сущности протестантизма. Но стоит возникнуть, например, вопросу об еврействе, и окажется, что протестантизм относится самым враждебным образом к малейшей попытке освободить нацию от этого смертельно враждебного окружения и только потому, что протестантизм тут связан уже своими определенными догматами. А ведь тут дело идет о вопросе, вне разрешения которого все другие попытки возрождения немецкого народа совершенно бесцельны или даже нелепы. В свой венский период я располагал достаточным досугом, чтобы беспристрастно продумать и этот вопрос. Все, что я видел вокруг себя, тысячу раз подтверждало правильность сказанного. В Вене, этом фокусе различных национальностей, на каждом шагу было особенно очевидно, что именно только немецкий пацифист относится к судьбам своей нации с той пресловутой «объективностью», о которой мы говорили выше, но еврей так никогда не относится к судьбам своего еврейского народа. В Вене становилось ясным, что только немецкий социалист настроен «интернационально» в том смысле, что умеет только клянчить и заискивать перед интернациональными «товарищами». Чешский социалист, польский социалист поступают совершенно по-иному. Словом, я уже тогда понял, что несчастье только наполовину заложено в самих этих учениях, в другой же части оно является продуктом господствующего у нас неправильного национального воспитания, в результате чего получается гораздо меньшая преданность своей нации. Ввиду сказанного ясно, что вся та аргументация, которую приводила немецкая националистическая партия, теоретически обосновывая свою борьбу против католицизма, была неверна. Давайте воспитывать немецкий народ с самого раннего возраста в чувстве исключительного признания прав своего собственного народа, давайте не развращать уже с детских лет нашу молодежь, давайте освободим ее от проклятия нашей «объективности» в таких вопросах, где дело идет о сохранении своего собственного я. Тогда в кратчайший срок мы убедимся, что и немецкий католик по примеру католиков Ирландии, Польши или Франции остается немцем, остается верным своему народу. Само собою разумеется, что все это предполагает наличие подлинного национального правительства и у нас. Самое могущественное доказательство в пользу сказанного дает нам тот исторический период, когда нашему народу пришлось в последний раз перед судом истории вести борьбу за существование не на жизнь, а на смерть. До тех пор пока руководство сверху было более или менее удовлетворительным, народ выполнял свою обязанность в полной мере. Протестантский пастор и католический священник – оба дали бесконечно много, чтобы поднять нашу силу сопротивления; оба помогли не только на фронте, но еще больше в тылу. В эти годы, в особенности в момент первой вспышки, для обоих лагерей как для протестантов, так и для католиков, существовало только одно единое немецкое государство, за процветание и за будущее которого оба лагеря возносили одинаково горячие молитвы к небу. Немецкое национальное движение в Австрии должно было поставить себе вопрос: могут ли австрийские немцы удержать свое господство при католической вере?

Да или нет?

Если да, тогда политической партии незачем заниматься вопросами религии или даже обрядности: если же нет, тогда надо было строить не политическую партию, а поднять борьбу за религиозную реформацию. Тот, кто кружными путями хочет через политическую организацию прийти к религиозной реформации, обнаруживает только, что он не имеет ни малейшего представления о том, как в живой действительности складываются религиозные представления или религиозные учения и как именно они находят себе выражение через церковь. В этой области поистине невозможно служить сразу двум господам. Обосновать или разрушить религию – дело, конечно, гораздо большее, нежели образовать или разрушить государство, а тем более партию. Пусть не говорят мне, что выступление немецкой национальной партии против католичества было вызвано только соображениями обороны, что наступающей стороной было-де католичество. Во все времена и эпохи, конечно, находились бессовестные субъекты, которые не останавливались перед тем, чтобы и религию сделать орудием своих политических гешефтов (ибо для таких господ дело идет исключительно о гешефтах). Совершенно неправильным, однако, является возлагать ответственность за этих негодяев на религию. Эти субъекты всегда ухитряются злоупотребить в своих низменных интересах если не религией, то чем-либо другим. Для парламентских бездельников и воришек ничто не может быть более приятным, чем случай хотя бы задним числом найти известное оправдание своим политическим мошенничествам. Когда за его личные подлости возлагают ответственность на религию или на религиозную обрядность, он очень доволен; эти лживые субъекты тотчас же поднимают крик на весь мир и будут призывать всех в свидетели того, как справедливы были их поступки и как они-де своим ораторским талантом и т. д. спасли религию и церковь. Чем больше они кричат, тем больше глупые или забывчивые сограждане перестают узнавать действительных виновников плохих поступков. И что же – негодяи достигли своей цели. Сама хитрая лиса прекрасно знает, что ее поступки ничего общего с религией не имеют. Негодяи посмеиваются себе в бороду, а их честные, но малоискусные противники терпят поражение и в один прекрасный день в отчаянии теряют веру в свое дело и отходят в сторону. Но и в другом отношении было бы совершенно несправедливо делать ответственной религию или даже только церковь за недостатки отдельных людей. Давайте сравним величие всей церковной организации с недостатками среднего служителя церкви, и мы должны будем прийти к выводу, что пропорция между хорошим и дурным здесь гораздо более благоприятна, чем в какой бы то ни было другой сфере. Разумеется, и среди священников найдутся такие, для которых их священная должность является только средством к удовлетворению собственного политического самолюбия. Найдутся среди них и такие, которые в политической борьбе, к сожалению, забывают, что они должны являться блюстителями высшей истины, а вовсе не защитниками лжи и клеветы. Однако надо признать, что на одного такого недостойного священника приходится тысячи и тысячи честных пастырей, сознающих все величие своей миссии. В нашу лживую развращенную эпоху люди эти являются зачастую цветущими оазисами в пустыне. Если тот или другой отдельный развращенный субъект в рясе совершит какое-либо грязное преступление против нравственности, то ведь не станут же за это обвинять всю церковь. Совершенно таким же образом должен я поступить, когда тот или другой отдельный служитель церкви предаст свою нацию, грязнит ее, да еще в такое время, когда это делается и не духовными лицами направо и налево. Не надо забывать, что на отдельного плохого приходского священника приходится тысячи таких, для которых несчастье нации является их собственным несчастьем, которые готовы отдать за дела нации все и которые вместе с лучшими сынами нашего народа страстно ждут того часа, когда и нам улыбнутся небеса. Если же кто-либо нам скажет, что тут дело шло не столько о маленьких проблемах повседневности, сколько о великих принципиальных вопросах догмата, то я ему отвечу так: если ты в самом деле считаешь, что ты избран судьбой, чтобы явиться

провозвестником истины, то делай это, но имей тогда и мужество действовать не обходными путями через политическую партию – ибо в этом тоже заложено известное мошенничество, – а постарайся на место нынешнего плохого поставить твое будущее хорошее. Если для этого у тебя не хватает мужества или если ты сам еще не вполне убежден в том, что твои догматы лучше, тогда руки прочь. И во всяком случае, если ты не решаешься выступить с открытым забралом, то не смей контрабандно прибегать к обходным путям политики. Политические партии не должны иметь ничего общего с религиозными проблемами, если они не хотят губить обычаи и нравственность своей собственной расы. Точно так же и религия не должна вмешиваться в партийно-политическую склоку. Если те или другие служители церкви пытаются использовать религиозные учреждения (или только религиозные учения), чтобы нанести вред своей нации, то не следует идти по их следам и бороться против них тем же оружием. Для политического руководителя религиозные учения и учреждения его народа должны всегда оставаться совершенно неприкосновенными. В ином случае пусть он станет не политиком, а реформатором, если, конечно, у него есть для этого необходимые данные. Всякий другой подход неизбежно приводит к катастрофе, в особенности в Германии. Изучая немецкое национальное движение и его борьбу против Рима, я пришел в ту пору к следующему убеждению, которое в продолжение дальнейших лет только укрепилось во мне: то обстоятельство, что эта партия недостаточно оценила значение социальной проблемы, стоило ей потери всей действительно боеспособной массы народа; участие в парламенте отняло у этой партии подлинный размах и привило ей все те слабости, которые свойственны этому учреждению; борьба же ее против католической церкви сделала партию невозможной в низших и средних слоях населения и лишила ее таким образом многочисленных и самых лучших элементов, составляющих вообще основу. Практические же результаты австрийской «борьбы за культуру» оказались совершенно ничтожными. Немецкой национальной партии, правда, удалось оторвать от католической церкви около ста тысяч верующих, но большого ущерба католической церкви это не причинило. В данном случае пастырям поистине не приходилось проливать слез по поводу потери «овец», ибо они потеряли, в сущности, только тех, кто давно внутренне уже не был с ними. В этом и заключалась главная разница между новейшей реформацией и старой: в эпоху великой реформации от католической церкви отвернулись многие лучшие люди и притом из чувства действительно глубокого религиозного убеждения. Между тем теперь ушли только равнодушные и ушли преимущественно по «соображениям» политического характера. С точки зрения политической результат также был совершенно смешным и печальным. (Выделено мной. – В.Т.)

Что оказалось?

Хорошее политическое национальное движение немецкого народа, обещавшее большой успех, погубило, потому что руководители не обладали достаточной трезвостью мысли и направили его на тот путь, который неизбежно должен был привести к расчленению. Одно несомненно. Немецкое национальное движение никогда не сделало бы этой ошибки, если бы оно не страдало недостатком понимания психики широких масс народа. Руководство этой партии не поняло, что уже из психологических соображений никогда не следует массе указывать на двух или больше противников сразу, ибо это ведет только к падению боевого настроения в собственном лагере. Если бы руководители названной партии понимали это, то они уже по одной этой причине ориентировали бы немецкое национальное движение только против одного противника. Для политической партии нет ничего более опасного, как очутиться под руководством людей, желающих драться на всех фронтах сразу, разбрасывающихся во все стороны и не умеющих достигнуть хотя бы маленьких практических результатов в одной области. Если бы даже все упреки против католичества были абсолютно верны, то политическая партия все же не должна ни на минуту упускать из вида то обстоятельство, что, как показывает весь предшествующий исторический опыт, никогда еще ни одной чисто политической партии не удалось в аналогичных условиях

добиться религиозной реформации. Люди должны учиться истории не для того, чтобы забыть ее уроки как раз тогда, когда нужно их практически применять, а также не для того, чтобы предположить, будто в данную минуту история пойдет совсем по иному пути в разрез со всем тем, что мы видели до сих пор. Изучать историю надо именно для того, чтобы уметь применить уроки ее к текущей современности. Кто этого не умеет делать, тот пусть не считает себя политическим вождем, тот в действительности только человек с пустым самомнением. Его практическую неспособность ни капельки не извиняет наличие доброй воли. Искусство истинно великого народного вождя вообще во все времена заключается прежде всего в том, чтобы не дробить внимания народа, а концентрировать его всегда против одного– единственного противника. Чем более концентрирована будет воля народа к борьбе за одну единую цель, тем больше будет притягательная сила данного движения и тем больше будет размах борьбы. Гениальный вождь сумеет показать народу даже различных противников на одной линии. Он представит дело своим сторонникам так, что эти различные противники, в сущности, являются врагом одной и той же категории. Когда народ видит себя окруженным различными врагами, то для более слабых и нестойких характеров это только дает повод к колебаниям и сомнениям в правоте собственного дела. Как только привыкшая к колебаниям масса увидит себя в состоянии борьбы со многими противниками, в ней тотчас же возьмут верх «объективные» настроения и у нее возникнет вопрос: может ли быть, чтобы все остальные оказались не правы и только ее собственный народ или ее собственное движение были бы правы. Но это уже означает начало паралича собственной силы. Вот почему необходимо взять за одну скобку всех противников, хотя бы они и сильно отличались друг от друга, тогда получится, что масса твоих собственных сторонников будет чувствовать себя противостоящей лишь одному-единственному противнику. Это укрепляет веру в собственную правоту и увеличивает озлобление против тех, кто нападает на правое дело. Немецкое национальное движение в Австрии этого не поняло, и это стоило ему успеха. Цели этой партии были правильны, ее убеждения чисты, но путь к цели был выбран неверный. Партия похожа была на того туриста, который все время не спускает глаз с вершины горы, на которую он хочет попасть; этот турист отправляется в путь-дорогу с твердой решимостью во что бы то ни стало добраться до вершины и делает при этом, однако, ту «маленькую» ошибку, что, будучи слишком занят вершиной, совершенно не обращает внимания на топографию дороги, на то, что делается у него под ногами, и поэтому в конце концов гибнет. У христианско-социальной партии, великой соперницы немецко-национальной партии, дело обстояло как раз наоборот. Она хорошо, умно и правильно выбрала дорогу, но ей, увы, не хватало ясного представления о конечной цели. Почти во всех тех отношениях, в каких немецко-национальная партия хромала, установки христианско-социальной партии были правильны и целесообразны. Она обладала необходимым пониманием значения массы и поэтому путем демонстративного подчеркивания социального характера партии уже с первого дня сумела обеспечить себе по крайней мере часть этой массы. Взявши в основном установку на завоевание мелких и низших слоев средних классов и ремесленников, она сразу получила крупный контингент преданных, стойких и готовых к жертвам сторонников. Она старательно избегала какой бы то ни было борьбы против религиозных учреждений и тем обеспечила себе поддержку церкви, являющейся в наше время могущественной организацией. (Выделено мной. – В.Т.)

Таким образом перед ней был только один-единственный крупный противник. Она поняла великое значение широко поставленной пропаганды и показала свою виртуозность в деле воздействия на психологию и инстинкты широкой массы ее сторонников. Что, однако, и она не сумела реализовать свою мечту и не спасла Австрию, это коренилось в двух недостатках ее работы, а также в недостаточной ясности цели. Антисемитизм этой новой партии сосредоточился не на проблемах расы, а на проблемах религии. Эта ошибка имела то же происхождение, что и вторая ее ошибка.

Основатели христианско-социальной партии считали, что если партия хочет спасти Австрию, то она не должна становиться на точку зрения расового принципа, иначе в кратчайший срок наступит-де всеобщий распад государства. С точки зрения вождей положение Вены в особенности требовало того, чтобы партия оставила в стороне все разъединяющие моменты и изо всех сил подчеркивала только то, что всех объединяет. В это время в Вене было уже так много чехов, что только величайшей терпимостью в расовых проблемах можно было добиться того, чтобы чехи не стали сразу на сторону антинемецкой партии. Кто хотел спасти Австрию, тот не мог совершенно игнорировать чехов. Новая партия попыталась, например, завоевать прежде всего мелких чешских ремесленников, составлявших многочисленную группу в Вене. Этому она надеялась достичь своей борьбой против либерального манчестерства. Чтобы объединить всех ремесленников старой Австрии без различия наций, христианско-социальная партия считала самым подходящим выставить лозунг борьбы против еврейства и вести эту борьбу на религиозной основе. Выступая с таким поверхностным обоснованием своей позиции, партия была не в состоянии дать сколько-нибудь серьезное научное обоснование всей проблеме. Такой постановкой вопроса она только отталкивала всех тех, которым такого рода антисемитизм был непонятен. Ввиду этого пропагандистская сила идеи антисемитизма захватывала идейно ограниченные круги, если только сторонники партии не умели сами от чисто инстинктивного презрения к евреям перейти к подлинному познанию всей глубины проблемы. Интеллигенция принципиально отвергла эту постановку вопроса, данную христианско-социальной партией. Постепенно все больше и больше создавалось впечатление, что во всей этой борьбе дело идет только о попытке обращения евреев в новую веру, а, может быть, и просто о завистливой конкуренции. Благодаря всему этому борьба теряла все черты чего-то высшего. Многим и притом далеко не худшим элементам борьба начала казаться антиморальной, нехорошей. Не хватало сознания того, что дело идет о вопросе жизни для всего человечества, о такой проблеме, от которой зависит судьба всех нееврейских народов. Ввиду этой половинчатости антисемитская установка христианско-социальной партии и потеряла значение. Это был какой-то показной антисемитизм. Такая борьба против еврейства была хуже, чем отсутствие какой бы то ни было борьбы против него. Создавались только пустые иллюзии. Таким антисемитам иногда казалось, что вот-вот они уже затянут веревку на шею противника, а между тем на деле противник их самих водил за нос. Что касается самих евреев, то они в кратчайший срок настолько приспособились к этому сорту антисемитизма, что он стал для них гораздо более полезен, чем вреден. Если в этой форме новая партия приносила тяжелую жертву государству национальностей, то еще больше приходилось ей грешить в отношении защиты основных чаяний немецкого народа. Раз партия не хотела потерять почву под ногами в Вене, – ей ни в коем случае нельзя было быть «националистической». Мягко обходя этот вопрос, партия рассчитывала спасти государство Габсбургов, а на деле она именно этим путем ускорила его гибель. Само же движение благодаря такой тактике теряло могучий источник сил. Итак, я самым внимательным образом следил в Вене за обеими этими партиями. К первой из них у меня была глубокая внутренняя симпатия, интерес ко второй пробудил во мне уважение к ее руководителю, редкому деятелю, образ которого в моих глазах уже тогда был трагическим символом всего тяжелого положения немцев в Австрии. Когда за гробом умершего бургомистра тянулся по Рингу гигантский похоронный кортеж, я тоже был в числе сотен тысяч провожающих. Глубоко взволнованный, я говорил себе, что труды и этого человека неизбежно должны были оказаться напрасными, ибо и над ним тяготели те судьбы, которые обрекали это государство на гибель. Если бы доктор Карл Люэгер жил в Германии, его поставили бы рядом с самыми великими людьми нашего народа. Но ему пришлось жить и действовать в этом невозможном австрийском государстве, и в этом заключалось несчастье его деятельности и его самого лично. Когда он умирал, на Балканах уже показались огоньки, предвещавшие войну. С каждым месяцем они разгорались все более жадно. Судьба была милостива к покойному и не дала ему дожить до того момента, когда он

должен был воочию увидеть разразившееся несчастье, от которого он так и не смог уберечь свою страну. Наблюдая все эти происшествия, я пытался понять причины того, почему немецкая национальная партия потерпела крах, а христианско-социальная партия – тяжелую неудачу. И я пришел к твердому убеждению, что независимо от того, было ли вообще возможно укрепить австро-венгерское государство, ошибка обеих партий сводилась к следующему: немецкая национальная партия совершенно правильно ставила вопрос о принципиальных целях немецкого возрождения, но зато она имела несчастье выбрать неправильный путь к цели. Она была партией националистической, но, к сожалению, недостаточно социальной, чтобы действительно завоевать массу. Ее антисемитизм зато покоился на правильном понимании значения расовой проблемы, ее антисемитская агитация не базировалась на религиозных представлениях. В то же время ее борьба против католицизма была со всех точек зрения и в особенности с тактической – неправильной.

Христианско-социальное движение не обладало ясным пониманием целей немецкого возрождения, но зато счастливо нашло нужные пути, как партия. Эта партия поняла значение социальных вопросов, но ошибалась в своем способе ведения борьбы против еврейства и не имела ни малейшего понятия о том, какую подлинную силу представляет собою национальная идея. Если бы христианско-социальная партия кроме своего правильного взгляда на значение широких народных масс обладала еще правильными взглядами на значение расовой проблемы, как это было у немецко-национальной партии, и если бы сама христианско-социальная партия была настоящей националистической партией, или если бы немецкое национальное движение кроме своего правильного взгляда на конечную цель, верного понимания еврейского вопроса и значения национальной идеи обладало еще практической мудростью христианско-социальной партии, в особенности в вопросе об отношении последней к социализму, – тогда мы получили бы именно то движение, которое по моему глубокому убеждению уже в то время могло бы с успехом направить судьбы немецкого народа в лучшую сторону. Всего этого не оказалось в действительности, и это в главной своей части заложено было в самом существовании тогдашнего австрийского государства. Таким образом ни одна из этих партий не могла удовлетворить меня, потому что ни в одной из них я не видел воплощения своих взглядов. Ввиду этого я не мог вступить ни в ту, ни в другую партию и не мог таким образом принять какое бы то ни было участие в борьбе. Уже тогда я считал все существовавшие политические партии неспособными помочь национальному возрождению немецкого народа – возрождению в его подлинном, а не только внешнем смысле слова. В то же время мое отрицательное отношение к габсбургскому государству усиливалось с каждым днем. Чем больше углублялся я в изучение вопроса иностранной политики, тем больше я убеждался, что австрийское государство может принести немецкому народу только несчастье. Все ясней и ясней становилось мне и то, что судьбы немецкой нации решаются теперь только в Германии, а вовсе не в Австрии. Это относилось не только к политическим проблемам, но в не меньшей мере и к общим вопросам культуры. Так что и здесь, в области проблем культуры или искусства, австрийское государство обнаруживало все признаки застоя или по крайней мере потери всякого сколько-нибудь серьезного значения для немецкой нации. Более всего это можно было сказать относительно архитектуры. Новейшее строительное искусство не могло иметь сколько-нибудь серьезных успехов в Австрии уже потому, что после окончания постройки Ринга в Вене вообще уже не было сколько-нибудь крупных построек, которые могли бы идти в сравнение с германскими планами. Так моя жизнь становилась все более и более двойственной: разум и повседневная действительность принуждали меня оставаться в Австрии и проходить здесь тяжелую, но благотворную школу жизни. Сердцем же я жил в Германии. Тягостное гнетущее недовольство овладевало мною все больше, по мере того как я убеждался во внутренней пустоте австрийского государства, по мере того как мне становилось все более ясно, что спасти это государство уже нельзя, и что оно во всех

отношениях будет приносить только новые несчастья немецкому народу. Я был убежден, что это государство способно чинить только препятствия и притеснения каждому действительно достойному сыну немецкого народа и, наоборот, способно поощрять только все ненемецкое. Мне стал противен весь этот расовый конгломерат австрийской столицы. Этот гигантский город стал мне казаться чем-то вроде воплощения кровосмесительного греха. С раннего возраста я говорил на диалекте, на котором говорят в Нижней Баварии. От этого диалекта я отучиться не мог, а венского жаргона так и не усвоил. Чем дольше я жил в этом городе, тем больше я ненавидел эту хаотическую смесь народов, разъедавшую старый центр немецкой культуры. Самая мысль о том, что это государство можно сохранить еще на долгое время, была мне просто смешна. Австрия похожа была тогда на старинную мозаику из мельчайших разноцветных камешков, начавших рассыпаться, потому что скреплявший их цемент от времени выветрился и стал улетучиваться. Пока не трогаешь этого художественного произведения, может еще казаться, что оно живо по-прежнему. Но как только оно получит хоть малейший толчок, вся мозаика рассыпается на тысячи мельчайших частиц. Вопрос заключался только в том, откуда именно придет этот толчок. Мое сердце никогда не билось в пользу австрийской монархии, а всегда билось за германскую империю. Вот почему распад австро-венгерского государства в моих глазах мог быть только началом избавления немецкой нации. Ввиду всего этого во мне сильнее росло непреодолимое стремление уехать наконец туда, куда, начиная с моей ранней молодости, меня влекли тайные желания и тайная любовь. Я надеялся, что стану в Германии архитектором, завоюю себе некоторое имя и буду честно служить своему народу в тех пределах, какие укажет мне сама судьба. С другой стороны, я хотел, однако, остаться на месте и поработать для того дела, которое издавна составляло предмет моих самых горячих желаний: я хотел дожить здесь до того счастливого момента, когда моя дорогая родина присоединится наконец к общему отечеству, т. е. к германской империи. Многие и сейчас не поймут того чувства страстной тоски, которое я тогда переживал. Но я обращаюсь не к ним, а к тем, которым судьба до сих пор отказывала в этом счастье или которых она с ужасной жестокостью лишила этого счастья, после того как они им обладали. Я обращаюсь к тем, которые, будучи оторваны от родного народа, вынуждены вести борьбу даже за священное право говорить на своем языке; к тем, кто подвергается гонениям и преследованиям за простую преданность своему отечеству, к тем, кто в тяжелой тоске во сне и наяву грезит о той счастливой минуте, когда родная мать вновь прижмет их к сердцу. Вот к кому обращаюсь я и я знаю – они поймут меня! Только те, кто на собственном примере чувствуют, что означает быть немцем и не иметь возможности принадлежать к числу граждан любимого отечества, поймут, как глубока тоска людей, оторванных от родины, как непрестанно терзается душа этих людей. Эти люди не могут быть счастливы, не могут чувствовать себя удовлетворенными, они будут мучиться вплоть до той самой минуты, когда наконец откроются двери в отчий дом, где они только и смогут обрести мир и покой. Вена была и осталась для меня самой тяжелой, но и самой основательной школой жизни. Я впервые приехал в этот город еще полумальчиком и я покидал в тяжелом раздумье этот город уже как вполне сложившийся взрослый человек. Вена дала мне основы мирозерцания. Вена же научила меня находить правильный политический подход к повседневным вопросам. В будущем мне оставалось только расширять и дополнять свое мирозерцание, отказываться же от его основ мне не пришлось. Я и сам только теперь могу отдать себе вполне ясный отчет в том, какое большое значение имели для меня тогдашние годы учения. Я остановился на этом времени несколько подробнее именно потому, что эти первые годы дали мне ценные наглядные уроки, легшие в основу деятельности нашей партии, которая в течение всего каких-нибудь пяти лет выросла от маленьких кружков до великого массового движения. Мне трудно сказать, какова была бы моя позиция по отношению к еврейскому вопросу, к социал-демократии или, лучше сказать, ко всему марксизму, к социальным вопросам и т. д., если бы уже в тогдашнюю раннюю пору я не получил тех уроков, о которых я рассказал выше, благодаря ударам судьбы и собственной

любопытности. Несчастье, обрушившееся на мою родину, заставило тысячи и тысячи людей поразмыслить над глубочайшими причинами этого краха. Но только тот поймет эти причины до конца, кто после многих лет тяжелых внутренних переживаний сам стал кузнецом своей судьбы». (Выделено мной. – В.Т.)

* * *

Повторюсь еще раз, такое цитирование «Майн кампфа» обусловлено лишь одним – стремлением разобраться, чем явилось Копье Судьбы для мировоззрения А.Гитлера, будущего фюрера нацистской партии. Самое удивительное в том, что только в судьбе Гитлера Копье трансформировалось в мировоззренческую патологию (чего, например, не произошло ни с Ницше, ни с Вагнером, ни с Чемберленом и еще с сотнями, если не с тысячами тех, кто видел Копье).

Гитлер же всегда оставался сторонником лозунга: «Приобщитесь к тайне Грааля (имелась в виду вселенская тайна, а не конкретный объект, будь-то Копье или Чаша), и вы получите весь мир!»

Вторая мировая война

1939 года, август.

Буквально за неделю до начала военных действий на территории Польши Гитлер совершает поездку в Нюрнберг. О подготовке вояжа мало кто знал, еще меньше народу было посвящено в то, с какой целью фюрер направляется в старинный немецкий град. Только самые посвященные (два – три человека) поняли, что Гитлер направляется к Святой Екатерине. Несмотря на слякоть (конец лета отмечен был длительными дождями), Гитлер прошел пешком метров триста, приказав остановить машины своего эскорта за квартал до хранилища Копья.

У Копья фюрер пробыл чуть более получаса, не присаживаясь, он простоял все это время чуть ли не по стойке смирно, в полном одиночестве и молчании.

О чем он размышлял? Это так и останется тайной. Но уже на борту самолета, шедшего курсом на Берлин, фюрер подписал приказ о переходе германскими войсками польской границы. Публичные выступления Гитлера той поры пестрят напыщенными фразами о предначертанности собственной судьбы, о великой миссии германского народа, о необходимости защитить Великую Германию от славянских варваров.

Ничего вроде необычного, все как всегда.

Но в речи его «закрались» (иного слова и не подберешь) эпизоды библейской истории (напомним, что Гитлер терпеть не мог всего, что связано с религией).

Что это было?

Оговорка?

Или сознательно упоминание: либо для того, чтобы привлечь внимание большего числа слушателей, либо – уже на подсознательном уровне.

* * *

1940 год, май:

Части и подразделения вермахта развернуты на западных границах, уже никто не сомневается, что они нанесут удар по Франции и ее союзникам (Бельгии, Голландии), что в войну всерьез и надолго будет втянута Англия, что рано или поздно в мировую драку придется вмешаться и Соединенным Штатам Америки.

Не сомневался в прогнозах и сам Гитлер. И вновь – неожиданная для всех поездка в Нюрнберг, на «поклонение» к Копью.

В этот раз фюрер задерживается всего минут на пятнадцать. И вновь, в полном одиночестве и молчании. Никто и ничто не имеет право нарушить гитлеровских раздумий. Лишь когда он вышел из здания, сопровождавшие отметили: он был бледен как полотно, его слегка пошатывало, голос заметно дрожал. Отдав какие-то незначительные распоряжения, Гитлер занял свое место в машине – позади водителя – и как бы нехотя махнул рукой:

– Отправляйтесь!

Затем – борт самолета, который несет его в сторону будущей линии фронта, Гитлер решил сам руководить действиями своих войск. Через день после прибытия фюрера на командный пункт задействованной в операции оперативной группы войск, гусеницы германских танков рассекли французскую границу. Вторая мировая война вступала в новую свою фазу.

Борман, сопровождавший Гитлера в Нюрнберг (но только – до собора), а затем и во Францию, писал в своих дневниках, что фюрер был «неузнаваем» – молчалив, тих, неповоротлив, малообщителен, весь погруженный в собственные мысли. Из душевного ступора его вывели сводки, поступавшие с передовой. Удачно складывающаяся для вермахта французская кампания была приятным подарком для Германии в ее борьбе против «мирового зла».

*** * ***

Еще не раз Гитлер совершал стремительные вояжи в Нюрнберг: и в мае 1941-го (перед началом войны с Россией), и в декабре того же года (когда немецкие солдаты замерзли под Москвой), в конце 1942-го (когда в Сталинграде попала в кольцо 6-я армия фельдмаршала Паулюса), летом 1943-го и 1944 годов (когда германские армии терпели поражения на Курской дуге в России и на северном побережье Франции). Не разочаровался ли фюрер к этому времени в магических свойствах, коими было наделено Копье? Может быть, может быть...

Сам Гитлер не оставил после себя дневников или мемуаров (политическое завещание – не в счет), а его окружение хоть и тужилось, но объяснить что-либо оказалось не в состоянии...

Мартин Борман считал, что подобные поездки Гитлер совершал ради получения своеобразной энергетической подпитки, концентрации духа перед принятием какого-либо важного и судьбоносного решения.

Гиммлер был менее прозаичен, «Гитлер в Нюрнберге беседовал с духами воинов». К этому времени «Аненербе» уже практически сошла с политической сцены нацистской Германии и рейхсфюреру приходилось в одиночку заниматься толкованием того или иного явления. И Гиммлер, непревзойденный мастер по части политического угодничества, делал это с иезуитским умением.

*** * ***

1944 год.

Последний раз фюрера видели в Нюрнберге поздней осенью 1944-го. Город уже было не узнать, «летающие крепости» военно-воздушных сил США превратили большинство его зданий в груды щебенки. Да и сам фюрер был уже «не тот». Пять лет войны, разочарования, потери, покушение на собственную персону, – все это оставило отпечаток и на фигуре, и на взгляде, и на общем психическом состоянии. Наедине с Копьем фюрер провел всего пять минут, затем в комнату вошел Гиммлер. О чем говорили два самых высокопоставленных лица Третьего Рейха догадаться не сложно. Гитлер отдал распоряжение, Копье Кассиуса не должно достаться противнику, его необходимо укрыть в самом недоступном месте. Гиммлеру дважды повторять не приходилось. Вечером того же дня к собору прибыло несколько

грузовиков с эсэсовцами и один крытый фургон. На нем, под надежной охраной и вывезли (но куда?) евангельскую реликвию.

Гитлер никогда больше не вспоминал про Копье, хватало иных проблем. Тогда, в конце 1944-го, он еще беспредельно доверял Гиммлеру и его людям, считая их самыми преданными подчиненными и «товарищами по партии».

*** * ***

История с Копьем Лонгина на этом, однако, не закончилась.

1945 год:

20 апреля в Нюрнберг вошла американская пехота (части 3-й американской танковой армии), сопротивления никто не оказывал, танки вермахта откатили дальше на северо-восток, словно спасая свою жизнь. Уставшие янки были только рады этому, воевать и им чертовски надоело.

С первых же часов оккупации города американская контрразведка ринулась искать реликвию.

По одним данным, Копье было эвакуировано на подлодках «Личного конвоя фюрера» (так считает, например, современный исследователь Антон Первушин (Первушин А. Оккультные войны НКВД и СС. М., 1999.)).

По другим данным, на субмаринах в силу роковой ошибки была вывезена другая реликвия – так называемое «копье святого Маврикия» (Святой мученик Маврикий – воин Фиванского легиона, пострадавшего вместе с семьдесятю воинами-христианами, в IV веке в Германии (нынешняя Северная Швейцария). Согласно мнению упоминаемого отечественного историка Н.Лисового, «копье святого Маврикия уже в V–VI веках прославилось первоначально в качестве тронной инсигнии Бургундского правящего дома. Позже оно перешло к династии Каролингов, от которой и унаследовали его германские императоры. „Копьем Лонгина“ оно стало называться с того времени, когда король, будущий император, Оттон Великий разгромил в день памяти святого Лонгина полчища венгров-язычников. От Оттонов оно перешло в качестве государственной реликвии к последующим императорским династиям, пока не досталось Габсбургам»). А может, и не было никакой фатальной ошибки, а налицо – прекрасно проведенная операция по сохранению исторических ценностей?

*** * ***

Позволим себе исследовательское отступление: архивные документы (правда, косвенно) дают возможность предположить, что Гиммлер подменил вывозимое на субмаринах бронзовый ящик с Копьем Судьбы на «копье святого Маврикия». Рейхсфюрер СС всерьез подумывал о безбедном существовании после краха Третьего Рейха. И помочь ему в осуществлении этой, самой заветной мечты могло только содержимое сейфов и тайников СС, которое постоянно пополнялось Гиммлером. (Именно по его приказу генерал Карл Вольф «принял на хранение» – как личный казначей – экспонаты из экспозиций картинных галерей и музеев Италии (Уффици, Прадо и проч.)). Рейхсфюрер был и оставался интеллектуальным прагматиком, умело сочетавшим «тягу к прекрасному» с элементарным желанием поживиться за чужой счет. Типичный образчик государственной машины Третьего Рейха (в отличие, скажем, от иных, в чем-то сходных с нацистской Германией стран). Но только благодаря подобным особенностям Гиммлер, чьи руки запачканы кровью, смог в чем-то способствовать и подвижкам, происходившим в науках, например, в археологии, которую он просто обожал.

*** * ***

Так или иначе, Копье (а может – его искусная копия) оказалась в кабинете командующего 3-й американской танковой армией генерала Джорджа Смита Паттона (Паттон Джордж Смитт. Об этой удивительной личности стоило, конечно, сказать отдельно: интеллект, знаток и последователь мистических учений, полиглот и библиофил, ценитель искусства и антиквара. В советской литературе (посвященной, в частности, вопросам истории масонства и связей его последователей с зарубежными «коллегами») имя генерала Паттона постоянно упоминалось в связи с «идеологической борьбой двух систем». Чего только о нем не писали!!! Поток лжи сошел на нет только тогда, когда в России стало «не модным» сводить всю внешнюю политику западных государств сугубо к формуле «ЦРУ против СССР». Хотелось бы надеяться, что времена «охоты на ЦРУ» ушли в прошлое.) буквально на второй день усиленных поисков. Генерал Джордж улыбнулся – первый раз за всю войну – вот оно! (Паттон был человеком образованным и историю Копья Судьбы знал достаточно хорошо.)

Усердные контрразведчики были отмечены боевыми наградами, но о ходе поисков не известно ничего и по сей день. Можно лишь предположить, что реликвия эта находилась «под присмотром» американских спецслужб еще задолго до вступления в Нюрнберг передового отряда «джи-ай» («Джи-ай» – прозвище американских военнослужащих). Чем иным объяснить такую быстротечность серьезной операции? (Обычная ссылка в таких случаях на неразбериху не проходит: немцы оставались дисциплинированными бюргерами и в дни «Всеобщего Потопа».)

Еще одно косвенное свидетельство в поддержку нашей версии. Один из американских военных журналистов, некто Дэвид Зельник, видел на территории расквартированной в Нюрнберге авторемонтной роты одной из частей 3-й танковой армии фургон, предназначавшийся, как он сам писал, «для перевозки, по всей видимости, ценностей». Фургон этот достался американцам в качестве трофея, но как (и для чего) он очутился здесь, далеко от германской столицы городе, где самым ценным грузом оставались рейхсмарки, стремительно терявшие «в весе» к концу войны. Зельник предположил, что нацисты рассчитывали использовать спецфургон для вывоза из Нюрнберга каких-либо исключительных по ценности предметов. Последним могло быть только Копье Судьбы. Но фургон остался в Нюрнберге, и, может быть, Копье, в силу обстоятельств, не смогло покинуть городских границ. Зельник вел свою идею к тому, что эвакуация Копья затягивалась искусственно, благодаря исключительно вмешательству парней из американской контрразведки.

Из Нюрнберга ценный трофей отправили за океан, в Вашингтон. Первый, кто увидел Копье в Америке, был президент США Гарри Трумэн. Он же отдал распоряжение вернуть реликвию в Вену, в Хофбургский дворец, где она хранилась уже несколько столетий и откуда затем была, по сути дела, похищена.

Единственным, кто выразил свое несогласие (это было возможно только в США) с решением президента был Эйзенхауэр, тогда покрывший себя неувядаемой боевой славой вояка, а в будущем занявший президентское кресло несговорчивый и неподкупный политик.

Эйзенхауэр считал, что падение Германии и гибель самого фюрера еще не означало, что с корнем вырван сам милитаристский дух германской нации (к которой, как он подчеркивал, любят относить себя и – на наш взгляд, достаточно миролюбивые – австрийцы), что Копье может послужить своеобразным «знаменем», собирающим реваншистов. Время показало, что Эйзенхауэр ошибался, но только что закончившаяся Вторая мировая бойня научила ее участников (в том числе и победителей) быть не просто осторожными, а – боязливыми. Надо отдать должное Трумэну, он был непоколебим.

Существует легенда (именно легенда, не более того), что приказ о применении атомного оружия против Японии Трумэн отдал после того, как вышел из комнаты, где хранилось Копье Судьбы.

* * *

Русскую версию эпопеи копья изложил С.Макин. Согласно популяризируемой им гипотезе реликвия долгое время хранилась в Софийском соборе Константинополя, откуда была вывезена князем Олегом в Киев, а затем переправлена в Великий Новгород. Вече вручило священное оружие Александру Ярославичу (Невскому) перед битвой на Чудском озере и, после смерти князя оно было перемещено в его саркофаг. Из данной гипотезы следует, что канонизация воина с копьем, изображаемого на русских печатных знаках, подразумевала намек на конкретный вид оружия.

Петру Великому, извлечшему копье из усыпальницы Александра Невского, оно помогло в победе над шведами. Безуспешные попытки захвата немцами Ленинграда в годы Второй мировой войны также объясняются содействием евангельской реликвии (Макин С. Роковое копье // Наука и религия. 1994. № 11. С. 64; Багдасарян В.Э. Мифологизация истории как теоретико-методологическая проблема современной отечественной историографии // Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 2000. Кн. 7. (апрель-сентябрь). С. 5.).

* * *

«Из куска металла, упавшего с небес» было выковано Копье, несущее в себе иллюзии. Ни один из владельцев Копья не нашел того, к чему стремился и на что рассчитывал. Власть над миром – удел созерцателей и философов, а не политиканов и тиранов. Последние в состоянии лишь пролить море крови, но подчинить своей воле волю миллионов – это утопия. Только тот, кто стремится понять законы природы и общества посредством не порабощения, а познания скрытых от обывательского понимания самых секретных тайников человеческого интеллекта, вправе сказать: «Я – властелин мира!»

Заключение

Нельзя одновременно верить в Грааль, Копье Судьбы и свастику, Гитлер верил; верил в темные и светлые силы. Он любил повторять: «Я как сомнамбула, иду туда, куда мне предписывает идти Провидение. Я веру в магию Копья». Копье Судьбы должно было аккумулировать в себе магические силы, унаследованные в крови богоизбранного народа. Гитлер считал таким народом арийцев, лиц «с нордическим характером и силой воли».

Одуревший от пожизненного заключения в тюрьме Шпандау Рудольф Гесс заполнял страницу за страницей своего дневника:

«Поход Германии на Восток по сути дела был санкционирован Центром космического контакта на Земле, так называемой Шамбалой. Махатмы не только подсказывали Гитлеру необходимость разгромить источник пролетарского зла, захватившего территорию России, но и направили в Генеральный штаб Рейха своих „специалистов“. Воины Шамбалы оказались не только в личной охране фюрера, но и в центре стратегического планирования.

Мы вели ту же самую войну, которую в свое время вел великий Рим против черной расы в Индии. Наши воины стоили один – десяти. Беда лишь в том, что Адольф был полусумасшедшим и полугением, и первое взяло верх на вторым; он отдал приказ уничтожать все сущее на пространствах противника. Это полностью изменило отношение махатм к нему. И хотя посланники Шамбалы оставались при Гитлере до его последнего часа и лишь позднее были перебиты кагебешниками русских, энергетическая поддержка Шамбалы исчезла. Прежде наши танки проходили там, где не мог пройти и пеший воин, самолеты были быстрее и маневреннее всех иных, а воины неутомимы. Теперь же все стало таким же, как у противника, но мы почему-то проигрывали даже те операции, которые по всем канонам военного искусства расценивались как победные. Увы, уже к середине 1942 года мы были обречены на полное поражение. Космос бросил нас, втянул в гибельную авантюру».

Но, как говорил Заратустра:

«И я видел, наступило великое уныние среди людей. Лучшие устали от своих дел.

Объявилось учение, и рядом с ним семенила вера в него:

«Все пусто, все равно, все уже было!»

И эхо вторило со всех холмов:

«Все пусто, все равно, все уже было!»

Правда, собрали мы жатву; но почему же сгнили и почернели наши плоды?

Что упало со злого месяца в последнюю ночь?

Напрасен был всякий труд, в отраву обратилось наше вино, дурной глаз спалил наши поля и наши сердца.

Все мы иссохли; и если бы огонь упал на нас, мы бы рассыпались, как пепел, – но даже огонь утомили мы.

Все источники иссякли, и даже море отступило назад. Земля хочет треснуть, но бездна не хочет поглотить!

«Ах, есть ли еще море, где бы можно было утонуть»: так раздается наша жалоба – над плоскими болотами. Поистине, мы уже слишком устали, чтобы умереть; и мы еще бодрствуем и продолжаем жить – в склепах!»

И снова – Отто Ран, прощальный привет оставленному миру:

«Что есть Бог?

Мы, приходящие в этот мир,

Молчим.

Мы не знаем его имя.

Мы остаемся безмолвными.

Мы тихо молимся...

Кто захочет сказать,

Кто Он есть,

Должен быть тем,

Кто Он есть!

Аминь»

Поклонись – вечности!

Литература

- Аверинцев С. С. Грааль // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1.
- Багдасарян В.Э. Мифологизация истории как теоретико-методологическая проблема современной отечественной историографии // Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. М., 2000. Кн. 7. (апрель-сентябрь).
- Багдасарян В.Э. Эзотерическая доктрина и историческая наука в Третьем Рейхе // Армагеддон. М., 1999. Кн. 1 (январь-февраль).
- Байджент М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка. Иисус Христос. Катары. Священный Грааль. Тамплиеры. Сионская община. Франк-масоны. СПб., 1993.
- Бержье Ж. Тайные хозяева времени. М., 2000.
- Борхес Х.Л. Книга вымышленных существ. М., 2000.
- Велидов А. Похождение террориста. Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998.
- Величко Ф.К. Астрологическая дуэль Гитлер – Черчилль // Гермес. (альманах по истории тайных наук). 1992. № 1.
- Веселовский А. Н. Где сложилась легенда о Святом Граале? СПб., 1900.

- Власть магических культов в нацистской Германии. М., 1992.
- Гарднер Л. Чаша Грааля и потомки Иисуса Христа. М., 1990.
- Гитлер А. Моя борьба. М., 1992.
- Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. Б.м., б.г.
- Дашкевич Н. П. Сказание о Святом Граале // Из истории средневекового романтизма. Киев, 1877.
- Дашкевич Н. П. Романтика Круглого Стола в литературе и жизни Запада. Киев, 1890.
- Дуглас Г. Шеф гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы. Из секретных досье ЦРУ. М., 2000.
- Еремин Г. Загадка пятиугольного замка // Техника – молодежи. 1969. № 1.
- Замойский Л.П. За фасадами масонского храма. М., 1990.
- Кульский А.П. Призраки истории. Л., 1998.
- Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000.
- Макин С. Роковое копьё // Наука и религия. 1994. № 11.
- Махов А.Е. «Рассказ о верности пойдет...». Вольфрам фон Эшенбах и его роман // Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль. М., 2004.
- Митчем С., Мюллер Дж. Командиры «Третьего Рейха». Смоленск, 1995.
- Михайлов А. Д. Артуровские легенды и их эволюция // Мэлори Т. Смерть Артура, М., 1974.
- Парнов Е.И. Александрийская гемма. М., 1990.
- Парнов Е.И. Трон Люцифера: Критические очерки магии и оккультизма. М., 1985.
- Первушин А. Оккультные войны НКВД и СС. М., 1999.
- Печников Б.А. «Рыцари церкви». Кто они? Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М., 1991.
- Повесть Л., Бержье Ж. Утро магов. Киев, 1994.
- Правдивцев В. Хрустальные черепа. Самая таинственная находка XX века // Совершенно секретно. 13 марта 2002.
- Пруссаков В. Оккультный мессия и его рейх. М., 1992.
- Равенскрофт Т. Копье судьбы. М., 1998.
- Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2002.
- Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. М., 2003.
- Стеллецкий И.Я. Поиски библиотеки Ивана Грозного. М., 1999.
- Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М., 2001.
- Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. М., 1991. Т. 1—2.
- Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999.
- Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999.
- Хоул К. Энциклопедия примет и суеверий. М., 1999.
- Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1993.
- Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М., 1994.
- Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 1999.
- Энциклопедия Третьего Рейха. М., 2003.

- Эшенбах фон Вольфрам. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. /БВЛ. Серия первая. Т. 22./ М., 1974.
- Эшенбах фон Вольфрам. Парцифаль. М., 2004.

*** * ***

- Beguin A. La Quete du Saint Graal. Paris, 1958.
- Holtorf I. Die verschwiegene Bruderschaft. Munchen, 1984.
- Kampers F. Das Lichtland der Seelen und der heilige Gral. Koeln, 1916.
- Loo mis R. S. (ed.) Arthurian literature in the Middle Ages. Oxford, 1959.
- Lot– Borodine M. Trois essais sur Ie Lancelot du Lac et la Quete du Saint-Graal. Paris, 1921.
- Marx J. La legende arthurienne et le Graal, Paris, 1952.
- Schafer H.-W. Kelch und Stein. Frankfurt/M., Bern, Neu-York,1985.

*** * ***

- Вокруг света. 1967. № 8.
- Независимая газета. 2000. 22 июня.
- Сегодня. Киев, № 173. 6 августа 2002.

Примечания

1

Здесь и далее: перевод Л.В.Гинзбурга. (См.: Эшенбах фон Вольфрам. Парцифаль // Средневековый роман и повесть. /БВЛ. Серия первая. Т. 22/. М., 1974; См., также: Эшенбах В. Парцифаль. М., 2004.).

2

Таблица соответствия между эсэсовскими чинами и общеармейскими чинами гитлеровского вермахта:

эсэсманн, рядовой штурманн, ефрейтор роттенфюрер, обер-ефрейтор унтершарфюрер, унтер-офицер шарфюрер, унтер-фельдфебель обершарфюрер, фельдфебель гауптшарфюрер, оберфельдфебель унтерштурмфюрер, лейтенант обер-штурмфюрер, обер-лейтенант гауптштурмфюрер, капитан штурмбанфюрер, майор оберштурмбанфюрер, подполковник штандартенфюрер (обер-фюрер),полковник бригаденфюрер, генерал-майор группенфюрер, генерал-лейтенант обергруппенфюрер, генерал пехоты и других родов войск рейхсфюрер СС и начальник германской полиции (этот пост занимал Генрих Гиммлер).

3

Перевод с немецкого И.Иванова, С.Ляпкина, Е.Мурзина и А.Овченко

4

Цит. по электронной версии: <http://www.langedok.narod.ru>

5

Уланд Людвиг (1787—1862) – немецкий поэт.

6

Электронная версия – <http://fantasy.red.ru/religion/ra/otto>

7

Электронная версия – <http://fantasy.red.ru/religion/ra/otto>

8

Электронная версия – [http://!:/href="http://www.neplaneta">www.neplaneta.ru/phorum/read](http://!:/href=)

9

См., также: <http://www.speleology.narod.ru/spelesto/Montsegur.html>

10

Электронная версия – <http://www.nlo.pizdec.net/raih6.htm>

11

Электронная версия: <http://www.trackers.su/viewarticle.html>

12

Цит. по: <http://www.nescafe.afisha.ru>